

**ТВОЕ ВРЕМЯ
ПРИНАДЛЕЖИТ
МНЕ**

ТАТЬЯНА СЕМАКОВА

Когда живешь в таком районе, куда приличные люди опасаются заходить, никому нет дела до того, по какой причине убили человека. Но что, если этот человек — твоя близкая подруга? Что, если сосед, которому сдаёшь квартиру — первый претендент на роль убийцы? Что, если перестать выглядеть, как фрик, перекраситься, сменить гардероб, снять пирсинг... Я разберусь. Я буду думать, как она. Я стану ей. И останусь собой.

Перемены ей к лицу

Я сильно спешила, отпросилась на час с работы, но судьба в последнее время мне не благоволила. Прошло полтора месяца, следовательно так и не позвонил, сам трубку перестал брать через неделю, а по общему телефону говорили, что он либо на выезде, либо в отпуске, либо на больничном. Когда я перезвонила в один день с разницей в два часа, а он из отпуска вышел на больничный, стало очевидно, что разговора со мной он старательно избегает. Впрочем, это было ясно и после пяти вызовов без ответа на мобильный, но я привыкла искать и находить в людях только хорошее. Инга всегда потешалась над этим, не понимала, но принимала меня такой, какая я есть: немного странной, слегка зажатой.

Воспоминания о подруге отозвались тупой болью в сердце и я ускорила шаг, то и дело поглядывая на часы. До конца его рабочего дня оставалось всего пятнадцать минут, но я не теряла надежды застать его, точно зная, что разговор не продлится дольше. Навстречу мне сплошным потоком шли люди, я всматривалась в лица, стараясь не пропустить следователя, если он уже отправился домой, но продолжала двигаться к цели, то есть, к участку.

Знакомый затхлый запах ударил в нос, едва я открыла входную дверь, как будто пытался вытолкнуть меня обратно, туда, где цветёт черёмуха, где после дождя воздух свежий, а в лужах отражаются лучи уходящего солнца, но я упрямо шагнула внутрь, проскользнув на мокром линолеуме. Прошла узким коридором и постучала в третий кабинет. Ответить мне не потрудились, я открыла дверь и по инерции сделала несколько шагов, хотя нужный стол и так отлично просматривался и был пуст.

— А Виктор Сергеевич... — промямлила, обращаясь сразу к двум его коллегам, а один ответил, не поднимая головы:

— Его нет.

— А будет сегодня? — спросила заискивающе, он поднял голову с недовольным видом и поморщился, узнав меня.

— Не докладывал, — ответил грубо, а я промямлила:

— Извините, — и начала пятиться к двери, опустив голову.

Нижняя губа дрожала, на глазах наворачивались слёзы, я почувствовала движение за спиной, а тот, с кем я разговаривала, посмотрел на меня выразительно и слегка мотнул головой. Я обернулась, но никого позади уже не обнаружила. Слёзы покатались из глаз, я быстро смахнула их и пошла из кабинета, отлично поняв, что происходит: он не желал со мной разговаривать ни по телефону, ни лично.

Открыла дверь, а мимо меня пронёсся, печатая шаг, второй мужчина из кабинета и торопливо зашагал в противоположную от выхода сторону.

— Может, хватит уже? — услышала в конце коридора и слегка притормозила. — Расскажи, как есть, она так и будет таскаться.

— Тебе надо — ты и объясняйся, — ответил знакомый голос раздраженно, — ещё я перед сопливыми девчонками не отчитывался, мне начальства за глаза.

— Как по-взрослому, — вздохнул тот в ответ, послышались шаги, а я быстро развернулась и почти бегом устремилась к выходу. Быть застуканной за подслушиваем очень не хотелось. — Девушка! — послышался грозный оклик, я встала, как вкопанная, не успев свернуть за угол, поморщилась в досаде и осталась стоять неподвижно. — Как там Вас? Шутова, Шотова...

— Шустова, — ответила, разворачиваясь, а он мотнул головой в сторону кабинета:

— Зайдите.

Я засемила обратно, села на указанный стул и сложила руки на коленях, что, наверное, выглядело дико. Просто мой внешний вид никак не вязался ни с моим мягким, покладистым характером, ни с мироощущением, прочно закрепившись ещё со студенчества по совершенно непонятным причинам. Инга называла это внутренним протестом и с ухмылкой дарила на каждый день рождения очередную сережку, а я настырно продолжала их носить.

— Какие у Вас вопросы? — спросил сдержанно.

— Как продвигается расследование? — голос дрогнул от волнения, а он слегка растерялся. Почему-то люди полагают, что я должна быть дерзкой грубиянкой.

— Ни шатко, ни валко, — ответил со вздохом. — И Ваши бесконечные звонки скорее отвлекают, чем помогают.

— Понимаю, — губа снова дрогнула, он начал с интересом разглядывать меня, откинувшись на стуле и слегка нахмутив брови, а я спросила тихо: — Совсем никаких зацепок?

— Посмотрите на мой стол, — кивнул он на папки с номерами дел. — Семнадцать ножевых по району. Понимаете? Семнадцать. И, между прочим, двоих убили практически на том же самом месте, что и Вашу подругу. И это только за последние полгода. Но Вы, наверняка, в курсе, раз живете в соседнем доме.

— В курсе, — кивнула согласно. — Но то были обычные ограбления и мужчины не местные...

— Такие же ограбления, как и в случае с Вашей подругой, — развёл он руками. — И об этом Вам прекрасно известно, раз именно Вы ее и обнаружили. Сумочка, деньги, часы, украшения — забрали все, — я открыла рот, но он поднял руку, сказав сурово: — Ваши доводы относительно того, что Вы в этом районе выросли, вас все знают и пальцем бы не тронули, мы, разумеется, рассмотрели. Но другого мотива для убийства нет. Если не брать в расчёт лично Вас, ведь ее квартира отошла Вам по завещанию.

Я поморщилась, а он тихо усмехнулся.

— Спасибо, — ответила тихо и поднялась, — не смею больше отнимать у Вас время.

— Если будут новости или вопросы, мы сами с Вами свяжемся, — сказал вкрадчиво, а я кивнула:

— Я поняла, я слишком назойлива. Прошу прощения, — ответила вежливо и развернулась, успев поймать его настороженный взгляд. Видимо, он почувствовал издевку, но ничего подобного и в мыслях не было.

На самом деле, мысль была всего одна: семнадцать ножевых по району. Им просто плевать.

Я уныло поплелась на остановку, где ожидало транспорт человек пятнадцать, не меньше, но вокруг меня образовалось свободное пространство в метр. Люди косились, пытаясь не смотреть, но это было выше их сил. Что тут сказать, выглядела я своеобразно. В тринадцать я проколола себе бровь, через месяц нос, ещё через два — пупок и язык, облачилась в чёрное и бесформенное и с тех пор предпочитала именно этот образ. Волосы были выкрашены в цвет вороньего крыла, слегка отливая синим на солнце, синяя или чёрная губная помада, темная подводка и густо накрашенные ресницы.

Подъехал автобус, я с трудом влезла, а женщина рядом крепче прижала к себе

сумочку, сурово сдвинув брови у переносицы. Обычная реакция, которая уже должна была войти у меня в привычку, но каждый раз было немного обидно. Люди сторонились, что меня вполне устраивало, после смерти родителей в моей жизни было лишь два человека — бабушка, которой пришлось переехать из-за меня в город, и Инга, соседка по площадке, с которой мы дружили ещё с бессознательного возраста, и, по сути, комфортно я себя чувствовала лишь на районе, где знала всех и каждого, и на работе в музыкальном салоне, куда моя внешность отлично вписалась.

Автобус постепенно пустел, мне же надо было ехать до конечной, я пристроилась на свободном кресле и уставилась в окно, углубившись в свои мысли, пока кто-то по-хозяйски не обнял меня, гаркнув на ухо:

— Здорова, Нинель! — с легкой подачи Инги на районе меня иначе уже и не называли.

— Привет, мой хороший, — отозвалась ласково, поворачиваясь, а Генка шумно поцеловал меня в голову.

— Чего кислая такая?

— В участок ездила, — ответила со вздохом, а он поморщился:

— Не понимаю, на что ты рассчитываешь. Ясное дело, никого не найдут. Не наш, я говорил тебе, да что говорить — сама знаешь.

— Знаю, Ген, но это же следователи, улики собирали, отпечатки там всякие... — начала с запалом, а он демонстративно закатил глаза, а потом посмотрел с состраданием и сказал:

— Забудь и живи дальше, — я слегка поморщилась, а он продолжил: — Это жизнь, девочка.

— У меня никого не осталось, понимаешь? — сказала дрогнувшим голосом, а он нахмурился:

— Понимаю. Заведи себе мужика. Ну или кота. Оставь это, Нинель, пустое. Никого не найдут.

— Я найду, — сказала неожиданно даже для самой себя, а Гена слабо прыснул:

— Будешь приставать к людям с расспросами? Да тебя дальше нашего двора за три метра обходят.

— То есть, я уродлива? — скривилась в ответ, а он поморщился:

— Я этого не говорил. Но... ты фрик, короче. Не обижайся. Если бы мы пешком под стол вместе не ходили, я бы даже здороваться не стал.

— Ну, спасибо, дорогой, — фыркнула, а он улыбнулся:

— Выше нос. Инга терпеть не могла, когда ты куksiшься.

— Это правда, — расцвела в ответ, вспоминая улыбчивую подругу.

Мы вышли на остановку, Гена потряс ворот потной футболки и шумно выдохнул:

— Пекло. Как ты не сварилась в этом прикиде?

— Привычка, — пожалала плечами, а потом махнула рукой на прощанье: — Зайду в магазин.

Пошла к продуктовому, но резко сменила направление и завернула в парикмахерскую.

— О, Нинель, — поздоровалась Светка, — корни уже?

— Не совсем... — ответила задумчиво и плюхнулась в единственное кресло. — Сколько у тебя времени?

— Вообще ни одной записи, — скривилась мастер. — Все по дачам, да по речкам.

— А чего не закрылась? — удивилась, распуская волосы, а она начала деловито

прилаживать накидку.

— Да мало ли... вот, ты заглянула, деньги не лишние, сама знаешь. Чего придумала?

— Сможешь мне мой цвет вернуть? — спросила со вздохом, а она присвистнула:

— Неожиданно. Смогу, конечно, что я, безрукая чтоли? Но это часа на четыре и прям в оттенок не попаду, это невозможно.

— Не спешу, — пожалала плечами и приготовилась дремать, но не тут-то было: Светка начала со скуки трещать без умолку, преимущественно засыпая вопросами:

— С чего вдруг такие перемены? Влюбилась, что ли?

— Нет, — поморщилась в ответ, — в память об Инге.

— Тогда давай ее цвет сделаю, — воодушевилась мастер, — На твой натуральный очень похож, будешь у нас платиновой блондинкой.

— Давай, — согласилась охотно, а она спросила игриво:

— Что там твой квартирант? Не съехал ещё?

— Живет, — пожалала плечами равнодушно, а потом добавила: — Наверное. Я его вижу раз в месяц, когда он деньги приносит.

— Я вообще пару раз всего, — ответила с тяжким вздохом. — Такой красавчик и без кольца...

— У нас с тобой разные представления о красоте, — хихикнула в ответ, а она потрясла чёрной прядью в воздухе, фыркнув:

— Это уж точно, — продолжила работу и пожалала плечами: — Не знаю, как по мне — симпатичный. Глаза зелёные — редкость. Ну, шрам через пол рожи, подумаешь...

— Через щеку, — поправила, а она махнула рукой:

— Тем более. Одет прилично, тачка есть, что ещё нужно? Мы люди простые.

— Так-то да, — слегка пожалала плечами в ответ. — Хмурый он какой-то, разговаривает сквозь зубы.

— А что ему с тобой, чай с плюшками распивать? Серьёзный парень, да и лучше так, чем как Гошка: трещит без умолку, похлеще моего.

— Кстати, об этом, — вздохнула и посмотрела на неё через зеркало.

— Ладно, ладно, — хмыкнула беззлобно и сосредоточилась на моих волосах, а я слегка улыбнулась и прикрыла глаза, начав дремать от ее легких прикосновений, а она тихо напевала и не давала мне погрузиться в глубокий сон.

Потом всучила какие-то журналы и побежала домой развесить белье из стиральной машинки, а я уставилась на себя в зеркало невидящим взглядом и думала о подруге.

Она была для меня, как сестра. Заводная, жизнерадостная, не способная сидеть на месте. Мой локомотив, вытянувший из пучины отчаяния, когда в тринадцать я лишилась обоих родителей из-за автомобильной аварии. Мы прекрасно дополняли друг друга: она светилась снаружи, была яркой и улыбчивой, но такой стержневой по натуре, что женщины предпочитали ее сторониться, а мужчины после одной-двух ночей бежали, как от огня, я же, напротив, наполнена внутренним светом, всегда отличалась добрым нравом, но выглядела чернее тучи.

Она — эффектная блондинка в откровенных нарядах, я — обвешенная металлом фрик, по меткому замечанию Генки, соседа снизу. Ещё один заметный персонаж нашей нетипичной компании: крупный рослый парень, абсолютно лысый, с густой бородой и татуировками, со временем заполонившими весь торс, руки и спину. Перемещался в пространстве исключительно на своём выдавшем виды «Харлее», который в очередной раз

приказал долго жить. Климат у нас был мягкий, южный, снега зимой мало, так что эксплуатировал его он и в хвост и в гриву круглый год, а средствами особенно похвастать не мог, занимаясь ремонтом все тех же байков в местном автосервисе.

Когда наша троица выходила за пределы района, к нам были прикованы взгляды, что невероятно смешило Ингу, получавшую от внимания бездну удовольствия. Работу она себе выбрала под стать — танцевала у шеста в мужском клубе в центре и совершенно этого не стеснялась. Отца у неё никогда не было, ее мать сама толком не знала, от кого забеременела, и когда Инге исполнилось восемнадцать, собралась и уехала в неизвестном направлении с очередным ухажером. Через три года он вернулся без неё и сообщил, что она утонула, оставив записку в двери, в которой не было даже адреса, где она была похоронена. Инга лишь пожалала плечами и продолжила жить, как жила, сделала хороший ремонт и предложила съехаться, а мою квартиру сдавать. Предложение было разумным, я и так у неё практически жила, к себе заглядывая только за вещами, и вот уже пять лет квартира сдаётся, принося дополнительный доход, пусть и скромный.

Последний квартирант объявился около полугода назад, проблем не доставлял, платил исправно, а Инга подшучивала, что он там не живет, а хранит что-то подпольное, чем сильно меня нервировала, но проверять я не рискнула. Пусть хранит, тут в каждой второй квартире есть что-то незаконное.

Последней ее выдумкой было сделать парные татуировки, что Гена поддержал с энтузиазмом и отвёл нас к своему мастеру. Картинку тоже выбирала она и теперь на моем запястье красовался небольшой ключ, выполненный с поразительной точностью, а на ее был аккуратный замок.

— Пора смывать, — сказала запыхавшаяся Светлана, едва открыла дверь, а я бросила на себя взгляд в зеркало и уточнила:

— И уже давно?

— Обижает, — поморщилась мастер, — минута в минуту, — смыла краску, сняла полотенце, а я нервно сглотнула. — Спокойствие, это предварительный этап, — сказала быстро, увидев мое выражение лица. Я слабо улыбнулась и закрыла глаза, философски решив, что всегда можно закрасить это безобразие привычным чёрным.

Спустя еще полтора часа она вновь смыла краску, усадила меня спиной к зеркалу, подравняла по длине и посушила.

— Что там? — спросила, когда она сделала два шага назад и начала придирчиво меня рассматривать.

— Сотри хоть помаду, — скривилась она в ответ, — выглядит странно.

— Потом, — отмахнулась и, не глядя на себя, натянула кофту с капюшоном, расплатилась и пулей понеслась домой.

Закрывает дверь, прислонившись к ней спиной, и долго не могла заставить себя посмотреть в зеркало, а когда решилась, замерла в растерянности, но через секунду прыснула и громко рассмеялась. Инга бы оценила: выглядит не просто странно, а совершенно нелепо, хотя, должна отметить, работа Светланы — выше всяких похвал. Совершенно не понятно, почему она до сих пор тухнет в своём крошечном подвальчике.

Я прошла в ванну, смыла косметику и сняла пирсинг с лица. Остались раздражающие отметины, я взяла Ингину косметичку и через полчаса с интересом рассматривала себя в зеркале. Этого показалось мало, я сняла с себя все чёрное, порылась в ее шкафу и облачилась в джинсовые шорты и белую маечку, вздохнув свободнее. Гене я нагло соврала — в чёрном

было ужасно жарко. Прошлась по квартире, чувствуя непривычную свободу, распахнула окна, впуская вечернюю прохладу, и от нечего делать принялась за уборку, но вскоре просто окопалась в комнате Инги, перекладывая ее вещи с места на место.

В дверь позвонили, я мельком взглянула на часы и пошла открывать. Выглянула в глазок, увидела хмурого Генку, открыла дверь и бросилась за угол, крикнув на ходу:

— Заходи!

— А я это, смотрю — свет у Инги в комнате, — сказал громко, проходя, — ты где?

— Тут, — пробубнила и высунула руку в проход.

— Голая, что ли? — удивился, а я вздохнула:

— Вроде того.

— Ну так оденься, — буркнул в ответ. — Я бутылку коньяка принёс, посидим, вспомним... — я сделала пару шагов, друг поставил бутылку на столик, мотнул головой и долго разглядывал, прежде чем выдал: — Ну, ахереть теперь.

— Как это понимать? — вздохнула и потянулась за коньяком, а он перехватил мою руку, поднял ее вверх и крутанул меня вокруг своей оси.

— Ну, ахренеть! — воскликнул возмущённо.

— Ген, твоя реакция напрягает, — вздохнула, освобождая руку.

— Я чувствую себя обманутым, — буркнул и скинул домашние тапки, в которых пришёл, направившись на кухню.

— Почему? — вздохнула, проходя вслед за ним, прихватив бутылку.

— Потому что ты, оказывается, красотка с абалденной фигурой и ангельским характером, а я знал только о последнем и привык относиться к тебе, как к сестре. Обидно даже как-то.

— По-моему, ты преувеличиваешь, — отвернулась, пряча смущенную улыбку.

— Чувствую себя извращенцем, но взгляда оторвать не могу.

— Я тебя сейчас выставлю, — пропела, доставая рюмки, а он фыркнул:

— Силёнок не хватит. Лимончик есть?

— Ты ж знаешь, — ответила слегка возмущённо: коньяк в этом доме уважали.

— Да я просто чтоб тему сменить. Кстати, о переменах... с какой стати? Не то чтоб я был против, видеть тебя такой приятно, глаз радуется, руки чешутся и все такое, но все же?

— Помнишь наш разговор в автобусе?

— Ты поехала, чтоли? — удивленно вскинул брови, а я пожала плечами и начала нарезать лимон. — И как ты намереваешься это сделать?

— Я не знаю, — поморщилась в ответ и плюхнулась на стул рядом, а он разлил коньяк. — Сам посуди, ну кому это надо? Ингу любили все, даже те, кто делал вид, что ненавидит.

— Пол района бывших, ага, — хмыкнул Гена. — Да это все понятно, свои бы не тронули, что бы там эти деятели не говорили... может, ее братец? Вряд ли он знал о завещании.

Я скривилась, вспоминая, как ее брат, которого я видела только в детстве, заявился на следующий день после похорон и приказным тоном заявил, что у меня неделя, чтобы собрать своё барахло и съехать. На мое счастье, Генка был тогда у меня, причём не в духе, потому как мы всю ночь квасили на кухне, и спустил его с третьего этажа. Ещё через день он пришёл с полицией, я показала им заверенное нотариально завещание (я написала на неё аналогичное), они развели руками, а он, багровый, на этот раз спустился сам. С тех пор я его

не видела и не слышала, но не удивлюсь однажды обнаружить в почтовом ящике повестку в суд.

— Точно не знал, — кивнула согласно, — но... убийство? Да ещё так...

— Может, подбил какого-то наркомана, — пожал плечами Генка. — Было бы желание.

— Не знаю, мой хороший, они хоть и не общались, но все же сестра...

— Как ты намерена кого-то найти, если даже обвинить не в состоянии? — вздохнул Генка. — Забудь, Нинель, живи дальше. Про мужика я не шутил, вообще не помню чтоб у тебя кто-то был, а ты вон чего... раз плюнуть, короче. Хочешь, познакомлю с кем-нибудь?

— Нет, — ответила испуганно, округлив глаза, а он прищурился. — Даже не думай спрашивать, — сказала строго, а голос дрогнул.

— Да быть не может, — не поверил сам себе, а я пунцова покраснела и буркнула:

— Нет, я не девственница. Но знакомить все равно ни с кем не надо.

— Фух, — выдохнул шумно, схватившись за сердце и пряча улыбку. — Я думаю, надо. Отвлечешься. Серега, например, помнишь, на днюхе моей?

— А что, если это квартирант? — выдвинула теорию, а Генка разлил ещё, скривившись:

— На хрена ему это?

— Может, она ему отказала.

— И ты не в курсе? — хмыкнул, подняв рюмку.

— Ну да, сомнительно... — вздохнула и опрокинула свою, не чокаясь, а потом продолжила: — С другой стороны, если бы она рассказывала мне о всех, кого отшила, мы бы с этой кухни вообще не выходили.

— Столько разговор по душам знают эти стены... — загрустил Генка, а у меня на глазах навернулись слёзы.

Он разлил ещё и быстро выпил, а потом неожиданно поднялся.

— Куда? — вытаращила я глаза, а он прищурился на один глаз:

— Ещё пара рюмок и я начну приставать.

— Тогда иди, — ответила с готовностью, он хохотнул и вышел, а я отправилась спать: пить в одиночестве не мое.

Я проснулась среди ночи как от толчка. Посмотрела в сторону коридора — свет все ещё горел, а значит, Инга не вернулась. Была у нас такая маленькая традиция: я оставляла огонёк, а она его выключала. Бросила взгляд на часы — уже три утра. Небо серело, а подруга должна была быть дома как минимум час назад. Бывало, конечно, она возвращалась лишь утром, с очередной невероятной историей знакомства с потрясающим мужчиной, в этом не было ничего удивительного. Но я занервничала.

Поднялась, пройдясь по квартире на всякий случай, торопливо умылась и выскочила во двор в пижаме и домашних тапках, озираясь по сторонам. Мне был непонятен мой поступок, но тревога пожирала изнутри, подталкивая к действию, и я пошла в сторону остановки. Ещё одна ее блажь: никогда не доезжать на такси до дома. Говорила, это в целях безопасности — никто не узнает, где она живет.

Я ускорила шаг, выходя со двора-колодца, и тогда увидела ее. Замерла на секунду, а потом кинулась со всех ног, потеряв одну тапку. Упала коленями на асфальт, стисав их в кровь, но даже не заметила, начав что-то невнятно бормотать. Она лежала неподвижно, глаза были широко распахнуты от ужаса и боли, из приоткрытого рта стекла кровь, грудь и подбородок были в мелких каплях, руки лежали на животе, а платье уродливо задралось.

Почему-то раздражало именно платье, я начала его одёргивать, расправляя мельчайшие складки, пачкая её её же кровью. Когда закончила, села рядом, упершись ладонями в асфальт и взревела так громко, как только смогла. Набрала побольше воздуха, но больше не смогла издать ни звука, лишь скользнула пальцами в луже ее крови, как будто пыталась собрать ее обратно и то и дело поглядывала на ее лицо. Мне казалось, она непременно должна была очнуться. Но она продолжала смотреть вверх, как будто игнорировала меня, как будто ей не было до меня никакого дела. Это показалось обидным, я схватила ее за плечи и начала трясти, ругаться на неё, кричала, чтобы она очнулась, пока кто-то не начал оттаскивать меня, а я вцепилась в неё, я не хотела отпускать, я не могла.

Я понимала, что она мертва, что ее безжизненный взгляд уже никогда не станет осмысленным, а лицо не озарит улыбка. Она не придёт домой, не завалится ко мне на кровать, задрав ноги и потирая уставшие от каблуков ступни, не подарит мне очередную сережку, непрозрачно намекая, что пора меняться, не потащит на концерт неизвестной рок-группы, на крышу с бутылкой вина и не соберётся внезапно в детский магазин, не купит вещей и игрушек и не отвезёт меня в детский дом на окраине. Не заставит сесть к Генке на байк, подстричься под каре, полночи прождать в гримерке, пока она раздевается на сцене, или уехать в отпуск на ближайшем поезде в неизвестном направлении.

И я кричала. Я умоляла не трогать меня, оставить меня с ней, умоляла ее очнуться, но никто не слушал, как будто я шептала, едва шевеля губами, как будто не разжимали мои пальцы один за одним с ее плеч. Как будто я не хотела сделать последний вздох рядом с ней.

Ямочки на щеках

Я резко села на кровати и истерично вдохнула, схватившись за горло. Каждую ночь, снова и снова, я видела один и тот же сон, один и тот же отрывок своей жизни, мой самый страшный кошмар. Обычно, правда, он заканчивается чуть позже, когда Генка оттаскивает меня в сторону, закрывая собой ее безжизненное тело, удерживая меня за плечи, обнимая сзади, как будто я могла пошевелить ещё хоть пальцем.

— Эй, порядок? — услышала совсем близко и взвизгнула, подорвавшись на кровати. — Спокойно, это Миронов, — сказал быстро. — Квартирант.

— И почему меня должно это успокоить? — пробормотала испуганно, вцепившись в одеяло.

— Ты кричала, как будто тебя режут, — ответил спокойно. — Решил проверить.

— А вошёл как? — похлопала глазами и попросила: — Включи свет, пожалуйста. А то вдруг ты не он.

Он тихо хмыкнул и прошёл в конец комнаты, щёлкнув выключателем. Я зажмурилась ненадолго, а когда открыла глаза, он стоял в метре от меня и смотрел с недоумением, а потом выдал:

— Или ты — не она.

— Я — это я, — ответила со вздохом. — Так как ты вошёл?

— Через балкон, — пожал плечами и присел на корточки рядом с кроватью, сказав отстраненно, продолжая меня разглядывать: — Они смежные, твой настёж, минутное дело. Реально ты? Нина, да?

— Конечно, я, — удивилась в ответ, а потом слегка поморщилась, вспомнив о переменах. — Я покрасилась.

— Понял, — сказал медленно и поднялся. — Раз все в порядке, я пошёл. Завтра деньги занесу.

Подошёл к балконной двери, покосился через плечо, вышел и ловко перемахнул обратно, а я осторожно поднялась, прошла на цыпочках и быстро захлопнула балконную дверь, повернув ручку вниз. Сползла на пол и почему-то на четвереньках доползла до выключателя, вновь погрузившись в темноту.

— Странный парень, — буркнула едва слышно и села, прислонившись спиной к стене.

Спать больше не хотелось, но я упрямо легла в кровать и накрылась одеялом до самого подбородка. Провозилась с час, пытаюсь избавиться от мыслей, смирилась с судьбой и вновь пошла в ее комнату переключать вещи. Альбом с фотографиями притягивал взгляд, я долго боролась с собой, но в конечном итоге сдалась и открыла его, устроившись на ее кровати. Листала страницу за страницей, тихо всхлипывала, размазывая слёзы по лицу, улыбалась, вспоминая радостные моменты, иногда морщилась, а под конец скривилась, все ещё помня адскую боль, когда мне набивали татуировку. На фотографии у меня красные от слез глаза и вымученная улыбка, а вот Инга, напротив, выглядела какой-то умиротворенной, как будто сделала то, что давно ее мучило. Я посмотрела на своё запястье, где красовался уже зажившийся ключ, провела по нему пальцем и в очередной раз поразились детализировке. Странный, все-таки, выбор, но в этом была вся она: никогда не знаешь, что она сделает в следующую секунду.

Я замерла на этой мысли и поразились другой — так уж ли хорошо я ее знаю? Что она

делала, когда я была на работе? С кем виделась, о чем разговаривала? И не вляпалась ли она в какое-нибудь дерьмо, что привело в конечном итоге к ее гибели? Или это в самом деле было обычное ограбление? Да что у неё грабить? Стильные дамские часики или чаевые, что ей напихали в трусики? Мобильный? Кого этим сейчас удивишь... И кто пойдёт за такой мелочевкой в чужой район? А может, кто-то из наших обдолбался до такого состояния, что было уже без разницы, свой или чужой? Молодая женщина, лёгкая добыча. Я даже местных наркоманов могла назвать по фамилиям, с одним таким я училась одиннадцать лет в параллельном классе. Низенький, ужасно милый, он чем-то напоминал известного певца Губина, был приветливым и открытым, пока однажды не поддался на провокацию и не попробовал. Живет теперь в каком-то подвале, кажется, под ЖЭК-ом...

Мысль, однажды посетившая мою голову, уже никуда не денется, потому выход был лишь один: найти «Губина» и рассчитывать, что он в состоянии со мной поговорить. Было пять утра, но почему-то мне казалось, что для наркомана со стажем время суток роли не играет. Я оделась в привычную одежду, стянула волосы в хвост и накинула капюшон, выйдя на пустынную улицу. Возле аллеи притормозила: обычно на лавках сидят изрядно пьяные подростки, а играть с ними в «угадай, кто я» совершенно не хотелось, но стояла такая тишина, как будто все разом вымерли. Изредка слышался какой-то неясный шорох, который я списала на крысиную возню. Логичнее было бы предположить кошачью, но у нас и те и другие примерно одних габаритов, так что, в целом, не важно.

Дверь нужного подвала была распахнута настежь, я отважно спустилась по полуразрушенным ступенькам, стараясь не наступать на шприцы и пустые бутылки, осторожно отодвигая их кроссовком. Появилось ощущение, что тут можно чем-нибудь заразиться прямо через воздух, стало довольно неприятно, но я продолжила путь и едва не наступила на чью-то руку. Слабо ойкнула, закрыла рот рукой и включила фонарик на телефоне, осторожно продвигаясь дальше.

Свет выхватывал какие-то старые тряпки, валяющиеся на полу, присыпанного песком, бутылки, мусор, каталку из продуктового, в углу валялся старый полосатый матрас, на котором лежала женщина, раскинув руки и сладко посапывая, но кроме неё и обладателя руки у входа больше никого не было. Идти дальше было откровенно страшно, в доме четыре подъезда и даже если подвал поделён на зоны, протяженность его была приличная. Я развернулась, чтобы пойти к выходу, но взгляд вновь упёрся в женщину, которая от посапывания перешла на храп. Она что-то пробормотала и подтянула к груди небольшую дамскую сумочку, которую я сразу узнала. Быстро подошла и выхватила ее из цепких рук, рассматривая в свете фонарика. Сомнений не было — это сумочка Инги, мы выбирали ее вместе.

Женщина вдруг распахнула глаза и заорала дурниной:

— Грабят!

Возле двери послышалась возня, из соседнего помещения прибежало двое мужчин, через минуту подоспел ещё один, которого я не сразу заметила за остальными, меня окружили, а женщина выпалила:

— Эта стерва украла мою сумку!

— А у кого ее украла ты? — огрызнулась в ответ, посветив ей прямо в лицо.

— Отдай, — приказал нетвердым голосом один из подоспевших, а я ответила упрямо:

— Ни за что.

— Нинель, ты, что ли? — вышел вперёд низкорослый парень, а я обрадовалась:

— Я, Сереж, я.

— Верни сумку, Нинель, — сказал, прикрывая лицо от света.

— Это сумочка Инги, — ответила тихо и двоих за его спиной как ветром сдуло, а тот, что полз от входа, уронил голову в песок и притих. Я развернулась к женщине, успевшей накрыться с головой ветхим пледом, рывком стянула его и спросила: — Откуда она у тебя?

— От верблюда, — ответила язвительно. — Вали отсюда, чистюля.

— Я вернусь с Генкой Усмановым, — пригрозила, а она нахмурилась:

— И чего?

— А того, — развела я руками, на мгновение осветив остальное помещение.

— Я ее не трогала, — поморщилась женщина, — и сумка ей уже была не нужна. А мне нужна, отдай.

Я открыла ее, удостоверилась, что она пуста, и швырнула женщине.

— Нинель, зачем пришла? — спросил Сергей. — Мы Ингу не трогали.

— Что-то я уже не уверена, — пробубнила, а он поморщился и потёр худое, заросшее жидкой бородёнкой лицо, а потом повторил устало:

— Не трогали. Нечего тебе тут делать, уходи, пока всех не разбудила.

Он зябко поежился, хотя в подвале было душно и жарко из-за пролегающих труб, а я только обратила внимание на его руки, трясущиеся мелкой дрожью.

— Пусть расскажет и я уйду.

— Расскажи и она уйдёт, — повторил, а женщина проворчала:

— Иду, она лежит. Мертвая. Я сумку взяла и ушла.

— А остальное? — стиснула я зубы. — Часы, серьги?

— Ну, я... — промямлила неохотно, — ей-то зачем уже?

— Сумка пустая? Телефон, ключи, кошелек?

— Телефон, кошелек... ключей не было, но мобилу я выкинула, толку от него, там же этот, пароль...

— Куда выкинула? — продолжила допытываться, она демонстративно отвернулась, а я повысила голос: — Не уйду, пока не ответишь.

— Нинель, не кричи, — присел Сергей, ухватив себя за голову и оглядываясь. — Не кричи...

Из глубины подвала послышался какой-то невнятный мат на несколько голосов и торопливые шаги, а я решила не дожидаться, пока мне проломают голову и кинулась к выходу, покрепче сжимая в руке телефон. На ступеньках едва не расквасила нос, пронеслась вдоль дома и свернула на аллею, юркнув в ближайшие кусты с сильно бьющимся сердцем.

По-хорошему, надо было в самом деле брать с собой Генку, тогда бы она выложила, куда кинула телефон и даже проводила бы до места. Хотя, тут возможен другой вариант — она сама уже не помнила. Постепенно светало, сидеть в кустах было глупо, я вылезла и отряхнула колени, а потом направилась на остановку, а от неё — к дому. Дошла до арки, под которой обнаружила подругу, на глазах вновь навернулись слёзы, но раскисать себе я запретила. Вряд ли женщина врала, что стащила сумку уже у мёртвой Инги. И вряд ли серьги снял кто-то другой и принёс ей. Мужчина бы просто дёрнул посильнее и не возился с замками, а мочки были целы, я отлично помнила каждую мелочь, эта картинка навсегда в моем сознании. Значит, она проходила мимо, увидела ее в луже крови, сняла часы и серьги, взяла сумочку... Примечательно, что сумка не была в крови, а ее тут было предостаточно. Скорее всего, ее выхватили, когда она ещё не упала на асфальт, а потом отбросили в сторону.

Но деньги не взяли, только связку ключей...

От этой мысли прошёл неприятный холодок: замки я не меняла. А следом пришло удивление: прошло больше месяца, никто ко мне не вломился, не ограбил, но взяли только ключи. Не деньги, не кредитки или тот же телефон, только их. Если не планировали обнести квартиру, получается какая-то ерунда. Не из-за брелка же... дешёвой безделушки, которую я ей подарила на своё новоселье.

— Сосредоточься, — буркнула вслух и осмотрелась, пытаюсь представить, куда можно выбросить телефон.

Двор у нас не сквозной, а судя по перекопанным клумбам, там делают закладки с наркотиками. Если она шла туда, а больше делать ей во дворе было нечего, она бы своровала вещи и только после этого пошла за дозой, отшвырнув бесполезный телефон в сторону.

Я прошла во двор и начала систематически обследовать каждый куст, проведя за этим увлекательным занятием не меньше часа, но так ничего и не обнаружив. Телефон могли найти и дети, либо она соврала и ей удалось его продать. Хотя, на районе его бы не купили: там на заставке сама Инга, а все прекрасно знают ее в лицо и то, что она мертва.

Другой вариант — она шла со двора, решив поправить здоровье не отходя от кассы и там же вырубилась. Оклемалась, идёт, а тут Инга... сняла украшения, схватила сумку и пошла дальше, на ходу ее проверяя. Нашла телефон, убедилась, что он заблокирован, отшвырнула и пошла дальше. Я прошлась примерным маршрутом и представила, как правой рукой она копается в сумке и наотмашь бросает его, а потом полезла в заросли за домом, а через пять минут вылезла с трофеем: телефоном подруги. Он давно сел, плюс шли дожди последнюю неделю, так что о том, чтобы его включить, можно было и не мечтать, во всяком случае, пока он не просохнет. Я положила его в карман и заспешила домой, поздравив себя с находкой, никак, впрочем, не приблизившей меня к цели, то есть, к убийце.

Дома положила телефон в банку с рисом и села на пол напротив входной двери с неясной целью. Зачем воровать ключи от квартиры и не пытаться ее ограбить? Если, конечно, не выжидают подольше, чтобы никто не связал два события. Но в этом случае есть риск, что замки сменят, что, вообще-то, разумные люди сразу и делают при пропаже комплекта ключей. У меня же, фактически, пропало два: у Инги были ключи от моей квартиры. Там же на связке должен был висеть ключ от старенького гаража, доставшегося мне от папы, но проще сбить навесной замок, чем убить человека... Что ещё? Ключ от дома в деревне, где жила моя бабушка, точнее их дубликат. Да все то же самое, что есть на моей связке. Хотя, может на ее остался тот причудливый, что красуется в виде татуировки на моей руке, но я понятия не имею, от чего он. Тогда я решила, что она его попросту нашла: он был весь покрыт ржавчиной и какой-то засохшей грязью, как будто годами хранился в болоте. Но теперь...

Послышался стук в дверь, я вздрогнула и посмотрела на свои грязные колени, крикнув:

— Минуту! — и кинулась переодеваться, облачившись в первое, что попало на глаза: шорты и майку, в которых была вечером.

Заглянула в глазок, быстро пригладила волосы и открыла ровно на щель, в которую можно просунуть руку с конвертом.

— Привет, — сказал квартирант и, ухватившись рукой, открыл ее полностью, а я инстинктивно сделала шаг назад. Он расценил это как приглашение и водворился в коридор, окинув меня быстрым взглядом, а потом протянул руку к волосам. Я дёрнулась, а он завершил начатое и продемонстрировал мне зелёный листик. — Я не фокусник, если что, —

сказал серьезно, но глаза заблестели. Я фыркнула, не сдержавшись, протянула руку к листику, а он сунул его себе в карман и подмигнул: — Оставлю на память.

— На память о чем? — похлопала глазами, а он привалился плечом к стене и хмыкнул:

— О твоём расследовании.

— Я не... — замямлила, потупив взгляд, а он тихо хохотнул, а потом спросил:

— И как успехи?

— Да вот размышляю, а не ты ли тот, кто мне нужен? — ответила язвительно, что, вообще-то, было мне не свойственно, но парень почему-то начал раздражать. Может, потому что суёт нос не в своё дело или из-за этих ямочек на его щеках, о наличии которых я не подозревала.

— Смотря в каком смысле, — ответил с улыбкой, а я начала заливаться краской.

— Деньги принес? — проямлила, чтобы сменить тему, а он протянул:

— Не-а.

— А чего тогда пришёл? — удивилась искренне и подняла взгляд, перестав краснеть.

— Это твой натуральный цвет? — спросил в ответ, а я покачала ладонью в воздухе. — Так что удалось выяснить? Из подвала ты неслась так, что пятки влипали.

— Ты следил за мной?! — ахнула, вытаращила глаза, а он слегка поморщился, ответив:

— Скорее, приглядывал.

— Дел других нет? — продолжила глупо хлопать ресницами, а он ответил спокойно:

— Ты меня разбудила, уснуть не смог, высунулся в окно покурить, а там ты куда-то намылилась. Сложил два плюс два, пошёл следом на всякий случай.

— Ты куришь в квартире? — нахмурилась, скрестив руки под грудью. — Договаривались же...

— Если бы ты себя слышала, тоже закурила бы, — ответил хмуро. — Я как будто сам твою подругу нашел, до сих пор твои крики в ушах.

— Ты тут не живешь, да? — спросила в лоб, а он хмыкнул:

— С чего ты взяла?

— С того, что я вижу один и тот же сон каждую ночь уже полтора месяца.

— Как ты ещё в пространстве перемещаешься? — спросил, поморщившись.

— Значит, не живешь, — кивнула утвердительно. — Зачем тогда снимаешь?

— Уверена, что это тебя касается? — хмыкнул самодовольно, а я нахмурилась, ответив строго:

— Думаю, да. Квартира моя и если ты хранишь там черте что, то я этого не хочу.

— Я храню там только себя, но редко.

— Ты в розыске? — спросила просто, а он засмеялся:

— Если бы был, думаешь, сказал бы?

— Вы с Ингой общались? — продолжила допрос с серьезным видом, а он ухмыльнулся:

— Пару раз, — я снова покраснела, отвернувшись, а он пояснил: — Подруга у тебя была неумная. Шило в заднице. Странно, что ее раньше не грохнули.

— Но за что? — подняла на него растерянный взгляд, а он пожал плечами:

— Ты, похоже, решила выяснить.

— Я... не знаю... — замямлила, а потом сказала уверенно: — Да, думаю да. Никому больше нет дела, а мне — есть.

— А мне скучно и в ближайшие две недели я совершенно свободен, — сказал серьезно.

— То есть, я стала похожа на нормальную и ты решил подкатить? — спросила с

вызовом, а он хмыкнул и достал из кармана конверт, протянув мне.

— За два месяца вперёд, — развернулся и покинул мою квартиру, а я поморщилась и выглянула следом, пробубнив:

— Надо замки поменять.

— Брось новый ключ в почтовый ящик, если меня не будет.

Я вернулась в квартиру и закрыла дверь, подождала немного, обула тапки и спустилась на этаж ниже. Генка долго не открывал, а потом быстро распахнул дверь и поскользился по мокрому полу обратно в ванну, придерживая на бёдрах полотенце. Вышел через пару минут одетый и улыбнулся:

— Я с утра проснулся и решил, что приснилось. Но вот она ты, все такая же блондинка в шортиках.

— Мне надо поменять замки, — ответила со вздохом. — Сделаешь или ждать понедельника и вызывать слесаря из ЖЭК-а?

— Сделаю, конечно, — пожал он плечами, — я думал, ты давно сменила... — я вздохнула и пошла на кухню, плюхнувшись на табурет.

— Даже не думала об этом до сегодняшней ночи.

— К тебе что, вломились?! — взревел Генка, а я вдруг поняла, почему его побаиваются: глаза бешеные, пудовые кулаки, бородища эта...

— Уймись, — улыбнулась в ответ и взяла его за кулак, осторожно погладив, а потом рассказала, как провела остаток ночи.

— Он мне не нравится, — заявил уверенно. — И особенно, что он к тебе подкатывает. А татушку лучше прикрой пока. Если Ингу грохнули из-за связки ключей, то она больше похожа на мишень.

Я слабо повела плечами, а по спине прошёл неприятный холод.

— Замки, — вздохнула, поднявшись, — схожу в хозяйственный.

— Сам, — отмахнулся Генка, — иди домой, через полчаса приду.

— Что-то не хочется, — скривилась в ответ, а он пожал плечами:

— Тогда жди тут, — и пошёл обуваться, а я по-хозяйски заварила себе чай и порылась в холодильнике.

Гена остался без родителей ещё раньше нас с Ингой и каким-то чудом умудрился не попасться органам опеки. Лет с десяти начал торчать у автосервиса, в пятнадцать ему уже доверили первый байк, а в двадцать он выкупил половину и стал совладельцем. Дохода от этого не особенно прибавилось, по большей части добавив лишь проблем, но прогрессом он гордился и в двадцать три вступил в байкерский клуб, где поначалу долго притирался из-за неуёмной тяги к досужим разговорам. Через год получил нашивку на свою косуху, которой страшно гордился, а ещё через два большую часть банды расстреляли прямо в их клубе на окраине. Кто и по какой причине мне было неизвестно, радовало лишь то, что Генка в это время торчал в сервисе. В общем, парень особым везением похвастать не мог, с годами меж бровей пролегла суровая складка, но для меня он как был тощим соседом снизу, так им и остался. Как и я для него всю сознательную жизнь была фриком, потому-то кардинальные перемены в моей внешности и вызвали в нем бурю ненужных эмоций. Ещё вчера он отправил бы меня за замками сам, отвесив пендель для скорости. А сегодня... сегодня я пила чай на его кухне и размышляла, а нравится ли мне это внимание, которое внезапно начал проявлять противоположный пол. Закинула ногу на ногу, лениво помахивая тапкой, и поняла: чертовски нравится. Ухмыльнулась собственным мыслям и передала привет Инге,

отсалютовав в потолок. Подруга бы мной гордилась.

Пока Генка возился с замками, я нашла водостойкую тональную основу из Ингиной косметички и замазала татуировку. Полностью перекрыть не смогла, но в глаза она уже не бросалась, так что я осталась вполне довольна.

Когда он закончил, я позвонила к квартиранту, тот тут же распахнул дверь и покосился за мою спину с усмешкой, а потом протянул руку, обращаясь к Генке:

— Я справлюсь.

Повисло неловкое молчание, Гена сопел мне в затылок, я не выдержала и отняла у него новую личину, вложив в руку Миронова.

— Я в сервисе, если что, — сказал друг сквозь зубы и пошёл вниз, то и дело оглядываясь, а я привалилась плечом к стене на площадке и кивнула на замок:

— Справляйся.

Он снова хмыкнул и сходил в квартиру, вернувшись с набором инструментов моего отца. Я стиснула челюсти, видеть их в руках другого мужчины было неприятно, но обращался он бережно даже с пластиковым замком на коробке и через пару минут я расслабилась, глядя на его неторопливые движения пальцев.

Он выглядел, как пианист за роялем, не хватало лишь фрака, который, как мне казалось, пошёл бы ему невероятно. Я невольно засмотрелась и не сразу сообразила, что его пальцы больше не двигаются, но с пола он так и не поднялся.

— Готово? — уточнила слегка хрипло и тут же торопливо откашлялась.

— Минут десять как, — хмыкнул в ответ и посмотрел снизу вверх.

Я протянула ему новый ключ и пошла к себе, но он быстро поднялся и успел перехватить за запястье, спросив весело:

— А где благодарность?

— Ты сам напросился, — удивилась в ответ, а он соорудил рожицу:

— Ну хоть чашку кофе я заслужил?

— Нет, — ответила быстро и прошмыгнула в квартиру, захлопнув дверь.

— Как невежливо! — крикнул из-за двери, а я поморщилась и вновь распахнула ее, буркнув:

— Заходи.

Уныло прошлепала на кухню и включила кофемашину, которую мы с Ингой купили, отправившись ей за новой парой туфель.

— Значит, украли только ключи, — сказал задумчиво, а мои брови поползли наверх. — Я слышал весь разговор в подвале, — пояснил охотно.

— Я думала, ты молчун, — проворчала в ответ, а он хмыкнул:

— Так и есть. Обычно.

— Что изменилось? — спросила, чтобы поддержать беседу, а он пожал плечами:

— Ты.

— Слушай, я не Инга, — слегка поморщилась, разворачиваясь. — То, что я перекрасилась, не значит, что... — я осеклась, а он продолжил:

— Что готова переспать с первым встречным. Я этого и не жду.

— А чего ты ждёшь?

— Пока сам не понял. Но стало любопытно.

— Кто убил Ингу? — уточнила, а он хмыкнул:

— Ага.

— Зачем ты снял квартиру, в которой не живешь? — вновь задала вопрос, на который он не удосужился ответить, и поставила перед ним чашку кофе.

— Я живу, — ответил после паузы. — Но не часто.

— Зачем? — повторила настырно.

Он отхлебнул кофе и облокотился на стул, посмотрев прямо в глаза. В этот момент я немного струхнула, пожалев о своей настойчивости, о том, что впустила и даже о том, что сдала ему свою жилплощадь, но продолжила таращиться, стараясь не моргать.

— Ты не хочешь услышать ответ, — сказал, когда напряжение в воздухе можно было резать ножом.

— Хочу, — ответила как будто против своей воли. Он отрицательно покачал головой, а я пожалала плечами и сходила в спальню за последним конвертом.

Бросила его на стол перед ним и протянула руку:

— Ключи.

— Не отдам, — сказал со смешком.

— Как знаешь, — пожалала плечами и достала телефон из кармана с намерением позвонить Генке, но он резко поднялся и перехватил мою руку. — Пусти, — прошептала испуганно.

— Нет, — ответил тихо, схватил второй рукой за голову, наклонился и поцеловал.

Я опешила на секунду, а потом с силой пихнула его одной рукой и ей же вlepила пощёчину. Его глаза вспыхнули пламенем, он стиснул зубы, но через мгновение изменился в лице и сказал виновато:

— Прости.

Развернулся и вышел.

— Какого... — пробормотала ошарашено и машинально коснулась своих губ. Взбесилась и вышла следом, ногой начав долбить в соседнюю квартиру. Он открыл дверь, а я взвизгнула истерично: — Выметайся!

— Нет, — ответил просто и захлопнул дверь.

Я открыла рот, простояв так довольно долго, рывкнула:

— Черте что! — и пошла к себе.

Взглянула на часы, поняла, что почти опоздала на работу, схватила рюкзак, но понеслась не на остановку, а к Генке в сервис, что было ближе. Влетела с круглыми глазами, нашла его протирающим до блеска бак мотоцикла и выпалила:

— На ходу?

— Прыгай, — хмыкнул и достал из сиденья запасной шлем. Посмотрел на мои голые колени, вздохнул и заставил надеть наколенники.

Через пятнадцать минут я вошла в магазин и бросила по привычке:

— Салют.

Подняла руку и прошла за прилавок, бросив под него рюкзак, а на меня уставился менеджер и неотрывно следил за перемещениями.

— Нина? — спросил осторожно.

Я замерла, вновь забыв про свой внешний вид, вздохнула и скривилась:

— Я уволена?

— Шутишь? — хохотнул в ответ. — Продажи взлетят до небес.

Покачал головой со смешком и отправился по делам, а я весь день зашивалась, бегая от одного клиента к другому. Когда закрывала кассу, менеджер стоял над душой и почти

потирал руки от того, что выручка была раз в пять больше, чем обычно.

— Вы такие примитивные, — вздохнула уныло, имея ввиду весь мужской род, и пошла на остановку.

Сбежать не получится. Да и не хочется

Едва вышла на своей остановке увидела яркие всполохи служебный машин и ускорила шаг. Возле ЖЭК-ка собралась небольшая толпа, стояло три кареты скорой помощи и две полицейские машины, возле одной из которых я увидела того самого следователя, который счёл нужным объяснить со мной в мой последний визит в участок. Я подергала ближайшего парня за рукав и спросила:

— Что тут?

— Тут... — начал, разворачиваясь, а потом уставился на мое лицо и завис на пару минут. — Нинель, ты, что ли? — он выглядел обескураженным и я отрицательно мотнула головой. — Бреешь, — не поверил, похлопав глазами. — Вон след от сережки.

— Да я, я, — проворчала со вздохом. — Что случилось?

— А ты чего такая... блондинка?

— Сень, я тебя сейчас укушу, — сказала с укором, а он ответил с готовностью:

— Я не против, — я глухо порычала, а он засмеялся: — Ладно-ладно, не заводись. Нариков всех в расход пустили. Прикинь? Кому помешали... живут себе тихо, никого не трогают...

— Всех? — спросила, сглотнув.

— Да кто там был. Человек восемь вроде, я не сразу подошёл. При мне шестерых вынесли в мешках. А, вон, смотри, ещё один.

Кровь стремительно хлынула от лица в неизвестном направлении, потому как ни один другой орган ее не получил, я сначала попятилась назад, но резко передумала и пробралась к ленте, встав в паре шагов от следователя и пискнула:

— Простите.

Он слегка поморщился, явно узнав мой голос, развернулся и начал искать меня, глядя за мою спину, потом сфокусировался, глаза медленно расширились, а рот слегка приоткрылся.

— Шустова? — уточнил, все ещё сомневаясь, а я кивнула и спросила:

— Можно с Вами поговорить?

— Это совершенно неуместно, — проворчал в ответ, но поднял ленту, а я шмыгнула под неё, встав рядом, и заговорила с запалом:

— Их убили из-за Инги... — собралась продолжить, но он поднял ладонь в воздух, сказав сухо:

— Довольно. Я пытался объяснить деликатно, но до Вас, похоже, не дошло. Не мешайте, — сказал резко. — Не лезьте с вопросами, со своими бредовыми теориями, не звоните, не приезжайте в участок, не отвлекайте от места происшествия. Так достаточно понятно?

Я посмотрела в его злые, безучастные глаза, развернулась и, присев под лентой, пошла в сторону дома.

— Идиот, — буркнула уже на аллее. Хотя, к его семнадцати ножевым прибавилось ещё... по меньшей мере семь.

Я вновь развернулась и пошла к толпе зевак за подробностями, но ближайшую ко мне группу парней трупы наркоманов занимали уже не сильно.

— Да отвечаю! — сказал Сашка со значением. — Такая фифа... — и я поняла, что неожиданно стала звездой вечеринки.

Один из парней заметил меня и слабо кивнул в мою сторону, все пятеро разом повернулись, а Саша ткнул пальцем:

— Вот.

— Привет, — поздоровалась, подходя ближе, но ответа не последовало. — Да я это! — разозлилась, рявкнув. С тремя из них я училась в одной школе, двое были сильно старше, но я знала их в лицо, как и они меня, но прежнюю.

— Пойдём куда-нибудь? — спросил один, разжав челюсть, а я вздохнула:

— Как их убили?

— Да никто их не убивал, — поморщился в ответ, пока остальные пялили глаза. — Обдолбались какой-то дрянью все разом.

— И сколько всего?

— Девять человек. Так что? Кино там, кафе...

— А если я приду как раньше? — хмыкнула, а он скривился, а потом махнул рукой:

— Пофик. Я уже все видел, — я покачала головой с улыбкой и пошла домой, но на аллее он догнал меня, окликнув: — Нинка! Стой!

Я обернулась, а он заулыбался и подошел ближе.

— В чем дело?

— Во-первых, ты не ответила, — сказал с намеком на обиду, — а во-вторых, давай провожу. Че-то ты больно на Ингу стала похожа...

От этой ремарки у меня мороз пошёл по коже, я слабо повела плечами и кивнула, ухватив его под локоть.

— Чего ты страху на меня нагоняешь, — проворчала, еле передвигая ногами, а он пожал плечами:

— Да я не специально. Помнил что мелкой была светлой, но все равно непривычно. А ты чего вдруг такая?

— Какая? — хохотнула, поглядывая весело, а он замялся:

— Ну... не чёрный властелин мира.

— Инге бы понравилось... — ответила грустно, — как думаешь, за что ее?

— Так ограбили же? — удивился в ответ, а я посмотрела, как на дурачка, и уточнила:

— Кто?

Он завис, остановившись, а потом нахмурился:

— Может кто допился до такого, что не признал?

— И сразу ножом? Ну, вырвал бы сумку и деру.

— Может, она ляпнула чего? Или кричать начала?

— Все равно проще удрать... да и я бы услышала... весь двор ее вопли бы услышал...

— Не знаю, может, не боялась его, все ж друг друга знают. А там кукушку сорвало и все.

— И у кого на столько может поехать крыша?

Он снова остановился, всерьез обдумывая вопрос, а потом сказал уверенно:

— Я таких не знаю.

— Вот и я, мой хороший, вот и я, — вздохнула уныло и потянула его дальше.

— Я вроде привык, что ты ко всем «мой хороший», да «дорогой», — посмеялся тихо в ответ, — но когда ты такая, хочется принять на свой счёт.

Мы прошли через арку и увидели, как из подъезда выходит квартирант, небрежно крутя на пальце брелок с ключами от машины, и направился в нашу сторону вальяжной походкой.

Мой спутник, он же Сашка Терентьев, покосился на него, сурово сведя брови, а когда

тот прошёл мимо, проворчал:

— Вот этот хмырь, например. Рожа зверская, такой вполне может и ножиком без вопросов. И Инга бы кричать не стала, я их видел пару раз вместе.

— В смысле, на свидании? — вытаращила я глаза, а он пожал плечами:

— Ну а что ещё? На тачке его вместе прикатили, он ее высадил, а сам уехал. А второй раз она садилась к нему, на остановке ждал.

— Может просто подвозил? Случайно увидел и все такое... по-соседски.

— Ну, не знаю... — протянул задумчиво. — Она его поцеловала, когда села. В щеку правда, но я так с соседями не здороваюсь.

— Конечно, пацаны бы не поняли, — фыркнула в ответ, а он хохотнул, представив картину. — Пришли, — развела руками, неловко затоптавшись у подъезда.

— Ага, — протянул в ответ. — Ну так что?

— Что? — похлопала глазами, а он посмотрел с укором:

— Не придуривайся. На свидание пойдём?

— Я это... — замямлила, потупив взгляд. — Не привыкла ещё к новому образу.

— Ну, привыкай, — хмыкнул в ответ. — Только имей ввиду, когда выстроится очередь — я в ней первый.

— Какая очередь... — закатила глаза, а он подмигнул:

— Как за хлебом в девяностые.

Развернулся, сунул руки в карманы, слегка сгорбившись, и торопливо пошел обратно, а я нырнула в подъезд, радуясь, что легко отделалась. Возле квартиры Генки притормозила, посмотрела на часы, осознала, что приличные люди в такое время не вваливаются, и уверенно нажала на звонок.

— Открыто! — крикнул из-за двери, я прошла, разулась и стала искать его по всей квартире, обнаружив в ванной с опасной бритвой в руке.

— Слышал, что творится? — спросила, подперев дверной косяк.

— Само собой, ждал, когда услышишь ты. Что думаешь?

— Что пришла я, а на следующий день все мертвы.

— Может, реально некачественная наркота? Бывает, — сказал с сомнением, а я кивнула согласно:

— Совершенно определенно. Только где они ее взяли в таком количестве, что хватило на всех? Прямо праздник какой-то... Серегу жалко. Хороший парень был.

— Лет десять назад, — поморщился Генка. — Не знаю, выглядит довольно рутинно. Разбираться точно не будут. Да и зачем всех травить?

— А если та женщина видела убийцу? Могла и сболтнуть кому.

— Вероятно, конечно, но кто ей поверит?

— Я, например, — хмыкнула в ответ. — Пока я не завалилась туда, полтора месяца до нее никому не было дела. И знаешь что ещё? О том, что я была там, знали, помимо меня, двое.

— Надеюсь, меня ты не подозреваешь, — буркнул недовольно и покосился.

— Я бы тебя подозревала, если бы Ингу убили после того, как она уронила твой байк.

— Руки чесались, — ухмыльнулся, вспоминая. — Чертовка.

— Шило в заднице... — повторила слова квартиранта. — Мне иногда кажется, я совсем ее не знала.

— Я думал, что знаю тебя, — пожал плечами, — а теперь смотрю — совсем другой

человек. И это ты только внешность поменяла, пусть и кардинально, — и закончил глубокомысленно: — А чужая душа — потёмки.

— Философ, — фыркнула, разворачиваясь. — Пойду к себе.

— Постучи по батарее, — сказал вслед, а я снова повела плечами, почувствовав неприятный холод.

Пока поднималась, пришла другая мысль: почему некто убил их, а не меня? Либо был уверен, что я ничего не выяснила, и тогда самая подходящая кандидатура — Миронов, заявивший, что слышал весь разговор, или не знал наверняка, но решил подстраховаться и тогда моя очередь ещё придёт.

Я замерла у двери с поднятой рукой, покрепче сжав ключ, и услышала, как хлопнула дверь вниз, а потом тяжёлые шаги друга.

— Чего не заходишь? — нахмурился, поднявшись.

— Что-то боязно, — призналась, заглянув ему в глаза.

— Не смотри так, — буркнул, забирая ключи. — Мне сразу чего-то хочется.

— Не так уж я и изменилась, — закатила глаза в ответ, а он хохотнул:

— Это ты так думаешь.

Открыл дверь и прошёл в квартиру, заглянул во все комнаты и широко улыбнулся:

— Заяц трусливый.

— Постучи по батарее, — состроила рожицу и начала выталкивать его из квартиры, а он заржал, потешаясь над моими тщетными попытками.

Когда удалось его выпроводить, было уже не так тревожно, я разобрала постель и легла, с тоской глядя на балконную дверь. Недолго боролась с собой и открыла ее: духота победила. Если квартирант убийца, то мог придушить меня ещё утром, после разговора, а вместо этого он меня поцеловал. Тоже, конечно, может быть просто хитрым ходом, но к чему эти сложности? Да и странно заявлять, что слышал весь разговор перед тем, как собираешься отравить кучу людей. Сашка прав, они совершенно никому не мешали: кроме перекопанных клумб не доставляли никакого неудобства. Ну, периодически тырили что-то в продуктовом, но за такое не убивают... Либо я все выдумала и они просто убились некачественным наркотиком. Могли предложить дешевле, чем обычно, они взяли больше, итоге известен. И Ингу пытались ограбить, но она оказала сопротивление...

Я поморщилась от собственных мыслей и посоветовала себе уснуть, но послышался вполне отчётливый шорох из коридора. Через пару минут входная дверь открылась с лёгким скрипом, я подскочила на кровати и заметалась на месте, не зная, что предпринять, а потом юркнула на балкон и присела, осторожно выглядывая в комнату. Мимо двери в сторону комнаты Инги промелькнула темная фигура, я начала дуреть от страха и, не помня себя, полезла на соседний балкон, распластавшись на полу. Увидела, что дверь открыта, на четвереньках заползла в квартиру и прислонилась спиной к холодной батарее, ухватив одну руку второй и пытаюсь унять дрожь.

— С ответным визитом? — спросили из темноты, я слабо взвизгнула и закрыла себе рот рукой, доползла до квартиранта и потянула его за штанину вниз, шикнув:

— Спрячься.

— С какой стати? — спросил обычным голосом, а я плюхнулась на задницу и обернулась на балкон, сказав гробовым голосом:

— У меня кто-то ходит.

— В смысле кто-то? — удивился, а я съязвила:

— Знакомиться не хотелось.

— Объясни нормально, — вздохнул, сев на корточки рядом.

— Лежу, пытаюсь заснуть, слышу — скребется кто-то в коридоре. Я на балкон, оттуда увидела силуэт... ну и сюда, не вниз же, все-таки третий этаж...

— Может, привиделось?

— Точно нет, — замотала головой, а он усмехнулся:

— А может, придумала?

— Зачем мне это? — спросила серьезно, слегка нахмурившись, а потом открыла рот от возмущения: — Да больно надо!

Забыла, что тряслась от страха, резко поднялась, а он ухватил меня за плечи, швырнул на кровать, а сам бросился к балкону. Я разрывалась между желанием накрыться одеялом с головой и кинуться за ним, выбрав вариант посередине: осталась на кровати, поглядывая на балкон, но его уже и след простыл. Через пару минут я начала откровенно нервничать, осторожно поднялась и подошла к балкону, а в следующую секунду в тусклом свете с единственного фонаря на улице увидела, как мужчина выбежал из квартиры Инги и, не сбавляя хода, прыгнул вниз. Следом выбежал Миронов, в попытке ухватить его, но не успел. У меня отвисла челюсть, мы оба свесились вниз, пытаюсь понять, жив ли этот камикадзе, в кустах послышался стон и квартирант дернулся в квартиру, а я осталась наблюдать, как мужчина выбирается из зарослей под домом, постанывая и волоча за собой одну ногу. Через пару секунд рядом остановилась машина, водитель выбежал, помог сесть этой белке-летяге, прыгнул за руль и рванул с места, успев до момента, когда подбежал Миронов.

— Сука! — выругался с раздражением и пошёл обратно, а я осторожно перелезла к себе, находясь в предобморочном состоянии, накинула шелковый домашний халат, взяла ключи, медленно закрыв дверь, и босиком спустилась на этаж ниже, дважды грохнув по двери кулаком.

Когда заспанный Генка открыл дверь, мимо прошёл Миронов, бросил на меня насмешливый взгляд и сверкнул грязными пятками, а я прошмыгнула мимо друга и объявила:

— Я ночью у тебя.

— По какому поводу пижамная вечеринка? — спросил, закрывая дверь и зевая во весь рот.

— Вот теперь ко мне вломились, — ответила со вздохом и нахально устроилась в его постели. Сонное оцепенение с него как ветром сдуло: он подобрался, готовый отразить удар, а я махнула рукой: — Не суетись, он уже выбросился с балкона, — Генкины глаза расширились, а я побаловала подробностями, добавив в задумчивости: — Любопытно, что мужик предпочёл выпрыгнуть, чем быть пойманным. Не первый этаж и не второй.

— Ты какая-то подозрительно спокойная, — заметил осторожно, садясь на кровать.

— Шок, — пожалала плечами почти равнодушно, а потом поднялась: — Пойду к себе.

— Лучше останься, — поморщился друг, а я отрицательно мотнула головой:

— Второй раз за ночь не придут, а мне надо подумать.

— Чем тебе у меня не думается?

— Я привыкла видеть тебя одетым, — буркнула, поднимаясь с кровати.

— Взаимно, — проворчал в ответ и добавил: — Постучи.

Я поднялась к себе, открыла дверь, подумав о бесполезности смены замка, бросила ключи на столик и прошлась по квартире, включая везде свет. Странно, но страха не было,

лишь какое-то подобие досады, что мужчине удалось сбежать. Стукнув по батарее, я пошла в ванну и вымыла ноги, а когда вернулась в спальню, обнаружила на своей кровати Миронова, в одних шортах вытянувшегося в полный рост, для удобства подложив руки под голову.

— Итак, — начала, сев рядом, — ты увидел на моем балконе мужчину, отпихнул меня и рванул за ним...

— Не совсем так, — поморщился в ответ. — Я увидел, как какой-то хер перелезает на мой балкон с твоего и тогда рванул за ним.

— И он начал это делать до того, как я встала или после? — нахмурилась, прикинув, что он отпихнул меня в ту же секунду, что я поднялась.

— До, — ответил просто, а я широко улыбнулась. — Чего тебя так радует? — хмыкнул, приподнявшись.

— Так это не мои гости, а твои, — обрадовала я его, а он скривился и опустил обратно:

— Не исключено.

— Точно твои, он узнал тебя, потому и сиганул, — закивала, продолжая улыбаться, а потом загрустила.

— Что, накрылась теория? — хохотнул, а я буркнула:

— Накрылась.

— Поясни, а то может мне пора барахло собирать.

— Это лишним не будет при любом раскладе, — вновь заулыбалась, а он слегка ухмыльнулся:

— И что бы ты сейчас делала? Я тебе скажу что — ехала бы в багажнике в какое-нибудь веселое местечко. Для них, разумеется. Давай свою теорию.

— Если бы твои — сразу бы пошли в комнату с балконом, — начала вяло объяснять. — А этот сначала в комнату Инги. Балконная дверь нараспашку, кровать разобрана, деваться мне больше некуда. И обе квартиры мои. Вряд ли он вообще рассчитывал застать кого-то помимо меня. Но тебя все равно узнал, иначе с какой стати прыгать?

— Я такой страшный, что мужик предпочёл разбиться, чем оказаться в моих руках? — вскинул он бровь. — Ты мне льстишь.

— Почему он вообще побежал на балкон, а не в сторону двери? — задумалась вслух, а Миронов завис ненадолго и ответил:

— Был уверен в своих силах. Так быстрее и в погоню никто не кинется.

— То есть выбор у него был, но он предпочёл сигануть?

— По большому счету, да.

— А почему ты сказал, что он собирался меня похитить?

— Потому что в руке у него было не оружие, а жутко вонючая тряпочка.

— Почему ты соврал, что вы с Ингой общались?

— Я сказал, — хмыкнул а ответ, а я кивнула на балкон:

— Топай.

— С чего бы? — удивился, приподнимаясь. — Тебе явно нужен собеседник, чтобы думать.

— Терпеть не могу враньё. И секса у вас не было, хоть ты и намекал, ты совершенно не в ее вкусе.

— В твоём? — хмыкнул самодовольно, я начала краснеть и злиться. — Да ладно, я же шучу, — сказал миролюбиво. — Точнее, выдаю желаемое за действительное. Значит, я у тебя

кандидатура номер один на роль убийцы, так?

— А чего тут удивительно? — округлила глаза в ответ. — Не местный, с Ингой какие-то дела имел, возле меня теперь околачиваешься, квартиру снял с неясной целью, как будто прячешься от кого-то, хотя деньги явно имеются, а значит, вполне можешь позволить себе жильё покомфортнее моей халупы. Следил за мной, подслушал разговор в подвале, вполне себе мотив прикончить сразу их всех, подкинув отравленный наркотик.

— И почему ты ещё жива в таком случае?

— Да кто ж знает, что у тебя на уме? Может, пытаешься соблазнить, чтобы потом выпросить о чем-то, что не пожелала сказать Инга. В сумочке ее это нечто не нашел, взял ключи и обследовал тут все пока я была на работе. Я расположение вещей не запоминаю перед выходом.

— Получается? — спросил, сверкнув глазами, а я нахмурилась:

— О чем ты?

— Соблазнить, — подсказал охотно и перевалился на бок. — Получается?

— Нет, — отрезала поспешно, мазнув взглядом по его накаченному торсу.

«Вот гад» — подумала, слегка поморщившись, а он хмыкнул тихо и сказал:

— Врешь и не краснеешь, — присмотрелся и хохотнул: — А нет, краснеешь. Тогда порядок. А на счёт твоей гипотезы — ерунда полная. Я ее не убивал, наркоманов тем более. Я вообще никого не убивал, если уж на то пошло, и не планирую. А вот на счёт того, что в квартире порылись, пока тебя не было — почти уверен. В мою, то есть в твою, тоже заглядывали — это факт, — я приоткрыла рот, а он добавил: — И парень меня не узнал. Я его, кстати, тоже. Но сиганул он уверенно и тачка ждала под окнами.

— Вряд ли меня хотели усыпить, чтобы потом выкинуть с балкона, — задумалась вслух, — иначе поставили бы перед подъездом, а не за домом. А вот на случай экстренной эвакуации — в самый раз.

— Значит, хотел покопаться спокойно, — кивнул согласно. — Что-то дофига желающих набралось.

— Видимо те, кто приходили с ключами, не нашли то, что хотели.

— Или они ищут разное, — поморщился и лёг на спину, устроившись поудобнее и уставившись в потолок. Вообще выглядел так, будто совершенно никуда не собирается уходить, это начало раздражать и я невежливо пихнула его ногу, буркнув:

— Тебе пора.

— Пожалуй, — согласился неожиданно и поднялся, направившись к балкону.

Такая покладистость показалась подозрительной, я прошмыгнула следом и увидела, как он торопливо одевается. Бросилась в комнату, напялила все те же шорты и майку, обула кроссовки, поняла, что забыла про белье и на ходу нацепила толстовку, кинувшись вниз.

Миронов уже завёл машину, я нахально открыла переднюю дверь со стороны пассажира и села в салон. Он повернулся, посмотрев с удивлением, а я сказала решительно:

— Тебе явно пришла какая-то мысль и я хочу знать какая.

— Насмотрелся на твои голые коленки и решил скататься к подружке, — ответил с ухмылкой и плавно тронулся с места, — но совершенно не против, если ты присоединишься, — мои щёки запылали огнём, я ухватилась за ручку с намерением выйти, пока он не разогнался, но он заблокировал двери, хмыкнув: — Не суетись.

— Я... — проямлила в ответ, злясь на себя. — Не подумала о такой вероятности, извини. Останови, я выйду.

— Поздно, я уже поехал. Подождёшь в машине или со свечкой постоишь, на твой выбор.

— Издеваешься? — нахмурилась, скрестив руки под грудью, а он широко улыбнулся в ответ и похлопал по коленке, не отвлекаясь от дороги. Я дёрнула ногой и отвернулась к окну, но на долго меня не хватило и я начала приставать с вопросами: — Куда мы едем?

— Я же сказал, — ответил удивленно, а я поморщилась:

— Прекрати, не смешно.

— А по-моему, довольно забавно, — хохотнул в ответ, — видела бы ты своё лицо.

— Что за дела были у вас с Ингой?

— Да какие дела... так, делишки, — поморщился в ответ.

— Что вы сперли? — вздохнула устало, озвучив мысль, давно вертевшуюся в голове, и обмякла на сиденье.

Подруга у меня была с придурью. Хотя, в медицине есть специальный термин — kleptomания. Все эти сережки, которые она мне дарила, почти наверняка имели прежних владельцев, хоть она и уверяла меня, что купила и от пагубной привычки избавилась. В ее комнате царил образцовый порядок, у меня вещи никогда не пропадали и со временем я забыла об этой ее привычке, но вряд ли, по сути, психическое расстройство, бесследно проходит с годами. А глядя на то, как Миронов менял замки, в голове была лишь одна мысль — он вор. На пианиста этот парень явно не тянул. Притянуто за уши, но на районе хватало примеров для сравнения.

На счёт вкусов Инги я так же ткнула пальцем в небо, проверяя его реакцию. На самом деле, мужчины у неё были на столько разные, что можно было только диву даваться, на сколько широки взгляды подруги, точнее, ее постель. И если бы не Сашкины слова о дружеских поцелуях при встрече, сомнений бы не возникло...

— Ничего такого, за что бы ее могли убить, — ответил, посерьезнев. — Точнее, только ее. Знаешь про ее маленький секретик?

— Вопрос скорее в том, как узнал ты, — нахмурилась в ответ. — Вряд ли она пришла к тебе с деловым предложением.

— Нет, она стырила мои часы, — хохотнул, вспоминая. — Ловкая, я даже не понял, как умудрилась: из вещей только трусики, — я прикрыла глаза, накрыв их ладонью, моментально представив себе картинку, а он продолжил: — Подождал ее с работы, пообщались. Часы она, конечно, не вернула, но... в общем, сработались.

— Вы хранили в моей квартире награбленное?

— Мы что, по-твоему, мешки денег выносили? — округлилась глаза, а я пожалала плечами:

— Да черт вас знает.

— Брось... так, по мелочам. Брюлики, часики. И то скорее ради забавы.

— В деньгах ты не нуждаешься, это факт, — кивнула согласно, а он бросил удивлённый взгляд:

— С чего ты взяла? Этой тачке лет двадцать.

— Этой — да. А ту, которую ты обычно водишь, вряд ли больше года. Новенькая, блестящая и тебе очень нравится, — ответила ехидно, а он засмеялся:

— Да с чего ты взяла, Пинкертон в шортах?

— С того, что ты лопаешься от самодовольства, когда в руках оказываются ключи от машины, — ухмыльнулась в ответ. — И трусы на тебе дороже, чем весь мой прикид зимой, на резине белым по чёрному так и написано. Ещё в клуб заходишь, в котором Инга

работала, а я видела местное меню, до сих пор зубы побаливают.

— Внимательная, — хмыкнул, заезжая в незнакомый мне двор. — Пойдёшь или в машине посидишь?

— Смотри что ты там собрался делать... — проворчала в ответ, а он прыснул и вышел, не дожидаясь, пока я определюсь.

Я замешкалась, но поспешила догнать его, очень надеясь, что он в самом деле не приехал к какой-нибудь девице. От быстрой ходьбы в толстовке стало жарко, я начала потеть, но снять ее не рискнула, а Миронов прошёл мимо подъездов и свернул за угол, направившись к подвалу, вход которого был закрыт кованой дверью с магнитным замком. Нажал на кнопку звонка и подмигнул мне, а я посмотрела на часы — было три часа ночи. Пока я гадала, кто нам мог открыть в такое время, рисуя в голове портрет мордастого парня зверской наружности с маленькими глазками и шрамом как у моего спутника или похлеще, вспыхнул свет, дверь внизу распахнулась и оттуда высунулся мужичок с всклокоченными волосами и больших очках с толстыми стёклами.

— Михаил Фёдорович? — уточнил мужчина, а Миронов кивнул:

— Он самый.

«Как официально» — удивилась мысленно.

Послышался легкий щелчок, Миронов распахнул дверь и жестом пригласил меня спуститься, а мужичок посторонился, пропуская меня в довольно тесное помещение. Я приоткрыла рот, замерев на входе, а квартирант мягко подтолкнул меня в спину.

— Это что? — вытаращила глаза, наконец-то захлопнув рот.

Подвал был ярко освещён, по периметру располагалась стойка, как в ювелирных, под стеклом лежало такое обилие украшений, что глаза разбегались, за стойкой, вдоль стены, тянулись стеллажи, заставленные небольшими предметами интерьера, статуэтками и шкатулками.

— Ломбард, — пожал плечами Миронов и спросил у мужчины:

— Инга давно была?

— Пару месяцев как, — пожал он плечами.

— Что принесла?

— Браслет, — ответил с готовностью и пошёл за стойку, выдвинув один из стеллажей на себя.

Мы подошли ближе, а он достал аккуратный женский браслет, украшенный красными и прозрачными камнями, искрящимися в свете ламп.

— Не слабо, — поднял бровь Миронов, а мужчина развёл руками:

— Вы сказали, принимать от неё все.

— А ещё я сказал звонить, если стоимость зашкаливает, — сказал ледяным тоном, от которого мороз пошёл по коже. Лицо его мгновенно изменилось, от уже ставшей привычной дурашливости не осталось и следа, я вновь увидела того хмурого, серьёзного парня, что снимал мою квартиру. — Как думаешь, Пётр Сергеевич, сколько стоит эта побрякушка?

— Рубины, брильянты, платина... — начал он подсчеты, уставившись в потолок, но осекся и вернул взгляд на Миронова, медленно сглотнув и сделав пол шага назад. — Но ей я дал совсем немного...

Миронов прикрыл глаза, схватил меня за руку, второй забрал браслет, сунув его в карман, и потащил меня к выходу, в раздражении пнув какую-то коробку, попавшуюся на пути. Я попыталась осторожно высвободить руку, но он вцепился так крепко, продолжая

сжимать, что стало больно.

— Ай, — сказала громко и резко дёрнула рукой.

— Прости, задумался, — ответил со вздохом и обнял за плечи, ведя к машине.

— Думаешь, искали этот браслет? — спросила, задрав голову, а он слегка поморщился:

— Вероятно, но верится с трудом. У таких, кто подобное дарит, обычно в запасе ещё с десяток. А девушка, с которой она его сняла, наверняка решила, что потеряла.

— Тогда почему разозлился?

— Терпеть не могу самодеятельность. Наверняка рассчитывал загнать подороже, а разницу положить в карман. Но это ещё ладно, я не жадный, а вот то, что ослушался — бесит.

— Ну так и ломал бы пальцы ему, — проворчала, садясь в машину.

Он сел за руль и хитро улыбнулся, явно что-то задумав. Я напряглась, а он мягко взял мою руку обеими своими, поднял к лицу и начал целовать, продолжая смотреть в глаза.

— Сейчас пройдёт, — сказал тихо, я заерзала, снова пытаюсь освободиться, но не слишком-то старалась, потому как было это, вообще-то, довольно приятно.

«Черт» — буркнула мысленно, поняв, что сопротивляться совершенно не хочется, он это понял не хуже меня, начав продвигаться вверх по руке, задирая рукав толстовки. Появилось непреодолимое желание стянуть ее и выбросить в окно, от нахлынувших эмоций и бешеного сердцебиения стало нечем дышать, я протянула свободную руку и приоткрыла дверь, впуская в машину воздух, а он хмыкнул, опустив мою руку:

— Сбежать не получится.

«Не собиралась...» — вздохнула мысленно и отдёрнула рукав, сев прямо.

— Твой ломбард? — спросила, чтобы сменить тему, а он кивнул:

— Один из.

— Нашел дело по душе? — хмыкнула, а он тихо посмеялся:

— Знаешь, да. Но они, как бы это сказать... не для всех.

— Продаёшь ворованное — покупаешь такое же?

— Вроде того.

— Зачем квартиру мою снял?

— А ты настырная, — поразился искренне.

— Когда я предположила, что приходи к тебе, тебе показалось это вполне реальным.

Почему прячешься?

— Ты только что видела мой бизнес, — пожал плечами равнодушно, — иногда приходят купить, а находят что-то своё.

— И что, достаточно просто отсидеться? — удивилась в ответ, а он поморщился:

— Не совсем.

Продолжения не последовало, я задумалась и предположила:

— На тебя работают те, кто улаживает подобные конфликты?

— Зря я Инге не верил, — хмыкнул, покачав головой.

— А что Инга говорила?

— Что ты красотка, умница и с ангельским характером. На счёт последнего я правда сомневаюсь.

Я прыснула, а он улыбнулся, вновь показывая ямочки на щеках, которые, похоже, мало кто видел.

— Значит, ничего существенного вы не украли? — спросила через пару минут, а он

кивнул:

— Вместе — точно нет. Вообще, это была больше игра, пощекотать нервы. Ее вполне устраивала ее жизнь, меня — моя. Это было не ради денег, просто... просто мы так отдыхали. И ты права, секса не было, мы довольно быстро стали друзьями и пришли к выводу, что портить такой удачный союз развлечением на одну ночь попросту глупо. С ней было весело... — сказал неожиданно грустным голосом, а потом хмыкнул: — Черт, я скучаю по этой девчонке.

— Я тоже, — ответила, поджав губы и пытаясь не разреветься. — Какая-то мразь убила мою девочку. Я любила ее, как родную.

— Вы в самом деле похожи внешне, — кивнул согласно.

— Это из-за цвета волос, — отмахнулась, вспомнив слова Сашки.

— И черты лица, — продолжил настаивать. — Может, у вас батя один?

— Нет, — поморщилась, вспомнив родителей. — Он бы ни за что не стал изменять маме, он с неё пылинки сдувал.

— Тебе виднее, — сказал быстро, заметив перемены в моем настроении, но разговаривать больше не хотелось и до дома мы ехали в молчании.

Я торопливо поднялась домой и первым делом сняла толстовку, наконец-то вздохнув полной грудью, посмотрела на неё с какой-то злобой и пообещала себе, что сожгу все старые вещи, в которых теперь чувствовала себя, как в склепе. Сняла кроссовки и не успела даже отойти от двери, как с обратной стороны осторожно постучали. Заглянула в глазок, увидела Миронова и приоткрыла дверь, а он распахнул ее вполовину и прошёл, глядя куда-то в сторону и теребя в руке ключи от машины.

— В чем дело? — спросила, с трудом разжав челюсть.

— Вот думаю, рискнуть снова получить по морде или не стоит? — перевёл взгляд, натолкнувшись на мою грудь, нахально просвечивающую через тонкую белую ткань, вздохнул и посмотрел в глаза, сказав серьезно: — Ты не оставила мне выбора.

Сделал шаг и обнял, притянув к себе и начав целовать, а я обхватила его за шею, не в силах стоять на ватных ногах. Майка тут же оказалась на полу, как и остальные вещи, на мгновение мелькнула мысль, что я здорово сглупила, но его горячее дыхание на моей шее, его сильные и вместе с тем нежные руки избавили от неё, как и от всех остальных. Я отдалась во власть чувств не испытывая ни малейшего смущения, что было мне не свойственно, как будто вместе с вещами подруги я примерила ее суть. Как будто в нас в самом деле текла одна и та же кровь.

Девчонка с района

Я приоткрыла глаза и первое, что увидела — его довольное лицо. Без самодовольства, без усмешки, он просто лежал рядом, подперев голову ладонью, и смотрел на меня. Потянулся второй рукой и медленно провёл кончиками пальцев по моему плечу, поднимая волну мурашек. Улыбнулся краешком губ, заметив их, а я спрятала лицо в подушку, а потом завернулась в простынь и торопливо пошла в ванну. Закрыла дверь и залезла в душ, рассчитывая, что за это время он уйдёт, но когда вышла он все так же лежал на кровати. Я сходила в комнату Инги, выбрала себе лёгкое летнее платье и вернулась в свою спальню, сев на краешек кровати как бедная родственница. Окинула его взглядом и поняла, что он успел слазить к себе помыться, фыркнула, покачав головой, а он сделал выпад на кровати и повалил меня, нависнув сверху. Долго смотрел в глаза, лицо становилось все серьёзней, я слегка занервничала, не зная, сказать что-то, поцеловать его или попытаться улизнуть, но он заговорил сам:

— Если честно, не думал, что со мной это произойдёт.

— О чем ты? — уточнила, сглотнув.

— Ты поняла, — улыбнулся в ответ и поцеловал, а потом отстранился и потянул за руки, поднимаясь вместе со мной. — Пойдём готовить завтрак. Ужасно хочется есть.

Полчаса мы дурачились на кухне, готовя яичницу. Он обнял меня со спины и управлял моими руками, сосредоточенно пыхтя на ухо, а я глупо хихикала и мешала, пока не вспомнила, что безнадёжно опаздываю на работу.

— В центре мне пока лучше не появляться, — скуксился Миша, — рожа слишком приметная.

— Ерунда, — отмахнулась, быстро поцеловав его в губы, и побежала в сервис.

Во дворе было непривычно много народу, на меня тут же уставились, а я растерялась и остановилась у лавки, где восседала Светлана Львовна, пожилая соседка с моей площадки, в окружении парней.

— Нинель, покрутись, — сказал один из них радостно, все добродушно заржали, кто-то свистнул, а я смутилась и махнула на них рукой, буркнув:

— Да ну вас, — и прибавила шаг.

Вновь вихрем влетела в сервис, Генка окинул меня взглядом и шумно вздохнул.

— Что дальше? — ворчал, помогая мне со шлемом и пристраивая мое платье на сиденье так, чтобы сесть на него самому. — Прокатишься на мотоцикле в купальнике?

— Я забыла про время, — сказала виновато, он посмотрел на меня внимательно и спросил:

— Квартирант?

Я лишь развела руками, он снова вздохнул и повёз меня на работу.

День прошёл в суете, по причине выходного в магазине былолюдно, я забылась на время, но к десяти вечера уже еле волочила ноги и тихо радовалась, что предстоят два дня выходных.

Я в автобусе я задремала, а когда очнулась на кочке поняла, что удобно пристроилась на плече какой-то женщины.

— Извините, — пробормотала смущенно, а она ласково улыбнулась:

— Ничего страшного.

«Я бы могла стащить у неё из кармана что угодно» — подумала внезапно.

Похоже, Инге не составляло особо труда подворовывать, но это стало слишком скучно, обыденно, все равно что отобрать конфетку у ребёнка. Она начала придумывать себе задачки поинтереснее, например, снять часы с парня во время приватного танца. Наверняка она пошла в примерку сразу после, но это, простите, как надо извиваться, чтобы он не заметил? И раз уж смогла, а было это минимум полгода назад, ставки должны были возрасти. Точнее, думаю, менялся контингент. Одно дело быть пойманной за руку милой женщиной в автобусе и получить авоськой по голове или лишиться пары прядей волос, с позором выбежав на ближайшей остановке, и совсем другое — парень со шрамом на щеке. Выглядит брутально и опасно. Правда, пока не улыбнётся.

Где она могла найти похожего человека? Наверняка там же, в клубе. Я была лишь, что называется, за кулисами, на общий зал взглянула лишь одним глазком, три часа проторчав в душной примерке, но даже этого хватило, чтобы произвести впечатление. А если своровала она что-то там, наверняка должны были пойти слухи... девчонки там все болтливые и уши погреть любят, не будь я Чёрным Властелином Планеты в тот момент, непременно бы послушала, а не вставила наушники.

Я вышла на остановке уже ближе к двенадцати, когда окончательно стемнело. На лавке под козырьком сидели трое парней с пивом, один из них паршиво ухмыльнулся и протянул пьяно:

— Нинель, красавица, иди к нам.

— Я домой, — ответила спокойным голосом, — устала очень.

— Вот и отдохнём, — заржал в ответ и поднялся, а я припустилась к дому со всех ног.

Вслед послышался громкий смех, но догонять никто не стал, а я буркнула:

— Придурки, — оглянулась через плечо, а когда повернула голову, влетела в чью-то грудь. Отпрянула, задрала голову, а в следующую секунду кто-то схватил меня сзади и поволок в сторону, зажав рот рукой.

Я завизжала и отчаянно забрыкалась, но успехами похвастать не могла, через пару секунд оказавшись на заднем сиденье машины, зажата с двух сторон амбалами с суровым выражением на лицах.

— Лучше молчи, — рыкнул один, когда я открыла рот, набирая в грудь побольше воздуха.

Я медленно выдохнула и поняла, что машина стоит на месте и мужчины, вроде как, никуда не торопятся. Снова открыла рот, но сказать ничего не успела: открылась передняя пассажирская дверь и в машину сел ещё один тип, тут же развернувшись ко мне.

— Ну что, Нинель, — хмыкнул парень. — Или как тебя называют в этой помойке.

Я нахмурилась и скрестила руки под грудью, уточнив:

— Мы знакомы?

— Нет, — протянул все с той же паршивой ухмылкой, — хочешь?

— Простите, но это не я вас в машину затолкала, — позволила себе удивиться, — что вам нужно?

— Разговорчивая, это хорошо, — хлопнул меня по коленке, а я стиснула зубы и призвала себя к спокойствию: раз до сих пор не убили, может, обойдётся. — Где Мирон?

Внутри меня оборвалась одна ниточка, ведущая от головы к сердцу, и балом стали править эмоции.

— Если речь о Миронове, которому я сдаю квартиру — без понятия, — ответила,

покрепче сжав в руках сумку, как будто она могла мне помочь отбиться от четверых мужчин в замкнутом пространстве.

— Знаешь, Нинель, врать нехорошо, — поморщился, слегка отвернувшись, а потом махнул рукой и тип, что сидел справа с разворота ударил меня кулаком в живот.

Я вскрикнула, согнувшись, и хватая ртом воздух, как рыба, из глаз брызнули слёзы, а боль была такая, что я забыла, как меня зовут, но совершенно отчётливо помнила, что раньше меня не били и больше не хотелось.

— Правда, не знаю, — простонала глухо, пытаюсь унять боль.

— Знаешь, Нинель, — опять начал он учительским тоном, — в более-менее приличных районах на домах стоят камеры и горят абсолютно все фонари. Так что я отлично рассмотрел, с какой трепетной нежностью он прижимал тебя к себе, а после нацеловывал ручки в машине. Очень трогательно, я чуть не прослезился. А парень он суровый, жесткий, беспринципный. Представь мое удивление.

— Представляю, — сказала хрипло, не торопясь возвращать себе вертикальное положение.

— Это я к чему, Нинель... к тому, что не надо мне заливать, будто он уехал и не сказал куда. Не поверю.

— Раз вы все видели, то наверняка заметили, что я пыталась выйти из машины, — приукрасила я действительность. — Не слишком-то мне его нежности по душе.

— То есть, ты с ним не спишь? — уточнил ехидно, а я повела плечом:

— Ну, переспали разок, что тут такого? Его перемещения мне не интересны.

— Вот как, — хмыкнул самодовольно, — а его — твои?

— О чем вы? — запаниковала, заподозрив неладное, а он бросил водителю:

— Поехали.

— Что? Куда? Зачем? — я завертелась на месте, отчаянно пытаюсь придумать план спасения, но он лишил меня даже возможности мыслить, сказав брезгливо, не поворачивая головы:

— Выруби ее, задолбала.

Я дёрнулась от того парня, что ударил меня в живот, и тут же получила чем-то тяжелым в висок от второго. Перед глазами начало темнеть от боли, вновь перехватило дыхание, я судорожно вдохнула и потеряла сознание.

— И долго нам эту сучку караулить? — спросил незнакомый голос недовольно.

— Да думаю скоро прибежит, — усмехнулся второй, — ты же видел эти розовые сопли.

— Может, специально на камеру под идиота закосил? — выдал свежую мысль первый, а я задумалась, не поднимая головы. — Пока мы за девкой гоняемся, он команду собирает. В ломбард заявился, знал прекрасно, что пасти будем. И камера там такая, что слепой заметит.

Не могу сказать, что мне их рассуждения понравились, я нахмурилась, забыв, что притворяюсь спящей, а второй возмутился:

— Очухалась, уши греет лежит. Вот бабы...

Я открыла глаза и обнаружила себя пристегнутой наручниками к какой-то тонкой трубе, тянувшейся вдоль стены. Голые стены, бетонный пол, большие грязные окна под высоким потолком... в целом, обстановка не могла похвастать уютом и напоминала какое-то складское помещение. Я загрустила, ещё раз окинув взглядом все это великолепие, а двое парней, те, между которыми я ехала в машине, уставились на меня, не моргая.

— Бить будете? — спросила чуть сипло. Набрала слюней, сглотнула и посмотрела на каждого по очереди.

— Смотря как будешь себя вести, — нахмурился первый, которого я назвала ворчуном.

— Хорошо, — кивнула без задней мысли, а второй подленько ухмыльнулся и я мысленно окрестила его сначала пошляком, но остановилась на женоненавистнике. — Думаете, нарочно на камеру приставал? — спросила, потому что было ужасно скучно и так сильно болела голова, что хотелось хотя бы отвлечься.

— Тебе виднее, — хмыкнул второй.

— Мне это в новинку, — проямлила, потупив взгляд, а первый нахмурился:

— Что именно?

— Мужское внимание, — призналась честно, а они переглянулись.

— Хорош заливать, — скривился второй, а я возмутилась:

— И не думала. Где мой телефон?

— Ага, нашла идиотов, — закатил глаза первый, а я вздохнула:

— Да я фотку покажу.

Второй был любопытнее, поднялся и через пару минут вернулся с моим телефоном, рыкнув:

— Если попытаешься позвонить...

— Не суетись, — отмахнулась по-свойски, разблокировала телефон и показала им одну из последних фотографий, которые регулярно делала Инга и запрещала мне удалять. — Это я пару месяцев назад, но выглядела так ещё позавчера.

— Гонишь, — заявил второй уверенно и увеличил снимок, а потом приблизился к моему лицу и удивился ещё сильнее: — Не гонишь.

— Нет, конечно, мой хороший, — ответила по привычке. — Так что, ваш разговор меня в самом деле заинтриговал.

— И что думаешь?

— Что вы правы, — пожала плечами, лязгнув наручниками по трубе. — С какой стати ему вдруг вспылать ко мне нежными чувствами?

— А раскатывали вы вместе просто так, да? — ухмыльнулся первый, а я поморщилась:

— По делу. Подруга сперла браслет и через квартиранта спланировала, а мне он дорог, захотелось обратно. Больше ему никто хату на районе не сдаст, так что пошёл на встречу, — запела я соловьем, — и, забавно так, до этого ни намёка на большое и светлое, а тут вдруг объятия какие-то и эта сцена в машине... я сначала натурально ахренела, потом вроде опомнилась, но деваться некуда — домой как-то попасть надо. Ну и... то се... короче, переспали. С утра просыпаюсь — его уже и след простыл. Ну, думаю, говнюк, пошёл лесом и полем. Собралась пока, чуть на работу не опоздала, потом возвращаюсь, а вы со мной так невежливо. И, главное, не понятно — за что? Нет бы спросить по-человечески, не чужие же люди...

— А какие? — опешил первый, а я похлопала глазами и пожала плечами:

— Человек человеку брат.

— Ну, если так рассуждать... — задумался в ответ, а я вздохнула:

— Так пить хочется... и голова болит.

— Пару дней поболит, — поморщился первый, а потом сказал неожиданно: — Извини. Работа такая.

— Ты откуда? — поддержала разговор, а потом прищурилась и подняла одну ладонь,

останавливая его: — Погоди, сама угадаю... Красноармейские все дикие, как собаки беспризорные, с севера почему-то мелкие... радиация там, что ли... на юге по большей части приезжие, выходит, из Ленинских, считай, соседи, — повернулась ко второму и ухмыльнулась: — А ты точно из наших, чего комедию ломаешь? Или ты с окраины?

— С окраины, — буркнул в ответ.

— Ребят, — вздохнула уныло, — очень пить хочется.

— Потерпишь, — скривился второй, а я опустила голову, сказав грустно:

— Я думала, мы подружились.

— Да нет ничего, — буркнул в ответ. Я подняла на него взгляд, полный надежды, а он поморщился: — Даже не думай.

— Ребят, я не при чем, — сказала с укором, — зачем вам мучить меня?

— До магазина километров десять, — возмутился в ответ, а я промямлила:

— На машине всего ничего... И ты меня ударил.

— Работа такая, — повторил фразу коллеги по цеху, нахмурившись, а ворчун поднялся:

— Съезжу. У самого кишки уже сводит.

— Не положено, — рыкнул женоненавистник, а тот махнул рукой:

— Да ясно уже, что не приедет. Девчонка из наших, не его поля ягодка.

Я кисло улыбнулась и села поудобнее. Дождалась, когда ворчун уедет и вздохнула:

— Холодно на бетоне.

— Встань, — хмыкнул в ответ, а я удивилась:

— Труба у пола.

— А ты интересно встань, — ухмыльнулся подленько, а я не придумала ничего лучше, как заплакать. — Да хорош, — скривился минут через пять, — я пошутил.

— Ага, конечно, — всхлипнула в ответ. — я как перекрасилась, все резко решили, что у меня свербит в известном месте, а до этого здоровались сквозь зубы.

— Мужики, — развёл он руками, — а ты чего хотела?

— Чтобы от меня в общественном транспорте не шарахались, — ответила зло, а он поморщился и поднялся, достав из кармана ключ.

— Да не заводись ты, — вздохнул, снимая наручники. — Но если решишь удрать — тебе хана. Это ясно?

— Да куда я денусь? — удивилась в ответ. — Если до магазина далеко, то и до всего остального. Не, я тут посижу, с вами, авось обойдётся. Не хочется, знаешь ли, вслед за подругой.

— А что с подругой? — подхватил тут же, а я пожалала плечами:

— Убили. Прямо во дворе. Три ножевых, якобы ограбление.

— Якобы? — проявил любопытство, а я прикинула, куда бы сесть, и выбрала пустой деревянный ящик.

— Сам посуди, кому из местных это надо? Все друг друга знают чуть ли не с пелёнок. А тут — прямо возле дома...

— Может, заезжий какой, — пожал плечами, а я хмыкнула:

— У нас заезжий во дворе только один. Угадай, кто?

— Мирон, — хмыкнул самодовольно.

— Вот именно, — кивнула глубокомысленно и спросила невзначай: — А вам он на кой?

— Да он ахерел в край, — поморщился парень, — нам же наше барахло продаёт.

— Из-за пары часов меня по голове били? — скривилась в ответ, а он хмыкнул:

— Часов, ага.

— Звучит, как будто я чего-то не знаю... — проворчала в ответ, а он хмыкнул:

— Всего.

— Расскажи, все равно делать нечего, — пожалала плечами, а он ответил просто:

— В других ломбардах торгуют другим товаром. Есть с пушками, есть с холодным оружием. Короче, тот ещё хорёк.

— Так это же удобно, — удивилась в ответ, — какие претензии? Можно свой же ствол слить, кто-то другой его выкупит и воспользуется, менты ни в жизнь концы с концами не сведут.

— Так то оно так... — вздохнул, легонько пнув носком ботинка мой ящик, — только по факту выходит, что чистые пушки воруют и они оказываются у него. Не дело.

— С чего вы взяли, что ворует он?

— А это по барабану, — сказал резко, — что-то ты разболталась.

— Прости, — сказала, понуро повесив голову, — Психую, хочется отвлечься.

— Есть у меня один способ, — ухмыльнулся поднимаясь, а я резко встала с ящика и попятилась назад. — Да ладно, не выделывайся, — скривился, медленно наступая, а я продолжила пятиться.

Споткнулась о какой-то мусор и рухнула на пол, взвизгнув. А он тут же завалился сверху и начал задирать подол платья.

— Все вы с окраины озабоченные, — проворчала, отпихиваясь, а потом изловчилась и ударила его ногой в пах.

— Сука, — прохрипел, повалившись вбок, а я быстро поднялась и побежала к выходу, на ходу прихватив свою сумку и телефон.

Добежала до двери, но резко остановилась и задумалась. Если я сейчас удеру, то домой вернуться не смогу: найдут из принципа, а может решат, что раз дала деру, значит, с целью они не ошиблись. Ждать мне помощи от Миронова или нет было не совсем понятно, хоть и показалось утром, что он не притворялся, но если останусь, а он придёт, то мое положение только усугубит.

Мысли вихрем пронеслись в голове, я достала телефон и торопливо написала сообщение на тот номер, который он оставлял при съеме квартиры, удалила его, сунула телефон в сумочку и развернулась, с покаянным видом бредя обратно. Парень перестал тихо поскуливать и начал подниматься, держась рукой за причинное место, увидел меня и свирепое лицо стало скорее удивлённым.

— Прости, мой хороший, — сказала, скривившись, — я испугалась.

— Ты чего не удрала? — спросил, нахмурившись, а я удивилась:

— А зачем? — а потом попятилась спиной к двери, буркнув: — Если ты конечно опять не решишь...

— Не решу, — огрызнулся в ответ. — Охоту отбила. Яйца теперь весь день звенеть будут.

— Ну это ты сам напросился, — сказала наставительным тоном. — Я может и не из богатеньких, но приличная, а ты вон как со мной. И ладно бы урод какой, тогда понятно, бабы не дают, привык сам брать, так нет же, симпатичный парень. Тебя как звать?

— Руслан, — хмыкнул, подобрев от комплиментов.

— Руслан, мир? — спросила заискивающе и протянула к нему мизинец.

Он хохотнул и покачал головой, но выставил свой и «пожал», несколько раз качнув в

воздухе мою руку.

— Чудная ты, — фыркнул добродушно. — У нас все девки на районе такие стервы, на сраной козе не подъедешь.

— У нас тоже, — пожалала плечами, а потом нахмурилась: — Что-то долго нет твоего товарища.

— Согласен, — сурово свёл брови и достал телефон, но тут дверь распахнулась и он вошёл собственной персоной, с пакетом наперевес.

— Вспомнишь лучик, вот и солнышко, — хихикнула в кулак, а Руслан громко заржал.

— Рано зубы скалишь, — проворчал второй, подходя. — Нам тут всю ночь торчать, шеф звонил.

— Воды, — протянула сипло, протянув руки к пакетам. Руслан снова заржал, а второй закатил глаза, достав бутылку и протянув мне, буркнув:

— Вы чем тут занимались что такие довольные?

— Я по яйцам получил, — хохотнул Руслан, а второй посмотрел с недоумением. — Сам напросился, суть не в этом. Я на полу крючусь, она к двери, очухался, думал — хана мне, упустил девку, а она стоит, сумку в руках теребит.

— Понял, — кивнул с энтузиазмом и направился к выходу, на ходу доставая телефон, а Руслан сунул нос в пакет и достал пачку чипсов, тут же вскрыл и начал хрустеть на весь склад, периодически протягивая их ко мне.

— Слушай, — начала с набитым ртом, — а если это не он у вас ворует, почему к нему претензии?

— А нехер потому что ворованным торговать.

— Так ломбард же, — удивилась в ответ, — сам поди покупал там, удобно же.

— Ну, допустим... — задумался, а потом отмахнулся: — Да не важно.

— По-моему, важно, — пожалала плечами, — вы его прикроете, а воровать не перестанут, какой в этом смысл? Сами себе же и подгадите.

Он нахмурился, обрабатывая информацию, дверь открылась и ворчун объявил громко:

— Погнали, — Руслан пошёл к нему, я сделала пару шагов, но он отрицательно мотнул головой: — Ты остаёшься.

— Как это? — похлопала глазами и повертела головой: — Одна?

— Да давай подбросим, — сказал Руслан осторожно, а второй поморщился:

— Сказали тут оставить. Дойдёт, дорога одна.

— Номерок не дашь, да? — скривился Руслан, а я послала ему сердитый взгляд и насупилась, скрестив руки под грудью и демонстративно отвернувшись. — Понял, — ответил со вздохом, подхватил пакет, оставив мне бутылку воды, и они просто вышли.

Я услышала, как отъехала машина, и вышла на улицу. Было прохладно, темно, а под ногами грязевая каша, так что первой была мысль — а не вернуться ли обратно. Но оставаться тут совершенно не хотелось, так что я побрела вдоль склада, на ходу доставая телефон с намерением позвонить, но успела лишь увидеть автоматическое уведомление о том, что сообщение не может быть доставлено адресату, и телефон выключился, будучи абсолютно разряженным.

— Класс, — проворчала недовольно и наступила босоножкой в грязь, вторично буркнув: — Отлично.

Сделала пару шагов, дойдя до угла строения, как вдруг от стены отделилась фигура, протянув ко мне лапы. Я взвизгнула, дёрнувшись в сторону, а потом побежала по дороге со

всех ног, но мужчина оказался быстрее, догнав меня за считанные секунды, и толкнул в спину. Я упала на грязную дорогу, ободрав колени и ладони, взвыла и попыталась подняться, но тип ухватил меня за талию и поставил на землю, а потом крепко обнял двумя руками, прижав мои руки к телу так, что я могла только вертеть головой и дрыгать ногами.

— Да что вам всем от меня надо! — прокричала истерично, а он шикнул:

— Не кричи.

— А кофе тебе не сварить? — отозвалась язвительно и двинула ему ногой по колену.

Он прорычал сквозь зубы и сжал так, что я едва могла дышать и сосредоточилась на тщетных попытках разжать его руки. Послышался шум приближающейся машины,двигающееся в темноте с выключенными фарами, через несколько секунд она остановилась возле нас, задняя дверь распахнулась и я снова оказалась на заднем сиденье. Тип, что удерживал меня, нервно захлопнул дверь и сел вперёд, а я попыталась удрать, но была поймана за руку тем, что сидел сзади.

— А в грязи обязательно было кататься? — проворчал водитель, оглядываясь, а потом лихо тронулся с места. — Всю машину загадит.

— С удовольствием выйду! — ответила с вызовом, а он хохотнул:

— Выходи, — и прибавил газа.

Машину подбрасывало на разбитой дороге, но ехать в другое интересное место не хотелось, я замешкалась на мгновение и дёрнула ручку, но дверь не поддалась.

— Так не честно, — сказала с обидой и заплакала, вжавшись в угол.

Мужчина рядом со мной тяжело вздохнул и стряхнул с руки грязь, которой вымазался, удерживая меня. Я прикинула, могу ли завести всю ту же песню «своя с района», но пришла к выводу, что номер не прокатит. Всей троице было лет по тридцать пять, если не побольше, выглядели солидно и на шпану дворовую явно не походили. У мужчины рядом я заметила пистолет за поясом и посоветовала себе сидеть смиренно, молча дожидаясь своей участи.

Ехали мы минут двадцать, а точнее, неслись по пустынному ночному шоссе, но в город так и не въехали, свернув на просёлочную дорогу. Небо начало сереть и через несколько километров я увидела одиноко стоящий домик в лесу, вполне приличный, в два этажа, за высоким забором. Правда, понравился он мне ещё меньше, чем склад, я нервно теребила ремешок сумки, которую продолжала сжимать в руках, вцепившись, как утопающий за соломинку, и готовилась сопротивляться до последнего вздоха, что бы меня там не ждало.

Машина въехала через предусмотрительно распахнутые ворота, остановившись почти у крыльца, троица вышла, а потом тот, что запикивал меня в машину, открыл дверь и приказал:

— Выходи.

— Не пойду, — замотала головой и пробралась ко второй двери.

Он выдохнул, устало опустив голову, а дверь за моей спиной внезапно открылась и я практически выпала в чьи-то объятия, нелепо всплеснув руками и взвизгнув. Меня выволокли из машины и затащили в дом, поставив на пол.

В просторной комнате стояло ещё двое, глядя на меня с недоумением, слышались шаги, как будто кто-то спускался по лестнице, и вскоре я увидела Миронова, замершего с приоткрытым ртом.

— Не понял, — рывкнул он в нашу сторону. Тип, что догонял меня, быстро прошёл в его сторону и начал что-то тихо объяснять, стоя ко мне спиной.

Лицо Миши постепенно зверело, глаза начали наливаться кровью, а кулаки сжиматься.

Он бросил на меня взгляд, я сделала шаг назад, упершись в кого-то спиной, а он прорычал, обращаясь к докладчику:

— А позвонить не судьба?

— Решили посмотреть, что они будут дальше делать, — сказали из-за моей спины. — Девчонка успела посеять здоровое сомнение.

— А это ее задача?! — проорал Миша, а тип, стоящий рядом, сделал пару шагов в сторону, поморщившись. — Какого хера она в таком виде?

— Так удирала, — ответил тот, что рядом. — Что с ней делать-то?

— Идиоты... — выдохнул Миша раздраженно и потёр лоб. Постоял немного, успокаиваясь, и кивнул мне: — Иди сюда, — я засомневалась, а стоит ли, а он повторил строго: — Иди.

Делать нечего, я преодолела расстояние, нас разделяющее, оставляя за собой грязные следы на полу, а он взял меня за руку и повёл за собой наверх. Затащил в одну из комнат, закрыл дверь и взял обеими руками за лицо, придирчиво разглядывая.

— В порядке? — спросил хмуро, а я сглотнула и ответила тихо:

— Да.

— Помойся, ванна там, — кивнул куда-то за мою спину, — потом поговорим.

Я выполнила указания и вернулась в комнату в банном халате, но его не было. Выскользнула из комнаты, осторожно спустилась, оставшись на лестнице, и услышала его суровый голос:

— А если бы ее насиловать стали, ты бы тоже остался посмотреть?

— Так не стали же, — ответили недовольно в ответ, — она им так качественно лапшу на уши развешивала, я заслушался. И сама сказала — не твоя баба, на хрена суетиться?

— Да мало ли что она там сказала! Я что говорил?! — рявкнул Миронов.

— Бу, — услышала над самым ухом и взвизгнула, а парень заржал.

На звук пришёл Миша, вздохнул и снова повёл меня наверх.

Закрыв дверь, повернув замок, присел и распахнул полы халата, разглядывая мои колени.

— Очень больно? — спросил тихо, посмотрев снизу вверх, а я растерялась от такой картины и медленно отрицательно покачала головой. Он поднялся, подхватил меня на руки и отнёс на кровать, вновь отодвинув халат. — То есть, жалеть не надо? — прищурился с улыбкой, водя пальцами по ногам, а я раскинула руки и слабо простонала:

— Так щиплет... — он хохотнул и стал нежно целовать мои ноги возле ссадин, плавно передвигаясь выше.

Я вцепилась в простыни, шумно дыша, и прикрыла глаза, рассчитывая оказаться на седьмом небе, как вдруг в дверь постучали.

— Да твою мать! — рявкнул Миронов, резко поднимаясь. Я села, подтянув ноги и прикрыв их халатом, а он распахнул дверь и проорал: — Что?!

— Дальше что делаем? — спросил водитель, покосившись на меня, как будто я была источником всех его бед.

— Ничего, — ответил Миронов спокойно. — Валите нахрен отсюда и ждите звонка.

— Понял, — кивнул мужчина. — Присмотрим пока за этими деятелями.

— Вы только подглядывать и можете, — ответил Миронов злобно и с силой хлопнул дверью. — Весь настрой сбили, скоты, — проворчал, садясь на кровать.

— Мне немножко страшно, когда ты злишься, — призналась честно. — Такое

ощущение, что два разных человека.

— Так и есть, — выдохнул, упав на кровать. — Рядом с тобой я сам не свой.

— Это плохо? — спросила осторожно, а он пожал плечами:

— Смотри с какой стороны смотреть. Для бизнеса — хуже некуда.

— Тогда, может, я поехала?

— А лично я кайфую с этого состояния, — закончил мысль, а внутри меня разлилось приятное тепло. Повернул голову и протянул руку к моим ногам, ухватив одной рукой обе и положив их себе на грудь. — Чувствую себя размазней, но так приятно, черт возьми.

Я пошевелила пальцами, а он улыбнулся, вновь показывая ямочки.

— Почему ты тут? — спросила, а он поморщился:

— Пришлось. Ты на работу уехала, я в твоей квартире остался, то есть в Ингиной. Слышу — за стенкой ходят. Деятели своим набрал, они их шуганули, уехал с ними, думал, вечером тебя заберут. Но не успели, тебя в машину затолкали и повезли. Они следом, дальше сама слышала, посмотреть решили, что будет... уроды. Ладно, за это уже получили... Кстати, разговор весь записали, хоть тут догадались. В самом деле решила, что играл?

— Была такая мысль, — ответила честно. — Логика у парней была железная.

— Да не видел я эту чёртову камеру, — поморщился в ответ. — И уж точно не стал бы сопни в машине распускать. Чувства чувствами, а марку держать все равно надо, иначе хана моему детищу, а я к нему прикипел.

— Ну а я не пыталась сбежать, — пожала плечами, потупив взгляд. — Жарко стало, а под толстовкой майка на голое тело.

Миронов хохотнул и снова полез под халат, на этот раз завершив начатое.

— Там внизу точно никого? — опомнилась, поняв, что со звуковым сопровождением могла слегка перестараться.

— Двое должны были остаться, — поджал он губы, сдерживая смех, а я зарылась лицом в подушку и пролежала так, пока не начала задыхаться.

— Мне надо домой, — сказала, отпрянув, а он удивленно вскинул бровь:

— С какой стати? Они слова не скажут, никому не охото в зубы получать.

— Да я не об этом, — отмахнулась, в самом деле забыв о них. — Во-первых, у меня вещей нет.

— Они тебе и не нужны, — хмыкнул, а я посмотрела с укором и продолжила:

— И мне надо там появиться, на случай, если они решат проверить. Иначе все мои ужимки коту под хвост.

— Логично, — кивнул после паузы, тщательно все обдумав. — Но я против.

— Я что, заложница? — округлила глаза, а он поморщился:

— Нет, конечно. Просто не хочу, чтобы ты уезжала... — сказал, а потом накрыл глаза ладонью, проворчав: — Надеюсь, меня больше никто не слышит, — убрал ладонь и спросил серьезно: — Тебя не раздражает, что я веду себя, как... идиот.

— По-моему, мило, — улыбнулась, а он хохотнул:

— Милым меня ещё не называли, — я ткнула пальцем в ямочку на щеке, а он заулыбался ещё шире: — Черт, у меня от тебя башню сносит. Но лучше, если об этом будем знать только мы, пока все не уляжется.

— Поэтому мне надо домой, — вздохнула, поднимаясь.

Одела грязное платье, брезгливо морщась, кое-как отряхнула успевшую засохнуть грязь, посмотрела на себя в зеркало и покачала головой.

— Тимур отвезёт до шоссе, дальше придётся на автобусе, — вздохнул, подходя сзади и обнимая. Пристроилась подбородок на моей голове и долго разглядывал через зеркало. — На самом деле, ты понравилась мне сразу, еще когда снимал квартиру.

— Врешь, — фыркнула весело, а он ответил серьезно:

— Нет, но понял только сейчас. Заезжал периодически, хотя мог бы просто отдавать деньги через Ингу. Хотел посмотреть, как магнитом тянуло, но сам себе не верил. Крутой же парень, а тут... девушка-гот. И ты капец как похожа на Ингу, реально как сестры.

— Мой папа... — начала с запалом, а он перебил:

— Я помню, но факта это не меняет. Чудно просто, — отстранился и спрятал руки в карманы: — Так, двигай, пока я опять не начал тебя тискать.

Я улыбнулась и привстала на цыпочки, поцеловав его, он проводил меня до машины, проинструктировав парня, и тот отвёз на ближайшую остановку, посадив в рейсовый автобус.

Знакомство со временем

Выглядела я странновато: мечтательная улыбка, грязное платье и содранные колени. Вывод напрашивался сам собой и почти совпадал с реальностью, но такие мелочи, как косые взгляды, меня давно не интересовали. До дома я добралась без приключений, порадовавшись, что во дворе было пусто, если не считать неизменную соседку на лавочке. Поднялась к себе, вытерла послание на зеркале, написанное моей помадой корявым почерком, переделалась в Ингины брюки, севшие, как влитые, в ее же блузку с откровенным декольте, замазала татуировку и спустилась вниз, с намерением поехать на работу к Инге, но была остановлена соседкой:

— Нини, солнышко, присядь, — сказала она ласково, а я улыбнулась на то, как она меня называла, и плюхнулась рядом, а она спросила: — Наконец-то показала свою красоту. Вся в мать.

— Мама шатенка, — сказала мягко, заподозрив ее в старческом маразме, а она поджала губы и кивнула:

— Конечно. Ну, ступай, торопиться поди, — я поднялась, с удивлением посмотрев на неё, а она подогнала меня: — Ступай-ступай, солнышко. Потом поболтаем.

Я выжала улыбку и поспешила удалиться, пока ей не пришло в голову ещё что-нибудь. Минут за сорок добралась до клуба, обошла его и прошла через служебный вход. Недалеко от входа стоял охранник, бросил на меня оценивающий взгляд и уточнил:

— Новенькая?

— Ага, — буркнула, торопливо проходя мимо, и устремилась к гримерке.

Посетителей тут развлекали круглые сутки, в этом заведении вообще отсутствовало такое понятие, как время: окон не было, только искусственное освещение. Возле зеркала прихорашивалась знакомая девушка, увидев меня в отражении она дёрнулась и смазала помаду, резко развернувшись. Присмотрелась и выдохнула, прикрыв глаза:

— Напугала-то как... новенькая?

— Старенькая, — вздохнула в ответ, — Нина, подруга Инги.

— Нинель? — вытаращила она глаза. — Фига ты красотка. Я сначала подумала — Инга зашла, чуть удар не хватил.

— Я за ее вещами, — выдала предлог, который придумала по дороге. — Осталось чего?

— Конечно, собрали все... — она встала и прошла до шкафа, достав оттуда коробку из-под обуви. — Косметика, в основном, пара безделушек, ничего особенного...

Я взяла коробку и села с ней на ближайший стул, повесив голову. Открыла и со слезами на глазах начала перебирать вещи подруги.

— До сих пор не верится, — сказала, торопливо вытерев слёзы и поднимая голову, а Лиза махнула рукой и взяла ватную палочку, стараясь убрать слёзы не попортив макияж.

— Страх. Я сама в ночи домой возвращаюсь, встретить некому, на такси разориться можно, — принялась причитать, я приготовилась слушать, но дверь резко распахнулась и влетел разъяренный менеджер, сверкая глазами.

Увидел меня, нахмурился и сделал шаг назад, а потом два навстречу, приглядываясь и спросил строго:

— Это ты тут под новенькую закосила?

— Да за вещами она, — одернула его Лиза, — Нинель это, подруга Инги.

— Точно, а я-то думаю, кого ты мне напоминаешь? Слушай, а может выйдешь на смену? Катя заболела.

— Ни за что, — замотала я головой, а он скривился:

— Да к бару, что ты, бухло не сможешь до столика донести?

— А если упаду и все разобьётся? Нет, даже не проси, — схватила коробку с намерением выйти, но он применил запрещённый приём, на который я всегда покупалась.

— Пожалуйста, — простонал плаксиво, — Ленка зашивается, народ в зале психует, ещё час и начнут свирепеть.

— Ладно, — сдалась, поморщившись.

— Я тебя люблю! — заявил с чувством, а потом бросил Лизе: — Приодень ее и сразу в зал, — и быстро скрылся да дверью.

Через десять минут я стояла в коротком облегающем чёрном платье, а Лиза колдовала над моими коленями, маскируя ссадины.

— Проводить? — спросила с ухмылкой, видя, как я пытаюсь одернуть подол, а я буркнула:

— Обойдусь.

Влезла в чьи-то туфли, подошедшие по размеру, и пошла в главный зал. По дороге дважды споткнулась, потому что были они широкими и сваливались при ходьбе, сняла их, наплевав на все, и дальше отправилась босиком.

— Прикол, — крякнула Лена, увидев меня, — хорошо Стас предупредил, в этих потёмках я бы точно ласты склеила со страха. Как будто призрака увидела.

— Что делать-то надо? — вздохнула, устав от этих сравнений.

— Давай твоя правая половина зала, моя левая. Подходишь, если зовут, заказ принимаешь, передаёшь на бар, потом забираешь и разносишь. А ты чего босая?

— Да я в сандалях, — поморщилась, а она состроила рожицу:

— Не канает.

— Долго ляды точить будете? — проорали с левой стороны зала и Лена кинулась к столику, а я прошлась вдоль барной стойки к «своей» половине.

Тут же кто-то поднял руку, пощёлкав пальцами, не разворачиваясь, я подошла, а мужчина бросил:

— Двойной виски и пошевелись.

— Да, Господин, — брякнула, не удержавшись.

Он удивленно вскинул голову, посмотреть, что за нахалка посмела язвить, а я широко улыбнулась.

— Ты ещё здесь? — спросил, разжав челюсти, и я заспешила к бару, а через минуту принесла напиток, поставив на чистую салфетку. — Это виски? — спросил надменно, а я кивнула. — Я просил бренди. Забери, — я снова улыбнулась и сходила за другим напитком, а он ухмыльнулся и спросил: — Это что?

— Бренди, — ответила, продолжая улыбаться.

— Убери. Принеси коньяк.

Я сходила за коньяком, поставила на низкий столик, а когда уходила, он подставил мне подножку и я рухнула на него.

— Бестолочь, — поморщился, а я начала торопливо подниматься, сделав то, что поклялась больше никогда не делать. — Пошла отсюда, больше к моему столику не подходи.

— Козел, — вздохнул бармен тихо, когда я подошла, а я кисло улыбнулась в ответ.

Ближе к вечеру народ стал прибывать, почти все столики были заняты, я крутилась, как белка в колесе, и не сразу обратила внимание, что один из тех, что на половине Лены, буравит меня взглядом. Я пробовала не обращать внимания, но он буквально прожигал мне затылок, и когда подошёл менеджер и сообщил, что приехали ещё две девушки и я могу уйти, я припустилась к выходу почти бегом.

Он сунул мне в гримерке конверт с деньгами, который я бросила в коробку с вещами Инги, быстро переоделась и понеслась на улицу, нечисто забыв о цели своего визита. Так себе сыщик.

Зато по части найти на свою задницу приключений я оказалась мастаком. Не успела выйти за дверь, как меня окликнул менеджер, я замерла и поморщилась, поняв, что за свою выходку придётся расплачиваться.

— Нинель, это ты сделала? — шикнул он мне на ухо, а я подняла брови, изображая удивление:

— О чем ты?

— Клиент пошёл к шефу разбираться, утверждает, что ты украла его часы.

— Что за бред? — удивилась вполне естественно, а он нахмурился и ухватил меня за локоть:

— Пойдёшь со мной.

Потащил меня по коридору, а я вяло плелась следом, пока мы не достигли двери, выгодно отличавшейся на фоне остальных: добротная, стальная, обтянутая чёрной кожей. Такое явное тыканье носом в превосходство над остальными отозвалось во мне глухим раздражением и я буркнула:

— Он что там, золотые слитки хранит?

— Не твоё дело, — огрызнулся Стас и постучал, продолжая держать меня, как будто я отчаянно вырывалась.

Вместо ответа дверь распахнулась, а мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть лицо мужчины. Белая рубашка, чёрный костюм, косая сажень в плечах, серьёзный вид. Понятно, тут ещё и охрана.

Он отошёл в сторону, пропуская нас, я вперлась взглядом в массивный стол из красного дерева и не сразу заметила плешивого мужичка, восседающего за ним с царственным видом.

— Она? — спросил он надменно, а Стас кивнул. — Свободен.

Я практически услышала его внутреннее ликование, мысленно хохотнула и с интересом осмотрелась. Дорого-богато и абсолютно безвкусно, что, впрочем, было понятно ещё из-за двери. Интерес угас, но появился новый: я ожидала увидеть того кретина, что гонял меня за выпивкой, а из кресла поднялся совсем другой — тот, что разглядывал.

Он вновь уставился на меня, как будто пытался рассмотреть каждую пору на моем лице, я в долгу не осталась и пауза затянулась. На вид ему было лет пятьдесят с хвостиком, интеллигентное, гладко выбритое лицо, аккуратная стрижка, маникюр свежий, в отличии от моего, идеально выглаженная рубашка, костюм по фигуре, наверняка сшитый на заказ, подтянутый и довольно высокий, он выглядел вполне безобидно, но оставаться рядом с ним дольше необходимого абсолютно не хотелось. Было в нем что-то, вызывающее сначала любопытство, затем смутную тревогу, а через пару минут подобие страха, постепенно усиливающегося.

— Отдай часы, извинись и, возможно, выйдешь отсюда не в наручниках, — бросил хозяин кабинета таким тоном, будто хозяйничал лично мной.

— Я не брала его часы, — ответила просто.

Мужчина сунул руку под пиджак и достал не наручные, а карманные часы на длинной цепочке, повесив ее на палец и покачав ими в воздухе.

— Нашел, — сказал довольно тихо, но его голос как будто проникал в сознание. Лицо не выражало никаких эмоций, он просто продолжал сверлить меня взглядом.

Часы размеренно покачивались, притягивая взгляд, я засмотрелась на вычурный узор на крышке, но заставила себя отвернуться из-за внезапного ощущения, что он пытается меня загипнотизировать.

— Я пойду? — спросила у начальника, а мужчина с часами ответил за него:

— Иди, — и стало очевидно, кто в действительности тут главный.

Я вышла хмурой, с тяжелым чувством на сердце и ощущением, что где-то я его уже видела, но никак не могла вспомнить где именно. Хотя, это впечатление наверняка было обманчиво. Он был похож на кобру, спокойную и неподвижную, от него веяло холодной опасностью, стоять рядом с ним было сродни ходьбы по острию ножа. Я прибавила шаг, крепче сжимая в руках коробку с вещами подруги, и выскочила на улицу, с удивлением обнаружив, что уже стемнело. Достала из сумки наручные часы, но они показывали полпятого. Если бы уже было утро, то на улице должно быть светло, выходит, они встали ещё вечером.

«Тогда, когда в клуб пришёл этот тип» — услужливо нагнал страха внутренний голос и я буркнула вслух:

— Чертовщина какая-то... — заспешив к автобусной остановке.

Пока шла поняла, что сидеть мне там придётся до утра, телефон я так и не зарядила, поэтому принялась вертеть головой в попытке обнаружить работающее круглосуточно заведение, чтобы оттуда вызывать такси, но едва успела дойти до угла здания, как услышала позади себя звук приближающегося автомобиля на низкой скорости. Вообще, машин было предостаточно, они сновали по дороге в обе стороны, но именно эта, крадущаяся, вселяла чувство тревоги.

Я не удержалась и мельком обернулась, успев увидеть ярко желтую спортивную машину, а потом ускорила шаг, идя вдоль здания. Казалось, машина повернула вслед за мной, я чувствовала, как поднимается волна страха, хотела побежать, но ноги как будто не слушались, внезапно начав заплетаться. Упрямо продолжая двигаться вперёд, я готовилась лишиться сознания, как вдруг послышался автомобильный гудок, вернув меня к жизни. Переложив коробку подмышку, я собрала волю в кулак и побежала, надеясь затеряться в хитросплетении узких улочек, но едва юркнула в подворотню, кто-то ухватил меня за плечи, а следом раздался знакомый голос недовольно:

— Да сколько можно...

Я перестала вырываться и обернулась через плечо, а потом обмякла, узнав того же мужчину, что прошлой ночью толкнул меня в грязь.

— Это вы, — выдохнула, а он отпустил меня, нахмурившись:

— А ты кого ожидала?

— Не знаю, — ответила честно, а он проворчал:

— Пойдём, подвезу.

— Вы следили за мной? — спросила уже в машине, а он поморщился:

— Не за тобой. Но приоритеты Мирона понятны, пришлось сделать поправку на ветер.

— Спасибо, — сказала с чувством, пытаюсь унять дрожь в руках.

— Ты в клубе работаешь?

— Нет, — ответила с ходу, а потом поморщилась: — То есть, да. В общем, сегодня работала, но это случайность.

— Я тоже случайно работу нахожу, — усмехнулся, покосившись на меня. — Что ты там забыла?

— Вот, — подняла коробку с колен и потрясла ей. — Забрала вещи подруги.

— А сама она не могла? — скривился мужчина, а я отрезала:

— Нет, — поморщилась от своей грубости и добавила мягче: — Она умерла.

— Тогда точно не смогла бы, — брякнул в ответ. — А работать зачем осталась? Вышла какая-то дерганая, случилось чего?

— Нет, — мотнула головой, — мне показалось, за мной машина едет.

— Не показалось, — хмыкнул в ответ, а я наострила уши, но он огорчил: — Я и ехал.

— Вас не видела, — скисла в ответ. — Желтая спортивная тачка, низенькая такая...

— Не было такой, — ответил медленно и снова покосился.

— Точно была, своими глазами видела.

— Значит, зрение тебя подводит, — заявил уверенно. — Поверь, такую я бы не пропустил.

— Это что же, у меня галлюцинации, хотите сказать?

— Что хотел, я уже сказал, — пожал плечами, а потом хохотнул: — В глазах-то у тебя, похоже, двоится.

— Нет, — ответила растерянно и посмотрела на свою руку, расставив пальцы и констатируя: — Пять, как полагается.

— Тяжелый случай, — протянул задумчиво и пояснил: — Я к тому, что ты мне «выкаешь».

— Ну так это... — замямлила, смутившись, — не знакомилась, не вежливо.

— Манеры? — поднял он бровь. — Ты точно на Печатниках росла?

— А Вы? — спросила в лоб, а он ответил со смешком:

— До восемнадцати. Потом армия и возвращаться уже не хотелось, хотя бываю у родителей, ну и руку на пульсе держу, чтоб местные рожу мою не забывали. Выручает по работе. Давай знакомиться, что ли? Николай, — он протянул одну руку, а я неловко пожала ее, буркнув:

— Нина.

— Стоп, — мотнул головой, хмыкнул и развернулся, вильнув на дороге. — Нинель?

— Ага, — отозвалась вяло.

— Заезда района, — засмеялся весело. — Все, теперь понятно.

— Что понятно?

— Все, говорю же, — продолжил он улыбаться, как идиот. — И что за подруга, и почему ты такая, и от чего у Мирона башня уехала.

— Какая? — спросила с вызовом.

— Застенчивая, Нин, — ответил со вздохом. — С твоей внешностью сейчас вообще не вяжется. Значит, подругу убили и ты потащила на ее работу. Я правильно уловил?

— Какие все умники, — фыркнула в ответ. — Ничего ты не уловил.

— То есть, ты не затеяла расследование или как ты там это называешь?

— Была мысль, — призналась со вздохом, — но ушла.

— Целее будешь, — пожал он плечами. — В этом клубе одни мрази висают.

— Мило, — хмыкнула, вспомнив, где Миронов познакомился с Ингой.

— А ты думаешь он какой-то другой? — удивился Николай в ответ.

— А ты думаешь, я росла принцессой в высокой башенке? Меня не били только потому, что выглядела как одуванчик. Я очень быстро привыкла быть тихой и ласковой.

— А на самом деле?

— И на самом деле, мой хороший, — улыбнулась в ответ.

Он покосился, подозревая издевку, но ее не было и он только вздохнул:

— Дела... — и почесал затылок, а потом добавил неожиданно: — Что там за желтая тачка?

— Да я мельком видела, — поморщилась, пытаясь вспомнить, но она как будто ускользала из памяти.

— Может, плакат какой? — задумался, посерьезнев. — Хочешь, вернёмся посмотрим?

— С чего вдруг? Ты вроде был не слишком доволен, что приходится возиться со мной.

— Нагоняй получать никому не нравится, — пожал плечами в ответ. — И я думал ты придуриваешься там, на складе, а ты реально девчонка с района.

— Спасибо, наверное... — промямлила в ответ и задумалась, а потом ответила: — Не хочу возвращаться. Вообще рядом с этим местом находиться... там тип был такой странный, обвинил меня в воровстве часов, а потом просто достал их из кармана и помотал у меня перед глазами.

— Что за часы? — нахмурился, а я пожалала плечами:

— Карманные, золотые. Старинные, похоже, выглядели чудно.

— А вот это плохо, — сказал резко и достал телефон. — Везу Нину домой, была в клубе, привлекла внимание Антиквара, — послушал ответ и повесил трубку.

— Это что такое было сейчас? — похлопала глазами, а он поморщился:

— Доклад. Велел звонить, я звоню. Сейчас к тебе за вещами и в дом.

— Нет, — отрезала строго, — мы с ним обо всем договорились.

— Мне что сказали... — начал, а я перебила:

— Не поеду. Силком потащишь?

Он тяжело вздохнул и снова взял телефон.

— Добровольно не поедет. Да. Нет... слушай, может вы сами поговорите, а? — начал раздражаться и сунул мне телефон.

— Слушаю, — пискнула в трубку.

— Давай ты приедешь? — спросил заискивающе, а Николай едва заметно ухмыльнулся.

Ну и слух у парня...

— Мы же все обсудили, — сказала сквозь зубы. — И тебя слышно.

— Да похер уже, — отмахнулся в ответ. — Этот тип... как бы выразиться помягче... странный, короче. Любит таскаться ко мне на одну точку, Михалыч потом полдня валерианой отпаивается. Домина на замок похож, сам себя хер пойми кем возомнил, чуть ли не заклинателем времени. Много всего о нем слышал и ни одна из историй мне не нравится, хоть и звучат все, как одна, бредово.

— Зубы мне не заговаривай, — хохотнула в ответ, а он прыснул в трубку. — Если решат, что мной можно на тебя повлиять, либо мне крышка, либо бизнесу твоему. И, знаешь, перед выбором тебя ставить не хочется. Сомневаюсь, что он мне придётся по душе.

— Даже так? — протянул возмущённо, а потом в трубке воцарились тишина.

— Вот именно, — буркнула и отключилась, вернув телефон.

— Жестко, — констатировал Николай. — А реальная причина какая?

— Она и есть, — пожала плечами и отвернулась к окну.

— Ты себя недооцениваешь или нахально пудришь мне мозги, — хмыкнул в ответ, а я улыбнулась краешками губ и оставила ремарку без ответа. — К тому же, его положение не безнадежное, а, скорее, обыденное. Раз в полгода такая канитель.

— Я не понимаю, — нахмурилась, сев поудобнее. — С какой стати?

— Тебе на складе довольно толково разъяснили.

— Это все понятно, но с какой стати? — повторила удивленно. — Проще всего выдать того, кто краденое принес. Наверняка там камерами все утыкано.

— Проще, — кивнул согласно.

— Ах, репутация, — закатила я глаза, догадавшись. — Логично, один раз выдал и бизнес накрылся медным тазом. И что, ждёт, пока те сложат два плюс два и найдут сами?

— Примерно так.

— А как на счёт ответного удара?

— Предлагали, против. Пунктик у него — никаких убийств.

— Зачем так сразу? — поморщилась от одной мысли. — Они обвиняют его в воровстве, так?

— Мне нравится ход твоих мыслей, — широко улыбнулся Николай и снова потянулся к телефону, сказав в трубку: — Нина предлагает обнести их.

Из трубки раздался громкий смех, а когда стих, Коля послушал всего несколько секунд и дал отбой.

— Что он сказал? — проявила любопытство, а он свернул к моему дому и хмыкнул:

— Собирай людей.

Я широко улыбнулась, поблагодарила за транспортировку и вышла, невольно озираясь по сторонам. Поднялась в квартиру, обошла комнаты, а потом выглянула в окно и увидела его возле машины, смотрящим на мои окна. Неловко махнула рукой, он ухмыльнулся и сел за руль, а я разделась и повалилась на кровать без сил.

Прощай, счастливое детство

Меня разбудил въедливый сигаретный запах, я поморщилась и открыла глаза, пытаюсь обнаружить источник, долго соображала и поняла — это от меня. Понюхала свои волосы, скривилась и отправилась в душ, а потом долго смотрела на свою татуировку. Интересно, что можно открыть таким ключом? Похож больше на амбарный, но у него так много зубчиков разного размера, вряд ли кто-то стал бы так сильно заморачиваться для пары мешков зерна. Захотелось повертеть его в руках, таким объемным он выглядел, так что мысль родилась сама собой: я одела тонкое шифоновое платье с длинным рукавом и отправилась на поиски ключника.

На районе в трёх мастерских меня откровенно послали, повертев пальцем у виска, но надежды я не теряла, слегка скорректировав курс: решила поискать среди хлама на балконе, где ему было самое место. Следом на очереди был гараж, идти до него было минут десять, я задумалась о своём, о женском, то есть, о Миронове, а ещё точнее, о том, что я к нему чувствую и чувствую ли вообще. Одно то, что я постоянно возвращаюсь к нему мыслями незамысловато намекало, что он мне далеко не безразличен, но надсадила вероятность, что мне просто льстит его внимание. Я представила, что бы я стала делать, если бы больше его никогда не увидела и решила в тот момент — просто жить дальше.

Стало немного грустно, я опустила голову и не сразу увидела группу парней, толкущихся у будки с охраной, зато отчётливо услышала протяжный свист и улюлюканье на несколько голосов. Присмотрелась и увидела знакомые лица, посмотрев с укором.

— Да ладно тебе, — отозвался весело один из троицы. — Куда чешешь?

— В гараж, мой хороший, — отозвалась, проходя мимо, а он увязался следом под смешки дружков. Я завернула за гаражи и остановилась, спросив со вздохом: — Валь, чего надо?

— Да так, — ощерился радостно, — поболтать. Как жизнь молодая?

— Подругу у меня убили, слышал? — охладила я его пыл и Валя тут же скис.

— Да че-то грабить стали средь бела дня уже, совсем обнаглели.

— Ее ночью, — сказала осторожно, а он пожал плечами:

— Говорю ж, обнаглели.

— Кого ограбили?

— У нас парочку, с окраины ещё парней, из других районов. Причём, всех в один день, как будто специально.

— Тоже убили? — нахмурилась, а он хмыкнул:

— Нет, но ещё вопрос, что хуже. Не хотел бы я в одних труселях днём щеголять.

— Да ладно тебе, — фыркнула в ответ, — ты вон какой... спортивный. Пробежался бы, ничего страшного. Это не три ножевых.

— Нравится? — ухмыльнулся, задрав футболку и демонстрируя кубики пресса.

Я отвела взгляд и почувствовала, что краснею, а он довольно гоготнул.

— Охота тебе в краску меня вгонять? — буркнула, а он ухватил меня за плечи и повёл дальше:

— Давай помогу открыть, у твоего бати гараж уже весь зарос. Продала бы хоть, тачку некуда ставить, черте где паркуюсь.

— Так память, — сказала грустно, а он кивнул:

— Ну так то да... что тебе там?

— Да посмотреть что вообще лежит, — повела плечом, попутно пытаюсь сбросить его руку, но не тут-то было: ухватился он крепко.

— Давай посмотрим, — ответил с готовностью, а я вздохнула:

— Ты открой, а дальше я одна, ладно? Буду сидеть сопли на кулак намазывать, так себе картинка.

— Ладно, — ответил неохотно. Помог с дверью, отвесил смачный шлёпкой по пятой точке и пошёл, жутко довольный собой.

Я шагнула внутрь, нашла выключатель и быстро закрыла дверь, надеясь, что никому больше не придёт охота присоединиться.

— Инга, твою ж мать... — простонала, взявшись за голову.

И было от чего. Гараж напоминал больше пещеру Али-Бабы: повсюду валялась кольца, серьги, заколки, часы, бумажники, ключи, даже расчески и прочая мелочевка. Она даже не потрудилась сваливать все в какую-нибудь коробку, наверняка швыряя не глядя прямо от двери. В бумажниках лежали деньги, кредитки, документы, чеки, фотографии, права и прочая лабуда и было их такое количество, что впору было открывать свой ломбард.

У меня начали разбегаться глаза, хотелось просто выйти отсюда, закрыть дверь и никогда больше не возвращаться, но я якобы собиралась предаться ностальгии и выходить через пять минут с круглыми глазами было слегка подозрительно, а отвечать на вопрос «почему?» страсть как не хотелось. Поэтому я освободила от ветоши коробку и начала методично собирать все в одну кучу, попутно размышляя о том, что, по большому счету, любой из тех, кто лишился имущества, мог иметь на неё зуб. Не важно что она не попалась сразу, некто мог вычислить ее уже после.

Например, обладатель перстня, который я держала в руках. Вместо камня или эмали золотом был выполнен рисунок шестеренок. Работа искусная, вещица явно не дешевая и довольно своеобразная. Я прикинула размер и пришла к выводу, что носил его скорее всего мужчина, хотя, он был лишь слегка великоват для моего большого пальца, так что и женщине покрупнее вполне бы подошёл. Повинуясь порыву, я сунула его в бюстгальтер, сложила все, что смогла найти, убрала коробку подальше и окинула гараж взглядом. Никакого ключа тут не было или он был спрятан. Я стала открывать металлические ящики один за одним, но там лежали лишь инструменты отца, перебралась к верстаку и наткнулась на старую фотографию в простенькой рамке: милый пикник на природе. Родители дружили с матерью Инги, мы часто вместе проводили время, пока они были живы. На фотографии я улыбаюсь во весь рот, ничуть не стесняясь отсутствия двух передних зубов сверху, рядом стоит Инга, подняв мои косички в воздух, а справа от нас сидят наши матери.

Я зависла над фотографией, а сердце вдруг ускорило темп. Сунув ее в сумку, я вышла, без труда закрыла дверь и припустилась к дому.

— Быстро, — хмыкнул Валька при моем появлении, а я смахнула несуществующие слёзы и продемонстрировала рамку. — Понял... — кивнул глубокомысленно, а я ускорила шаг и через минут пять влетела в подъезд и поднялась на свой этаж, нервно нажимая на кнопку звонка соседки.

— Быть не может, — сказала слегка истерично, едва она открыла дверь.

— Проходи, Нини, — вздохнула она в ответ, медленно отступая в квартиру, — предупрежу сразу, я сама толком ничего не знаю... так, одни догадки.

— Расскажите! — взмолилась, плюхнувшись на стул на кухне.

Она с трудом села на соседний, опираясь на стол: годы брали своё. Вздохнула и слегка развела руками, заговорив:

— Знаю только, что твоя мама на семь месяцев уехала в деревню, аккурат когда соседка ходила беременная. Та ребёнку родами потеряла, а твоя вернулась с тобой. Говорила, решила беременной на свежем воздухе пожить, они с твоим папой долго зачать пытались, да все никак. Думаю, тут многие догадались, но дело не наше, никто и слова не сказал... вот и весь сказ, Нини. Ты прости старую, оговорилась я... жила бы себе спокойно, горя не знала...

— Не верю... — замотала я головой.

— И не верь, — закивала она с готовностью, — не верь, солнышко, не бреди старые раны. А я может и надумала себе, когда правды не знаешь, много всякого в голову лезет! Вот в самом деле, я бы тоже уехала на природу, если ребёночек желанный, подальше отсюда, тут черте что в то время творилось, ещё хуже, чем сейчас, бандиты одни кругом, убьют и не спросят как зовут. Все правильно она сделала, Нини, не слушай ты старую! Да и разве смогла бы мать дитя своё отдать? Она обоих любила, и старшего, хоть и вырос хапугой жаднучей, это у него от отца видимо, тоже бездарь был... и Ингу любила, души в ней не чаяла, и будь ты ее, ни в жизнь не отдала бы! А гены штука сложная, вон бабка твоя, царствие ей небесное, по молодости светлая была, она сама говорила...

— Я... пойду я, Светлана Львовна, — выдохнула, поднимаясь. — Тошно мне.

Старушка поджала губы, стараясь не заплакать, но сил утешать ее, как и желания, не было. Я прошла в свою квартиру, едва волоча ноги, переделалась в старые джинсы и бесформенную футболку, стянула волосы в хвост и побрела в сервис.

— Нинель! — обрадовался Генка. — Я уже начал волноваться, дома нет, телефон отключён! — присмотрелся и нахмурился: — Ты чего вся в чёрном? Помер кто?

— Да, мое счастливое детство, — ответила хмуро. — Сильно занят?

— Считай, освободился, — ответил серьезно. — В чем дело?

— Смотаемся в деревню? — попросила заискивающе, а он с готовностью кивнул и достал для меня шлем.

— Нин, чего стряслось-то? — спросил тихо, склонившись надо мной громадой, загораживая от присутствующих.

— Соседка уверяет, что моя мать — мать Инги, — всхлипнула чуть тихо.

— Бред, — заявил уверенно.

— Фотографий, где мама беременная, я не видела, — пожалала плечами. — Хочу покопаться в бабкином доме, Светлана Львовна сказала, что мама там жила весь срок.

— Нашла кого слушать, — фыркнул Гена, — у неё маразм уже лет пять. То Пашкой меня назовёт, как отца, то вообще не узнает.

— А если правда? — нижняя губа задрожала, а он вздохнул и прижал к себе покрепче.

— Даже если и так, это ничего не меняет. Родители тебя любили, а кто родил — какая разница?

— Не меняет?! — взвизгнула на весь сервис, отстраняясь. — У меня сестру убили!

— Дела... — почесал затылок Гена и подтолкнул к байку, — погнали.

Помог мне сесть, порычал мотором и плавно тронулся, выезжая за ворота. Я с силой вцепилась в ручки, но вдруг так захотелось душевного тепла и я обняла друга, прижавшись к нему всем телом. Он выехал на шоссе и положил одну руку на мою, слегка сжав. Я чувствовала, как успокаиваюсь от глухого урчания байка и широкой Генкиной спины, в шлеме было даже уютно, а мелькающий пейзаж действовал умиротворяюще.

В стареньком доме пахло сыростью, несмотря на жару, воздух был спертым, затхлым, полы были усеяны мышинным пометом, а на стенах по углам раскинулась паутина величественных масштабов. Воображение услужливо подсуло картину полчища мышей и огромного паука с мохнатыми лапами, я передернула плечами, а Генка хмыкнул:

— Трусиха.

— Слышал про ограбления? — спросила, чтобы отвлечься.

— Кто-то решил поглумиться, — хохотнул Гена. — Прикинь, до трусов раздели под дулом и отпустили с миром. Мужики ржут, впервые такой цирк. Ещё вроде квартиру одну обчистили, но это не у нас, ближе к центру. Там уже не так безобидно, с перестрелкой.

Я замерла и медленно сглотнула, спросив:

— Погибшие есть?

— Да хер знает, но скорые, говорят, шныряли одна за одной. Если палить начали, полюбому кого-нибудь зацепило, к гадалке не ходи. Ну что, нашла альбом?

— Да... — кивнула растеряно, держа его в руках.

— Смотреть будешь?

— Да, — опомнилась, начав его листать, но мыслями была довольно далеко. А что, если его убили? Руки мелко дрожали, на фотографии стало плевать, я быстро пересмотрела их, но на всех в основном была я в разном возрасте. — К черту! — рявкнула нервно, не выдержав. — Все потом, поехали, я покажу дорогу, — ухватила опешившего Генку за руку и потащила на выход.

Закрыла дверь и мы под лай собак выехали из деревни. Дорогу я помнила смутно, пару раз мы свернули с шоссе не на ту просёлочную дорогу, но друг не злился, только смотрел с подозрением, но что конкретно подозревал было не ясно. Когда дом наконец-то был обнаружен, мы въехали через распахнутые ворота и остановились между двух машин. Я кинулась внутрь, на ходу снимая шлем. Дверь была незаперта, а на ступеньках я увидела размазанные капли крови. В доме их было ещё больше, на первом этаже сидели пятеро мужчин, троих из которых я уже видела. Они курили и переговаривались, у двоих были перемотаны бинтами торс и рука, я отмахнулась от клуб дыма, а из кухни вышел Коля и приветливо махнул мне рукой.

— Привет, Нинель!

— Нинель? — послышалось удивлённое со спины, я вздохнула и спросила нервно:

— Где?

— На втором, — ответил Коля, как-то странно посмотрев на меня.

Я нахмурилась, не ожидая ничего хорошего, стрелой поднялась на второй этаж и распахнула дверь в ту комнату, в которой мы вместе провели ночь.

Миронов лежал на кровати, по пояс накрытый простыней. Руки за головой, расслаблен, доволен. Я собралась кинуться к нему, вцепиться в него продолжающими дрожать руками, но тут дверь ванной распахнулась и вышла привлекательная брюнетка. Высокая, статная, со слегка надменным лицом. Я попятилась, а Миронов дернулся на кровати и сказал строго:

— Стой где стоишь.

Мои губы задрожали, я хлопнула дверью и напялила шлем, опустив зеркальный визор, чтобы скрыть хлынувшие из глаз слёзы.

— Да твою мать! — проорал из-за двери, а я почти бегом спустилась вниз, пронеслась по первому этажу, задев Колю плечом, прыгнула на байк и нервно постучала Генке по руке.

Он тут же рванул с места, а я стиснула зубы, вцепившись в его куртку, и рыдала в голос,

заглушаемая ревом мотора.

— Дура! — рывкнула с чувством, а Гена прокричал:

— Что?!

— Дура! — повторила, убрав руки с его куртки и вцепившись в ручки по обеим сторонам от сиденья.

Гена начал притормаживать и вскоре остановился на обочине, сняв шлем.

— Ничего не понял, — сказал виновато, разворачиваясь, а я подняла визор. — Теперь ещё больше не понял. Чего реवेशь?

Я слезла и сняла шлем, размазывая слёзы по лицу. Друг неловко топтался рядом и не знал, что ему предпринять, чтобы остановить вселенский потоп, а я сунула ему шлем и уткнулась в свои руки, продолжая реветь, содрогаясь всем телом.

«Вот тебе и нежные чувства» — подумала зло, чувствуя себя последней идиоткой.

«Вот и живи дальше» — усмехнулся кто-то злорадный внутри и стало ещё обиднее.

Я заскулила жалобно и уткнулась в друга, ища поддержки, а он положил мне руку на спину и буркнул:

— Жесть.

— Я думала, его ранили или убили, а он с другой... — пробормотала сквозь слёзы, а Генка отозвался флегматично:

— И ты найдёшь другого.

— Не хочу другого, этого хочу, — надула я губы. — Коля предупреждал, а я не поверила... дура.

— А этот — это кто? — спросил, слегка отстранившись. — Квартирант?

— Он, — всхлипнула, вытерев слёзы.

— Не самый лучший выбор. Там кровь во дворе... по его милости заварушка?

— По моей, — скривилась, а у Гены полезли глаза на лоб.

— Пояснишь? — спросил осторожно, а я махнула рукой:

— Потом. Вернёмся в деревню?

— Давай, — пожал плечами и вернул мне шлем.

Через полчаса мы снова въехали в деревню, двигаясь тихим ходом и подняв всех собак. Одна попыталась ухватить меня за ногу, я взвизгнула, а из соседнего с бабушкиным домом вышла старушка с клюкой и потрясла ей в воздухе, взревев на всю округу:

— Мухтар! Морда ты бесстыжая!

Мухтар слегка присел, повесив уши, но продолжил поглядывать в мою сторону. Я слезла, сняла шлем и громко поздоровалась:

— Баб Маш, здравствуйте!

— Нина, деточка, ты? — ахнула старушка и устремилась к нам, подслеповато щурясь и сложив ладонь козырьком, защищаясь от палящего солнца.

— Я, баб Маш, — улыбнулась, а она всплеснула руками:

— Какая красавица выросла! А чего лицо красное? Надуло дорогой? Чёртова колесница, — и потыкала в байк палкой, а Гена нахмурился, обидевшись за верного друга.

— Надуло, — кивнула согласно. — Пройдет.

— Второй раз за день, — хитро прищурилась старуха, — случилось чего, аль продаёшь?

— Да я это... — замямлила в ответ, а потом нашлась: — Утюг забыла выключить, пришлось вернуться домой.

— А приехала чего? Столько лет не было...

— Да решила вещи разобрать... мама тут жила, когда мной беременная ходила, думала, может, осталось чего. На память.

— Это ты что-то путаешь, — удивилась соседка. — Как по молодости уехала, так только погостить на пару дней.

— А я думала, тут... говорила на природе, а где ещё?

— Может, у свекрови? — пожалала та плечами. — Бабка твоя рассказывала, разругались они, не общались несколько лет, уж не знаю причину.

— Так бабушка по папе давно уж умерла, — удивилась в ответ. — За несколько лет до моего рождения.

— Да, но дом-то остался. Из соседней деревни он, папа твой. А дед плотником был, хороший у них дом, добротный, до сих пор небось стоит, чего ему будет? Вон Палны и то уцелел... хоть и без присмотра столько лет... я толко успеваю мальчишек от окон гонять, Мухтара на них травлю, сама-то только палкой грозить и могу...

Мы с Геной переглянулись и я спросила:

— А где дом-то? Любопытно, хоть посмотреть, пока тут.

— Да в Некрасовке, пару километров вдоль речки, там на горку и сразу деревня за липами. А дом зелёной краской был выкрашен, оконца резные, со ставнями, таких ни у кого не было. Хотя, может, и сняли уже... последний он, прямо за ним овраг, тот уж точно никуда не делся, — разболталась старушка.

— Спасибо, — ответила коротко и села, прилаживая шлем. — Придержите пёсика?

— Придержу, что ж не придержать... — возмутилась баб Маша и заорала дурниной: — Мухтар! А ну иди сюда, хвост облезлый!

Я порадовалась, что успела натянуть шлем, а Генка дернулся, поморщившись. Натянул свой и быстро сел, повернув ключ и торопясь уехать.

Нужный дом мы нашли без труда, во дворе стояла машина, ставни были на месте, а стены перетерпели изменения и стали синими. Выглядел ухоженно, невысокий, но крепкий забор, подстриженная лужайка, детские качели и добродушная рыжая собака на длинной цепи, отчаянно завилявшая хвостом при моем приближении. Присела на передние лапы и заскулила в нетерпении, а я засмеялась и протянула руку к добродушной мордашке, как вдруг услышала грозный женский окрик:

— Вы кто?

— Простите, — разогнулась, одернув руку, и увидела крупную барыню в цветастом платье и тазом в одной руке.

— Что Вам? — спросила с вызовом, а я растерялась от такого недружелюбия и сказала ещё раз:

— Простите, этот дом принадлежал моей бабушке...

— Еще одна, — вздохнула она недовольно, а я замерла и спросила осторожно:

— Инга тоже приезжала?

— Приезжала, приезжала, — фыркнула женщина, — все тут излазила, цветы примяла, носилась сайгаком.

— Она не рассказывала, — надула губы и соврала: — Мы не общаемся, — и добавила абсолютную правду: — Стерва она.

— Это уж точно, — хохотнула женщина. — Сестра?

— Одно название, — скривилась в ответ. — Я в соседней деревне была, у другой бабки, ну и начали вспоминать, она этот дом нахваливала, а я и не была ни разу. Давно вы тут?

Дом-то, поди, долго пустовал, а выглядит до сих пор как с открытки.

— Жила тут какая-то, — пожалала она плечами. — Странная, не выходила совсем, даже летом. Мы в соседнем раньше жили, а потом как Алексей предложил выкупить, назанимали по родне и переехали. Хороший дом, до сих пор хлопот никаких, так, по ерунде.

— Красивый, — улыбнулась в ответ и прищурилась: — Можно я тоже похожу? Я осторожно.

— Если найду сломанный цветок — спущу собаку, — пригрозила женщина, а потом покосилась на продолжающую вилять хвостом животину с сомнением и вздохнула: — Вот зараза, то не замолкает, а то прижухла! У, лиса! — замахнулась беззлобно и хохотнула. — Чует видать, добрая ты девка. Гуляй уж, чего там... только амбал твой пусть по дорожкам ходит, этот точно все помнёт.

Амбал состроил недовольную мину, продолжая стоять столбом, а я медленно пошла за дом, пока она не передумала.

Цветники были раскинуты как попало по всему заднему двору, вплоть до самого забора. Я окинула взглядом довольно просторный участок, увидела добротную баню, явно новую, неподалёку сарай, а в самом углу участка какую-то покосившуюся деревянную будку, служившую, видимо, уличным туалетом. Сносить ее поленились, она была засажена кустами гортензий, скрывавшие ее почти вполовину. Я ещё раз прикинула, как бы Инга могла поломать цветы и пришла к выводу, что только гортензии, либо она была на столько не в себе, что отдельно стоящие цветники попросту не заметила. Оглянувшись на дом я увидела, как женщина стоит рядом с Генкой, а тот что-то с запалом рассказывает, старательно отвлекая ее от моих перемещений. Что тут сказать, поболтать он а самом деле любил. Не теряя времени, я устремилась к гортензиям, осторожно раздвинула заросли и присмотрелась. Рядом стояло какое-то старенькое деревянное корыто с засохшей и потрескавшейся от жары грязью, но даже с моего места был отлично виден отпечаток. Отпечаток ключа, пролежавшего там долгие годы.

С сильно бьющимся сердцем я вернула цветы в исходное положение, отошла на два шага и придирчиво их осмотрела. Порадовалась, что они остались в неизменном виде, ещё немного прогулялась, посмотрела на дом и пошла обратно.

— А эту я сделал когда попал в такой переплёт... — услышала размеренный бас Георгия, усмехнулась и дослушала выдуманную на ходу историю.

— Живут же люди! — покачала головой женщина. — А у нас, деревенских, одна забота: постирать, да ужин приготовить.

— Спасибо, — сказала, привлекая к себе внимание. Она явно расстроилась моему появлению, сухо кивнула, подхватила таз и пошла в дом, а мы пошли к калитке.

— Ну, что? — спросил Генка с интересом. — Я видел, как ты по кустам шарилась.

— Теперь ясно хотя бы где Инга нашла ключ с татуировки.

— Серьезно? — удивился Гена. — В кустах? С чего бы ей туда лезть?

— Вопрос, — кивнула задумчиво и пошла обратно к дому, из которого вновь вышла женщина.

— Внутри не пушу, — заявила она безапелляционно. — Мы там все переделали, нечего там шастать.

— Да я спросить хотела, Инга когда приезжала?

— Весной этой, не помню точно, — пожалала она плечами, немного расслабившись.

— А женщина, что тут жила, совсем не выходила?

— В туалет бегала, в окно видела, куда без этого, — хмыкнула она самодовольно.

— Так она беременная была, поди, то и дело носилась.

— Да где беременная? Не было у неё живота, носилась торпедой, туда да обратно. Что ты меня путаешь? Беременная приезжала то и дело, жена Алексея, мать твоя. Странные какие-то вопросы, — проворчала недовольно, — точно бабкин дом?

— Точно-точно, — закивала с самым честным видом, но по факту выходило — врала.

— Ну-ну... — нахмурилась, уперев руки в бока, а я буркнула:

— До свиданья, — развернулась и поторопилась убраться подальше, пока она не решила устроить допрос с пристрастием.

Мы отъехали к речке, остановились и сели у кромки воды. Я переваривала информацию, а Генка томился ожиданием, будучи по природе ужасно любопытным. Хватило его минут на пятнадцать, он шумно выдохнул, а я сказала, пребывая в задумчивости:

— Моя мать — не моя мать.

— Что Лида сказала? — спросил с интересом, а я улыбнулась краешком губ:

— Лида?

— Ну, женщина из дома, — хмыкнул в ответ. — Ты ж меня знаешь... находка для шпионов.

— Лида сказала, что жила женщина не беременная, а приезжала к ней беременная. Причём, отец представил ее как свою жену.

— Так может твоя мать и была? А жила ещё какая-то?

— Сам-то веришь? — скривилась, сунув травинку в рот.

— Не особенно... — вздохнул друг. — Выходит, соседка была беременная, твоя мать — нет, потом у одной ребёнок якобы умер, а у второй — родился. Так, что ли?

— Получается, что так... только странно это.

— В целом, да. Рожала где не понятно, уж явно не дома, ребёнка потом не укроешь. Да и если отдать решила, а твои — забрать, то проще официально через удочерение.

— Может, не хотели, чтобы соседи косились...

— Может, — пожал плечами, глядя на воду.

— Инга весной была. Мимо этой сороки ничего не проскользнёт, видимо, ключ мелькнул, кусты ещё без зелени, решила хоть что-нибудь упереть. Она так и не завязала, Ген, — сказала со вздохом. — В гараже столько барахла чужого, только сегодня оттуда...

— Надо выкинуть все, — нахмурился друг. — Мало ли чего, ещё на тебя повесят.

— Надо... только вот что, если убил кто-то из них? Так хоть какая-то зацепка.

— Много там?

— Коробка из-под старого телека, — Гена присвистнул и поморщился:

— Нереально.

— Да знаю... — простонала, запустив руки в волосы и массируя голову, распухшую от переживаний. — Но не из-за старого же ржавого ключа ее убили? Скорее всего, она выяснила то же, что и я, и решила, что называется, увековечить наше родство.

— Вариант, — кивнул Гена, пристально глядя на меня.

Он был подозрительно немногословен и чрезмерно задумчив. Я посмотрела в растерянности и спросила:

— Ты чего такой?

— Искупаемся? — предложил неожиданно, а я пожалала плечами:

— Давай.

Разделась до белья и зашла в воду, простонав от удовольствия: день выдался на редкость жарким, а я была в джинсах. Наплававшись, я упала на берег, раскинув руки и подставив лицо солнцу, а Гена лёг рядом, пристально меня разглядывая. Взгляд начал спускаться ниже, я замерла, а он выдохнул, как перед прыжком с трамплина и навис надо мной, замерев в паре сантиметров от лица.

«К черту» — подумала зло, вспомнив девицу, выходящую из ванной Миронова, и завершила начатый им путь, прислонившись своими губами к его.

Маленький спектакль

Я одевалась, испытывая смущение, а Генка отводил взгляд. Обсуждать случившееся не хотелось, мы, не сговариваясь, сели на байк и вернулись в город, провожаемые закатом. Закатом нашей дружбы.

Я поморщилась в шлеме, радуясь, что меня не видно, а в сервисе буркнула «пока» и заспешила домой, не дожидаясь его, хотя он вышел следом.

— Подожди, — услышала его голос и встала на месте. Он подошёл и вздохнул: — Надо поговорить.

— Я...

— Ты сделала это от обиды, я от того, что через мокрое белье просвечивала грудь. Было отпадно, врать не буду, но повторить не рискну, потому что меня до сих пор преследует отвратное чувство, что переспал с сестрой.

— Гадость, — скривилась в ответ, а он согласно кивнул. — Но отлегло, — вздохнула понуро и он вновь кивнул.

— Я все-таки соврал, — сказал, когда мы пошли к дому. — Больше нет ощущения, что ты сестра. И я бы повторил.

— Гена, — простонала с намеком на отчаяние.

— Ты ж меня знаешь... — вздохнул в ответ и до дома мы дошли в молчании.

Я поднялась в квартиру, раздумывая над степенью сожаления, скинула кроссовки и прошла в спальню, замерев в дверном проеме.

— Где тебя носит? — буркнул Миронов, приподнимаясь с кровати и потирая глаза. — Я дважды вырубился.

— Не твое дело, — ответила сухо, но голос дрогнул. При одном только взгляде на него в душе поднялась обида, боль и разочарование, но даже они не смогли вытеснить жгучее желание прикоснуться к нему хоть кончиком пальца. Я сурово сдвинула брови, справляясь с тягой подойти ближе, и сказала строго: — Уходи.

— С какой стати? — возмутился в ответ и сел на кровати, похлопав рядом с собой: — Иди-ка сюда.

— Уходи, — повторила неуверенно и скрестила руки под грудью для усиления эффекта.

— Иди сюда, твою мать! — рявкнул на всю комнату, а я подпрыгнула на месте и попятилась. — Нин, — выдохнул нервно, — подойди, пожалуйста. Поговорим.

— Что-то не хочется, — пробормотала, продолжая пятиться.

— Я не знаю, что ты там себе надумала, но... черт, как глупо, — хохотнул неожиданно и покачал головой, закончив: — Это не то, о чем ты подумала.

— Неужели? — скривилась в ответ, а он кивнул.

— Она голая была?

— Нет, но...

— В одном полотенце? — продолжил допытываться.

— Нет...

— В халате?

— Нет... — проямлила, а потом взорвалась: — Да какая, нахрен, разница?!

— Такая, что я с ней не спал, — вздохнул уныло. — Ногу она мне штопала, врач. Зацепило ночью, — и меня накрыло волной отчаяния. Я глухо простонала, закрыв лицо

руками и осела на пол. — Так... — протянул нервно. — Если это то, о чем я подумал... скажи, что нет, — я промолчала, а он заорал: — Скажи, что ты не трахалась с другим, пока я ждал тебя, как мудака!

— Прости... — прошептала едва слышно, но в повисшей тишине мои слова казались раскатом грома. — Прости, я подумала...

Он резко поднялся и пошёл к входной двери, сильно припадая на одну ногу. Если честно, я думала, он пнет меня, таким злым он выглядел. Но он прошёл, печатая шаг, и громко хлопнул входной дверью. Через несколько секунд послышался грохот снизу, я сообразила, куда он направился, и понеслась следом.

Замерла на площадке между этажами и сказала нервно:

— Не надо!

Дверь распахнулась, Гена сделал шаг из квартиры, а Миронов выхватил пистолет из-за пояса и приставил к его голове, то и дело тыкая в его лоб резкими движениями.

Я спустилась и ухватила его за руку, попросив тихо:

— Прошу, не надо...

Он перевёл на меня мутный взгляд, стиснул челюсти и сунул пистолет обратно. Я увидела на его бедре увеличивающееся кровавое пятно, сердце сжалось до крошечных размеров, он развернулся и стал быстро спускаться, грохнув подъездной дверью так, что она наверняка слетела с петель.

— Это моя вина, — сказал Гена тихо, — прости.

— Теперь не важно, — ответила тихо и побрела к себе.

Грудь сдавило тугим обручем, воздуха катастрофически не хватало, я сняла душащую футболку, тесные джинсы и напялила первое попавшееся платье, но лучше не стало. Хотелось кричать, визжать и топтать ногами от безнадежности, от невозможности что-либо исправить. Я схватила сумку, захлопнула дверь, не потрудившись ее закрыть, и бегом спустилась вниз, на улицу, на воздух, на свободу. Нужно было добраться до гаража, закрыться там и проораться, хотя бы. Но, выскочив через арку, я замерла, увидев чёрный джип с заведённым мотором. Осторожно приблизилась и заглянула в салон, увидев его сидящим за рулем с прикрытыми глазами и все такими же стиснутыми челюстями. Посмотрела на дверь и увидела, что она не заблокирована.

«Была не была» — мелькнуло в голове и я резко открыла дверь, быстро сев на переднее сиденье.

Он повернул голову, сурово хмурясь, а при виде меня брезгливо поморщился. Захотелось не просто кричать, а долго выть, задрав голову к небу. Сердце колотилось так бешено, что стало больно в груди, я шумно дышала, не зная, что сказать, не в состоянии произнести ни слова, не находя правильного, а он продолжал смотреть с таким выражением, как будто сиденье рядом с ним пустует. Вдруг стало нечем дышать, я судорожно вдохнула и полезла из машины, но он схватил мою руку и дёрнул на себя.

— Как же ты меня сейчас бесишь, — сказал с ненавистью в голосе. — Меня прямо выворачивает наизнанку.

Он продолжал сжимать мое запястье, стало больно, но я сидела неподвижно, пока могла терпеть. Но не смогла сдержать слёзы и коснулась его руки. Он резко отпустил мою и посмотрел с удивлением на следы своих пальцев.

— Прости, — сказала тихо, хватаясь за дверцу, собираясь выйти. — Я так разозлилась, было так обидно...

— Понимаю! — взревел в ответ. — Только есть один маленький нюанс, Нинель! Я с той бабой не спал!

— Теперь я знаю... — ответила понуро, а по щекам покатались слёзы, которые я торопливо вытерла и вновь попыталась выйти, но он снова задержал меня, а потом заблокировал дверь.

— Я тебе сразу сказал — стой. А ты что?! Ты унеслась, только пятки в задницу влипали! Какого черта?! Откуда столько недоверия?! Фразочка про выбор между тобой и бизнесом, врачаха эта, завтра что? Трахнешь Коляна, чтоб побольнее? У него только и разговоры о тебе... Нина то, Нина это, — передразнил, грохнув по рулю кулаком.

— А оно будет? — спросила тихо, а он нахмурился:

— Что?

— Завтра, — ответила шёпотом, а он шумно выдохнул и ответил:

— Иди домой. И будь любезна, смой с себя запах другого мужика, без того тошно.

Разблокировал дверь и я вышла, аккуратно прикрыв ее за собой. Поднялась в квартиру, на ходу стаскивая платье и залезла в душ, где долго терла себя мочалкой, пытаясь смыть этот стыд, это разочарование, его брезгливый взгляд и Генкины прикосновения. Когда кожа стала красной, а вода показалась обжигающей, я вышла, завернувшись в полотенце, и долго смотрела на своё отражение. Надо было остаться такой, как раньше. Не было бы этих проблем, не было бы этого щемящего чувства в груди, не было бы боли, ненависти к себе, ничего этого не было бы.

Я достала пирсинг из шкафчика и вновь одела его, почувствовав себя немного лучше. Хотела кинуться в магазин за краской, но поняла, что на дворе ночь, а из круглосуточных у нас был лишь продуктовый.

Добрела до кровати, упала на неё и долго плакала, прежде чем уснуть.

«Живи теперь дальше» — усмехнулся внутренний голос, когда я проваливалась в тяжёлый беспокойный сон.

Я поморщилась от яркого света, как вампир, и пожалела, что не закрыла на ночь шторы. Во рту пересохло, веки отяжелели от слез, глаза не желали открываться и в целом жизнь не радовала. Потёрла лицо, заставляя себя проснуться, посмотрела за окно, где уже вовсю жарило солнце, и перевернулась на другой бок.

— Привет, — сказал Миша хрипло.

Он лежал всего в нескольких сантиметрах. Хмурый, уставший, глаза, полные печали.

— Привет, — отозвалась шёпотом, замерев.

Сердце вновь запрыгало в горле, а он коснулся моей брови, проведя пальцем по сережке.

— Пытаешься забраться в свой кокон? — спросил тихо, а я слабо кивнула в ответ. — Я подумал.

— И?...

— Я бы поступил так же. И я собирался, но ты села в машину. Отвратительное чувство. Как будто кто-то наступил на горло.

— Прости... — я снова заплакала, закрыв глаза, а он начал раскручивать сережку на брови.

— Не люблю я все эти штуки... — сказал ворчливо. — Вечер цепляешься за них... из носа сама достань, я не полезу, это странно и, если по-честному, даже противно.

— Я сейчас, — пробормотала, кинувшись в ванну.

Вытащила из носа и из языка, умылась холодной водой, почистила зубы, потянулась к пупку, но решила оставить хоть что-то для себя, вернувшись в постель. Легла на прежнее место, он слегка улыбнулся и положил горячую ладонь мне на щеку.

— Если такое повторится... — сказал, глядя в глаза, а я замотала головой и ухватила его за руку, прижав к губам и целуя, вновь начав плакать. Он высвободил ее и обнял меня обеими, прижав к себе, а я вцепилась в его плечи и уткнулась лицом в грудь, продолжая всхлипывать, но постепенно успокаиваясь.

— Я подумала, вдруг с тобой что случилось, район гудит... приехала, а там она...

— Я приехал, прождал, как мудака, а ты с другим развлекалась... — уткнулся в мои волосы и прижал ещё крепче. — Я бы убил его, Нин, убил бы, я так хотел, плевать на все. Ты выводишь меня из равновесия, ты смешала меня с дерьмом, я так зол, но я не отпущу тебя. Я не могу, не делай так больше, никогда, слышишь?

Я попыталась вдохнуть, но он так сильно сжимал меня, что из груди вырвался лишь стон на выдохе. Разжав руки я нервно похлопала его по спине, он тут же ослабил хватку, а я резко вдохнула и медленно выдохнула, вновь обняв его. Он отстранился и провёл ладонью по моей щеке.

— Мне надо уехать, — сказал тихо, а потом хмыкнул: — Сегодня открытие новой точки.

— Моя мать — не моя мать.

— Ожидаемо, — слегка пожал он плечами. — Вы слишком похожи, так не бывает.

«Больше, чем ты думаешь» — подумала, а вслух сказала:

— Можно с тобой?

Он задумался и ухмыльнулся:

— Возьми с собой платье и туфли.

Я подскочила, пока он не передумал, натянула шорты и майку, упаковала вещи с собой и появилась в коридоре, где он ждал, привалившись плечом к стене. Остановилась в шаге от него, виновато заглядывая в глаза, а он поморщился:

— Забыли.

Дёрнул меня за руку, притягивая к себе, ухватил за подбородок и поцеловал. Я обняла его за шею, внутри все затрепетало, казалось, сердце не выдержит и сделает последний скачок, остановившись, он стянул с меня майку, расстегнул бюстгальтер и на пол со звоном приземлились два перстня, которые я упорно продолжала туда совать. Он замер, посмотрев вниз, а потом выдохнул:

— Потом объяснишь, — и продолжил целовать, попутно пытаюсь снять с себя футболку и одновременно расстегнуть мои шорты.

Мы расположились прямо на полу в прихожей, разметав вещи по сторонам, мир вокруг померк, были лишь его зелёные глаза, мутные от желания, только его руки на моем теле, его тяжелое дыхание. Я сгорала, я не могла оторваться от него, от его глухих стонов внутренности сворачивались в тугий клубок, хотелось раствориться в нем, навсегда остаться в этом коридоре, в этой квартире, где были только мы.

— Я люблю тебя, — сказал шёпотом на ухо и мир взорвался на тысячу мелких разноцветных конфети, плавно опускающихся в накалённом страстью воздухе. Я глухо простонала, не в силах говорить, и упала на его грудь, тяжело дыша и продолжая сидеть верхом. — Мы опаздываем, — сказал чуть хрипло и похлопал по пятой точке.

Я слезла с него, а он тут же поднялся, начав одеваться и пряча взгляд.

— Жду в машине, — сказал сухо и вышел.

«Случайно вырвалось» — подумала с грустью и первым делом нашла перстни. Хотелось ответить взаимностью, но было уже как-то не к месту и я промолчала, быстро оделась, расчесалась и поспешила к нему, надеясь, что он в самом деле ждёт, а не уехал.

— Сегодня будет шумно, — сказал, выезжая со двора. — Готова?

— Стрелять будут? — спросила деловито, а он хмыкнул:

— Не рискнут. Очень хочется посмотреть на их рожи, когда они будут выкупать своё же барахло. Идея — отпад. Надо было раньше так поступить, но раньше у меня не было тебя.

— Я предложила сделать то, чего они ожидали, — пожалала плечами смущенно.

— Чего они опасались, — поправил со смешком и положил одну руку на мою, подтянув к себе. — Устроим торжественное открытие. Красная лента, шампанское, все дела. Отпразднуем с шиком. Помещение снял в центре, пришлось поднапрячься, чтоб менты не нагрязнули, там стволов больше чем шмоток их, но оно того стоит.

— Убили кого? — спросила тихо, а он отрицательно мотнул головой:

— Обошлось. Не люблю я это.

— Почему? — спросила с интересом, а он засмеялся:

— Почему я не люблю убивать людей?

— Ну... — протянула, смутившись. — С таким бизнесом...

— Я не стервятник. Краденое — да. Могу, люблю, умею, есть грешок. Но убийства, — он поморщился, глядя на дорогу. — Крайняя мера и надеюсь, поводов больше не будет, — я отвела взгляд, уставившись в окно, а он спросил: — Что у тебя за заначка на чёрный день в белье?

— А сколько у меня времени на рассказ? — хмыкнула в ответ, а он поморщился:

— Почти на месте.

— Тогда потом, — улыбнулась и провела большим пальцем по его руке, почувствовав, как по телу пробежала волна мурашек, а внизу живота сладко заныло.

— Давай без нежностей на людях, идёт? — спросил, отпустив мою руку и положив свою на руль.

— Тут нет никого... — буркнула, хлопнувшись со всего размаха с небес на землю, а он выдохнул:

— Я все ещё злюсь. Не знаю, когда отпустит и отпустит ли.

На глазах навернулись слёзы, но я заставила себя сдержаться. Он свернул на узкую улочку, объехал здание и затормозил на небольшой парковке на три машины.

— На выход, — скомандовал и вышел первым, не дожидаясь.

Я вылезла, аккуратно закрыв дверь, а он включил сигнализацию, подняв брелок в руке, не оборачиваясь, и пошёл к невысоким ступенькам, умудряясь выглядеть нагло даже прихрамывая. Я ускорила шаг, но все равно практически получила дверью по носу, не успев вовремя выставить руки. Проглотила оскорбление и прошла следом, озираясь по сторонам. Фыркнула от открывшегося вида и покачала головой.

Просторное помещение с роскошным ремонтом в классическом стиле контрастировало с барахлом, развешенным на пластиковых вешалках в несколько рядов, здорово напоминая распродажу в секонд-хенде. Часы, бумажники и прочая мелочевка расфасованы по коробкам, стоящим прямо на мраморном полу, оружие было свалено в кучу по центру и смотрелось нелепо под ярким светом хрустальной люстры под потолком. Царила атмосфера дешёвого фарса, но дешевым были лишь сами вещи. Присутствующие мужчины щеголяли в

дорогих костюмах с нахальным ухмылками, я в своих шортах резко перестала выписываться, поискала взглядом Мишу, но он куда-то запропастился. Зато Николай неожиданно появился рядом, сверкая белозубой улыбкой.

— Как тебе? — спросил весело, а я хохотнула:

— Как будто рынок с площади переехал сюда.

— Переоденься, — сказал Миша, внезапно появляясь рядом в костюме и небрежно расстёгнутой рубашке без галстука. — Покажи где, — приказал Николаю, а тот кивнул в ответ и ухватил меня под локоть, таща за собой.

— Начальник не в духе, — скривился, открывая передо мной дверь. Подмигнул и закрыл, оставив меня одну.

Большое зеркало в золоченой раме висело прямо напротив входа, по одну сторону стоял диванчик с резными ножками и низкой спинкой, рядом пара кресел в том же стиле, а по другую — барная стойка с ровным рядом разномастных бутылок. Я налила себе рюмку текилы, махнула ее не глядя, достала косметичку и довольно долго проторчала у зеркала, пытаюсь скрыть следы ночных рыданий. Переделалась в шелковое платье алого цвета, обула чёрные босоножки на шпильке, окинула себя придирчивым взглядом и вышла в общий зал.

— Не по тем дворам я на районе ходил, — хмыкнул Коля, подойдя ближе.

— Козел ты, — сказала с чувством, уставившись в его глаза. — Знал прекрасно, что я подумаю, поднявшись.

— А с чего ты взяла, что это неправда? — спросил в ответ, а я стиснула зубы. — Помнишь, что я говорил? Ничего не изменилось, Нинель.

Внутри начал полыхать огонь, я сверкнула глазами, а он пошёл к группе мужчин развязной походкой, оставив меня наедине со своими мыслями. Я поискала Миронова взглядом, не обнаружила и вернулась в ту комнату, где переодевалась, устроившись на диванчике в обнимку с бутылкой. Сделала глоток, скривилась и уставилась в стену.

А что, если он не врет? Если Миша действительно с ней спал, а потом пошёл на попятный, чтобы выставить меня виноватой? А я не виновата? Как же... Что я вообще тут делаю? Зачем приехала, зачем прихоращивалась? Рука потянулась к бутылке, но зависла на полпути: не хватало еще напиться. Допустим, спал. И что? Я сделала то же самое. С другой стороны, получается, он соврал и это уже совсем другой коленкор. Можно, конечно, спросить в лоб, но что это изменит?

— Ничего, — вздохнула вслух.

Дверь запахнулась и вошёл Миронов, сурово хмурясь.

— Ещё не готова? — спросил строго, прикрыв за собой дверь. Увидел бутылку текилы рядом и поднял бровь: — По какому поводу веселье раньше времени?

— Просто нервничаю, — ответила с ходу и поморщилась: терпеть не могу враньё.

— А на самом деле? — спросил со вздохом и сел рядом.

— Мои тараканы, не обращай внимания, — отмахнулась, пряча взгляд.

— Нина, — рыкнул глухо, а я спросила, с трудом выговаривая слова:

— Ты с ней спал?

— Да, — ответил просто, а я приготовилась рыдать, но он добавил: — Раньше. Не в тот раз. Что за птичка тебе принесла эту мысль? Хотя, я и так знаю, — сжал кулаки, а я положила на них свои руки. — Я же просил, — сказал сквозь зубы.

— Нет тут никого, — шикнула в ответ, неожиданно разозлившись, а он поднял бровь. — Чего уставился? Да, сглупила. По гроб теперь гнобить меня будешь? Я тебе не размазня

какая-то, один раз чуть дверью не прихлопнул, смотришь волком, мне такие отношения не упали.

— Проснулась девчонка с района? — хмыкнул в ответ. — Чем ещё побалуешь?

— Ничем, — буркнула в ответ. — Когда начало?

— Сейчас, — хмыкнул, поднимаясь и подавая мне руку.

Я встала, он окинул меня взглядом, остался доволен и взял за талию, ведя за собой.

— По гроб и на том свете, — шепнул на ухо, пропуская вперёд, а я провела одной руке по второй, прогоняя мурашки.

Мы вышли на улицу, в сумерки, я слегка напряглась, увидев толпу суровых лиц перед входом, но он притянул меня к себе и широко улыбнулся, сказав громко:

— Господа! Добро пожаловать на торжественное открытие! Очень надеюсь, что это местечко прогорит, но все зависит от вас. Кстати, бар платный, — протянул руку в сторону, Николай вложил в неё позолоченные ножницы размером с дирижабль, Миронов всучил их мне и слегка подтолкнул к красной ленте.

— Режь, Нинель, — сказали из толпы, — по живому.

Послышались смешки, я нашла говорливого взглядом и посмотрела с укором, а он нахально подмигнул в ответ. Вырезала кусок ленты под цвет своего платья и отдала вместе с ножницами Миронову, который просто отшвырнул все в сторону и повёл меня обратно.

Постепенно зал начал заполняться людьми, оружие расхватили минут за пять, половина из собравшихся ухмылялась, другая выглядела крайне недовольно, кто-то снял с вешалки джинсы и пробубнил:

— Суки. Мои любимые, — и пошёл с ними на выход, но был остановлен у дверей. — Серьезно?! — взвился, а парень у входа пожал плечами и кивнул на сборщика подати.

Миша наслаждался спектаклем, стоя чуть сбоку с бокалом шампанского, и по-хозяйски обнимал меня. Я молча таращилась, то и дело встречаясь с кем-нибудь взглядом, постепенно интерес к происходящему у толпы угасал, одни начали уходить, другие — все больше таращиться на нас, Миша подтянулся, явно собираясь выступить с прощальной речью, но дверь вновь открылась и неспешной походкой вошел тот самый мужчина, что в клубе назвал меня воровкой. Встал на входе, обвёл взглядом помещение, как будто оно пустовало, а присутствующие замерли.

Миронов мельком взглянул на запястье, слегка удивился, обнаружив на нем свои же часы, я едва заметно ухмыльнулась, отвлеклась на секунду, а когда подняла взгляд увидела, что Антиквар приблизился и неотрывно смотрит на меня. По телу прошёл неприятный холод, я повела плечами, а Миша пододвинулся ближе, теснее прижимая меня к себе.

— Есть что-нибудь для меня? — спросил Антиквар у него, но продолжил смотреть на меня.

— Здесь — нет, — ответил он вкрадчиво.

— Иногда можно обнаружить что-то совершенно внезапно. То, что должно было принадлежать тебе с момента появления в этом мире. То, что на заре существования имело одну ценность, но со временем изменило ее, как и своё предназначение. Время циклично, мой друг. Но в каждом цикле есть мгновенье, когда оно бесконечно, — я чуть не прыснула от такого заявления и вышла из транса. Если первая часть речи была больше похожа на скрытую угрозу, то сейчас мужик просто заговаривается или пытается заговорить зубы нам. Оказалось, ни то, ни другое, потому что он продолжил: — И если поймать этот момент, если знать как, оно остановится и тогда, как известно, можно жить вечно.

Он развернулся и неспешно пошёл к выходу, а я повернулась к Мише и состроила рожицу:

— Чокнутый.

Он улыбнулся, но тут же вновь принял серьезно-грозно-надменный вид, только взгляд выражал немой укор. Я оглядела зал и обнаружила от силы пять человек, среди которых был Николай, двое из машины и двое из дома и широко улыбнулась.

— Тебе повезло, — шикнул мне на ухо. — Это хмырь распугал всех клиентов, — а потом объявил: — По домам!

Присутствующие залпом допили содержимое бокалов, быстро собрали развешенные вещи, оставшиеся практически нетронутыми и служащие скорее декорацией, затолкали их в освободившиеся коробки и вышли, оставив нас вдвоём в ярко освещённом и абсолютно пустом помещении.

Миша неторопливо дошёл до двери, закрыл ее на ключ, окинул взглядом окна, удостоверившись, что жалюзи все ещё опущены, и вернулся ко мне, подведя к самому центру комнаты, где на полу был выложен причудливый орнамент. Обнял одной рукой и хмыкнул:

— Ревнуешь, значит?

— Это ты велел ему так сказать, да? — вздохнула в ответ.

— Нет, — поморщился Миша. — Чистой воды самодеятельность и я ещё не придумал, чем ему ответить поинтереснее. Но твоя реакция мне понравилась. А знаешь, что понравилось больше всего? — в его голосе был металл, я хотела слегка отстраниться, но он не позволил. Уставился в глаза, метая молнии, и явно ждал встречный вопрос.

— Что? — пискнула в ответ.

— Что ты переспросила у меня! — рявкнул мне в лицо, а я зажмурилась. — Это же так просто! Миша, какого хрена?! Миша, что за баба?! Миша, как прошёл твой день?! Миша, ты не возражаешь, если я с полуголыми сиськами буду разносить пьяным мужикам алкоголь в хрустальных бокалах?!

— Миша, можно в туалет? — спросила со вздохом. — Ты так кричишь, мне вдруг резко захотелось.

— Иди, — буркнул недовольно и отпустил меня.

Я кинулась в уборную, куда в самом деле хотелось уже довольно давно, а когда вернулась, обнаружила его лежащим на полу с раскинутыми руками. Пристроилась сверху, он тут же сомкнул на мне руки и вздохнул:

— Сам виноват. Надо было позвонить и сказать, что все в порядке, ты бы не притащилась и не надумала всякого, — я не стала его переубеждать и говорить, что мой телефон сел так давно, что я забыла, как он звонит, а он спросил: — Как тебе представление?

— Драма и комедия в одном флаконе, — фыркнула, повеселев. — А могут ещё сильнее разозлиться?

— Думаешь, а не прострелят ли мне башку?

— Я больше думала о своей, — вновь состроила рожицу, а он фыркнул. — Тебя резона нет убивать, они твои постоянные клиенты и вряд ли захотят это менять. А вот подгадить — за милую душу.

— Ты единственная женщина, с которой я появился на публике за последние... лет семь. Плюс то сопливое видео. Если тебя хоть пальцем тронут, я их всех перестреляю к чертовой матери и, уверен, они это уже поняли. А кто не понял — разъярит Колян, у него

спецзадание.

— То есть... — промямлила, отведя взгляд, а он хмыкнул:

— То есть, к утру каждая шавка в городе будет знать, что ты моя. И если кто-нибудь рискнёт подойти ближе, чем на полметра, сначала окажется без порток, а потом, если рискнёт вновь — в ближайшей канаве. Что-то не устраивает? Помимо внутреннего протеста из-за того, что я назвал тебя своей. Это не принуждение, просто действовать нужно было быстро.

— Я подумаю, — ответила жеманно, а он сурово нахмурился. — Ну хоть немножко можно повыпендриваться? — вздохнула, а он смилостивился:

— Немножко можно. Вставай, пока я себе почки не отморозил. Думал, будет прикольно, но факту — неудобно и дико холодно.

Я фыркнула и неловко слезла, а он оперся на руку и вновь с недоумением посмотрел на своё запястье, не увидев часов.

— Херня какая-то... — пробормотал недовольно, а я неторопливо пошла за своими вещами.

Не сопротивляйся, это бессмысленно

Он отвёз меня в свою квартиру, а едва я сделала шаг, не успев даже осмотреться, тут же стянул с меня платье. Возражать я не стала, следом на пол полетел бюстгальтер и снова звякнули о кафель два перстня.

— Так, это уже странно, — заявил, отстраняясь. — Давай выкладывай.

— У меня в гараже Инга хранила памятные вещи, — скривилась в ответ, — кое-что приглянулось и мне.

— А в белье то зачем? — удивленно вскинул брови, а я пожалала плечами:

— Для сохранности. Если в квартире с завидной регулярностью кто-то шарится, то по моему белью — только ты.

— Если бы, — поморщился в ответ, а я буркнула:

— Бюстгальтер не снимал.

— Я счастлив, — ответил язвительно и нервно скинул ботинки, проходя в квартиру, — Располагайся, — сказал на ходу, а я поспешила одеться, отдав предпочтение шортам и майке.

Квартира была двухэтажной и выглядела настоящей холостяцкой берлогой. Стильный современный ремонт в темных тонах, кожаная мебель, стеклянный столик, огромный телевизор, бар за высокой стойкой, полное отсутствие каких-либо личных вещей и святая святых на втором этаже, куда я подниматься не стала, дав ему время немного остыть.

Он спустился через минут двадцать, с мокрыми волосами и одних шортах, плюхнулся на диван и сграбастал мои ноги, переложив их себе на колени.

— Если ключи стащили, чтобы найти что-то в квартире, но не нашли, то заглянули бы и в гараж. И даже если искали что-то другое, выгребли бы все ее запасы под чистую, просто из жадности. Полагаю, там прилично скопилось. К тому же, у тебя такой замок... лично убедилась, что надобность в ключах при желании отпадает, — заговорил размеренно, а я задумалась, вслушиваясь в каждое слово.

— Искали что-то конкретное, — слегка пожалала плечами, а он поморщился:

— Тогда сначала бы спросили где оно, то самое конкретное. А ее просто пырнули трижды.

— Откуда знаешь? — нахмурилась, напрягшись, а он посмотрел с укором:

— Возвращаемся к версии, что это я ее убил? А мотив не подскажешь или такие мелочи тебя не интересуют?

— Да я просто спросила... — пробубнила в ответ. — Сам сказал...

— Отмазалась, — фыркнул недовольно, но ответил: — Навёл справки, если знакомства. Кстати, дело закрыли. В притоне под домом нашли сумку, с паспортом во внутреннем кармане, прямо подарок судьбы.

— Как интересно, — хмыкнула в ответ, — когда я держала ее в руках, она была совершенно пуста. А вот паспорт Инга хранила дома, никогда с собой не брала.

— Вот и причина, чтобы влезть. Но это во второй раз, когда мужик сиганул с балкона.

— Не сходится, когда он влез, наркоманов уже погрузили и подвал обследовали.

— Знаешь, сколько там возни? — поморщился, скривившись. — Мог стоять наблюдать, потом увидел возможность и начал рвать подмётки на ходу.

— Или паспорт забрали в первый визит, а подложили когда наркоманы обдолбались.

— Зачем столько тянуть? Спихнули бы на них сразу и дело с концом.

— Не хотели убивать прорву людей без особой нужды?

— А с чего она вдруг появилась, если знали о том, что ты к ним потащишься, по твоим же словам, всего трое? Если конечно ее не твой дружок пришел, тогда логично. Он явно падок на блондинок, а вот Инга могла и отказать, — я поморщилась, а он продолжил: — Разозлился, подкараулил ее, пырнул. Увидел наркоманку, она его, забрал ключи и ушёл.

— И что дальше? — спросила язвительно, а он невозмутимо пожал плечами:

— К ментам бы она не побежала, а вот на имущество позарилась бы, народ такой, всегда деньги нужны. Решил, что дважды два сложат и без него, обшарят притон, найдут сумку и дело закроют. Но им стало впадлу. И вроде забыли все, но вот незадача, ты начала волну поднимать. Пришлось действовать, но чтоб наверняка. Ключи лежат, паспорт достать не проблема, когда ты на работе ему прекрасно известно. Сделал дело, а что влезли потом — совсем другая история.

— А те, что влезли до этого? — спросила хмуро. Подозревать друга не хотелось, но звучало довольно правдоподобно.

— А может и не было никого. У меня были, да, а что у тебя — вилами по воде, это я же и предположил.

— То есть, у тебя были твои, ладно. Но зачем после влезли ко мне?

— Говорю же, другая история. Сосредоточимся на одной.

— Не мог Генка ее убить, — нахмурилась в ответ. — Он... безобидный. Мы с детства дружим.

— А я неразговорчивый, черствый и жесткий. Но вот, сижу, пальчики твои на ногах оглаживаю и тихо дурею с этого, пытаюсь отвлечься разговорами о трупах.

Сердце ускорило темп, а дыхание сбилось. Я уставилась на него, разглядывая шрам на щеке, сглотнула и спросила, чтобы дать себе время прийти в себя:

— Откуда это?

— С велика в детстве упал неудачно, — ответил со смешком. — Неожиданно?

— Весьма, — фыркнула в ответ. — А это правда?

— Чистейшая. Но если расскажешь кому — тебе крышка, — ответил серьезно, но в глазах плескался смех.

— Ты врешь, — заявила уверенно и прищурилась.

— Да подрался, — ответил со вздохом. — Ножичком по лицу — ох как неприятно. Язык через щеку можно было показывать, так себе зрелище.

И вновь сердце сжалось до крошечных размеров. Повинуясь порыву, я перебралась к нему на колени и обхватила его голову руками, зарывшись пальцами в волосы. Поцеловала нежно, а он прикрыл глаза и улыбнулся. Слова упорно рвались изнутри, но язык не слушался, онемев.

— Нин... — сказал тихо, посмотрев мне в глаза.

— Да? — ответила, сглотнув. Он открыл рот, но тут же закрыл его, услышав, как начал трезвонить телефон в прихожей.

Я пересела на диван, а он поспешно поднялся.

«Почему так сложно сказать такие простые слова?» — подумала в досаде, но не могла произнести их даже мысленно. Я говорила их тысячи раз, но ни разу — мужчине. По сути, у меня не было даже отношений, как таковых. Пара неловких ночей на студенческих вечеринках, коллега на корпоративе — вот и весь сексуальный опыт. Генка ещё... Но с

ним... как будто мир переворачивался, как будто в меня кто-то вселялся. Все движения были на столько естественными, каждое прикосновение отзывалось тёплой волной, создавалось впечатление, что мы одно целое. Наверное, просто его опыта хватало на двоих.

Я усмехнулась своим мыслям и приподнялась, услышав его шаги.

— Мне нужно отъехать, — сказал, возвращаясь. — Дождёшься или отвезти тебя домой?

— Домой, — поднялась с готовностью и пошла навстречу.

— Может, дождёшься? — спросил, легко обнимая и поглаживая спину. —

Возвращаюсь, а меня ждут... приятно.

— Да мне на работу через час, — вздохнула, поджав губы, а он поморщился:

— Нафига она тебе? Деньги не проблема.

— Здорово ты меня одним махом в домохозяйки записал, — посмеялась тихо, а он улыбнулся, опустив глаза в пол.

— Что-то разошёлся, да, — усмехнулся и пошёл обуваться. — Так может сразу туда?

— У меня два наряда с собой — на пляж и на красную ковровую дорожку.

Он окинул меня взглядом и кивнул:

— Тогда поторапливайся.

В машине положил руки на руль и нахмурился. Я собрала волю в кулак, чтобы не рассмеяться, а он продолжил таращиться на часы. Покосился на меня, но я сидела со скучающим видом, а потом вспомнила:

— Телефон разряжен.

— Возьми зарядку, поставишь на работе, — пожал плечами, отвлекшись от рук, и резко тронулся с места.

Я забежала в квартиру, понимая, что изрядно опаздываю. Быстро переоделась, стянула волосы в хвост, обула кроссовки, а когда разогнулась, увидела прямо перед своим лицом мужскую руку с какой-то тряпкой в руке. Он прижал ее к моему лицу, я вдохнула резкий запах, в глазах начало мутнеть, тело перестало слушаться, я начала оседать на пол, но цели не достигла, отключившись.

— Время — всего лишь иллюзия, — слышала над собой тихий вкрадчивый голос. — Его не существует, понятие размыто, оно ускользает, как песок сквозь пальцы. Твоя жизнь принадлежит мне, ты принадлежишь мне.

Я попыталась открыть глаза, но веки были такими тяжелыми, что я попросту не смогла. Слабо шевельнула пальцами и простонала, услышав вновь тот самый голос:

— Не сопротивляйся, это бессмысленно. Ты придёшь, я буду ждать тебя. Ты отдашь мне то, что принадлежит мне. Свою молодость, свою красоту, я заберу все. Она спрятала тебя, но ты сама нашла меня, ты чувствуешь, все твоё естество стремится к этому. Часы пробьют полночь под полной луной и ты вернёшь ее долг. Я буду ждать.

— Нина! — крикнул кто-то совсем рядом. — Нина!

— Да твою ж мать... — нервное, глухое ворчание и резкое: — Нина!

Я вновь попыталась открыть глаза и удивилась тому, что это с лёгкостью мне удалось. Миша держал меня за плечи, сидя рядом, на мгновение замер и крепко прижал к себе, пробормотав:

— Я чуть не рехнулся...

— Где я? — спросила сипло.

— Дома, — ответил удивленно и отстранился.

Я посмотрела по сторонам, с трудом узнав свою прихожую. Глаза привыкали к темноте, я с трудом различала его лицо, а в тишине слышала, как бьется его сердце, отдаваясь пульсацией в руках.

— Что случилось? — снова спросила тихо и потёрла лицо, пытаясь прийти в себя.

Он подхватил меня на руки и отнёс в спальню, переложил на кровать.

— Я звонил весь день, ты телефон так и не включила. Разозлился сначала, память девичья, приехал к работе встречать, сижу — ты не выходишь. Потом мужик какой-то начал закрывать, я вышел, мол, где... а он мне — не вышла. Я сюда, дверь не заперта, вошёл, а ты лежишь. Сначала подумал — мертвая. До сих пор руки трясутся... Хотелось рядом лечь и пулю в башку пустить...

Я протянула у нему руки, а он тут же ухватил обе, притянув к лицу и начав целовать.

— Я собиралась выйти, — сказала, начав соображать, — но мне сунули под нос какую-то тряпку и я отключилась.

Он опустил мои руки и нахмурился.

— Херня какая-то, Нин.

— Согласна, — кивнула медленно в ответ. — Голова болит.

— Поедем ко мне, не хочу тут оставаться. Проходной двор... — начал прилаживаться, чтобы поднять на руки, но я остановила его:

— Сама.

Осторожно приняла вертикальное положение, слегка покачнувшись и прошла в ванну, долго умываясь холодной водой. В голове появилась ясность, я покидала в небольшую спортивную сумку разные вещи первой необходимости и появилась с ней в коридоре.

— Им ничего не нужно в квартире, кроме меня самой, — сказала уже в машине. — И в первый раз тот тип приходил ровно за тем же — ввести меня в состояние... черт знает, что это было, но я слышала голос. И нёс он какую-то ахинею, дословно не вспомнить.

— Давай вольный пересказ, — бросил хмуро, а я поморщилась:

— Что-то про то, что я принадлежу ему и с какого-то перепуга сама приду. В полнолуние, в полночь. И какая-то херня про время.

— Первая ассоциация — Антиквар, — скривился Миша. — Только в толк взять не могу, какого хера ему от тебя надо.

— Голос сказал — мою молодость, — хмыкнула в ответ. — Но это был не его голос, я бы узнала.

— А зачем напрягаться и самому тащиться?

— Мог бы подготовить запись. А так — какой смысл, если я не пойму, к кому спешить?

— Логично, но других кандидатур я не вижу.

— А когда у нас полнолуние?

— Без понятия, — буркнул недовольно. Разблокировал и сунул мне свой телефон. — Посмотри в интернете.

— Не боишься, что я полезу по перепискам? — хмыкнула, взяв телефон.

— Слазь, если хочешь настроение испортить, — пожал плечами, а я вспыхнула и тут же принялась открывать мессенджеры, но там не было ни одного чата. — Попалась, — хохотнул довольно. — Обожаю, когда ты ревнуешь.

— А если я так буду делать? — проворчала в ответ, а он рыкнул:

— Ты уже сделала. Ну? Когда выть на луну?

— Через три дня.

— Отлично, есть время понять, что за шутник.

— Какой ты оптимист, Миша, — протянула, вытаращив глаза. — И как ты намерен это сделать?

— Для начала — поспать. С ног валюсь, денёк выдался так себе.

— Неприятности? — вздохнула, а он отмахнулся:

— В пределах обычного. Я больше дергался из-за того, что ты не отвечаешь.

— То есть, твои неприятности — это я? — скривилась в ответ, а он засмеялся:

— В точку. И ты за это сейчас ответишь.

Свою усталость он сильно переоценил: уснули мы лишь под утро, а проснулись, когда уже вовсю светило солнце. Точнее, я проснулась. Его рядом уже не было. Я накинула его рубашку и спустилась вниз, застав его за телефонным разговором на кухне.

— Круглосуточную слежку за Антикваром. Когда, что, с кем, где, сколько раз ходил пострать, чем, короче, ты понял. И все, что сможешь нарыть по биографии: личное, рабочее... — послушал ответ и рыкнул: — Нет, вчера! — повесил трубку и пробубнил себе под нос: — Скоты ленивые.

Я осторожно вошла, а он окинул меня взглядом и мгновенно переменялся в лице, став похожим на сытого мартовского кота: довольный, похотливый, со сверкающими глазами. Стиснул челюсти и процедил:

— Будет лучше, если ты оденешься.

— Кому? — ответила игриво и закусила нижнюю губу, медленно подходя. Села к нему на колени и сбросила рубашку.

— Сейчас Колян приедет, — сказал сквозь зубы, но руки уже начали шарить по моему телу. — Подождёт, — сдался, начав целовать.

Ждать ему пришлось довольно долго: кухня открыла новые горизонты. Не смущали ни телефонные звонки, ни в домофон, ни в дверь, ни автомобильные гудки под окном, все просто перестало существовать.

— Так, — сказал, быстро одеваясь, — три дня — это мало, на самом деле. Давай ты не будешь тырить мои рубашки, футболки и, тем более, не будешь ходить голой среди бела дня?

— А сколько сейчас? — спросила невзначай.

— Часы на тумб... — начал, а потом увидел их на своем запястье. — Час дня, — ответил медленно, снова покосившись на меня, а я уткнулась в свои ладони, скрывая улыбку и простонала:

— Я опять прогуляла работу, — и кинулась в комнату за телефоном.

Набрала менеджеру, сослалась на ужасную хворь, внезапно поразившую вчера с такой силой, что я не смогла доползти до телефона, и которая продолжается и сегодня.

— Ладно, — буркнул недовольно, — но с тебя больничный, вызови врача.

— Конечно, — ответила с готовностью и принялась гадать, где мне его достать. Вприпрыжку спустилась вниз, продолжая щеголять в его рубашке и крича по пути: — Миш, мне нужен больничный! Есть кто в больнице?

— Вот это я понимаю доброе утро, — хмыкнул Николай, сидевший на кухне, а Миша в раздражении прикрыл глаза.

— Извините, — буркнула, начав пятиться и отчаянно краснея. Быстро развернулась и заспешила на второй этаж.

Оделась, вернула своему лицу привычный цвет и спустилась, пряча взгляд.

— Запарил ухмыляться, — рыкнул Миша.

— Я же живой, — возмутился Николай в ответ.

— Это временно, — ответил ехидно и хмуро посмотрел на меня: — К чему этот геморрой с больничным? Уволься и все. Не работа, а недоразумение.

Стало обидно, я кисло улыбнулась в ответ и пошла наверх собирать обратно свою сумку. Появилась в дверях, махнула им на прощанье рукой и объявила:

— Я домой.

— Нина, твою мать, — прошипел сквозь зубы, но с места не сдвинулся.

Я развернулась, победно ухмыльнувшись, и, пользуясь тем, что в присутствии Николая он за мной точно не кинется, покинула квартиру. Тут же пришло сообщение с незнакомого номера «ты за это ответишь», я добавила его в список контактов и ускорила шаг.

Работу я свою любила, терять ее не хотела, а после его хозяйского тона ещё сильнее, так что я нагрянула в сервис к Генке с тем же вопросом, делая вид, что ничего между нами не изменилось.

— Нет, — мотнул головой Генка. В глазах читался вопрос, но задавать его он не спешил.

— Он с ней не спал, — пришла я ему на помощь, а Гена поморщился:

— Неловко вышло. Извини, но я все равно не жалею. Даже с пушкой у головы.

— Ген, не будем, а? — попросила жалобно, а он пожал плечами, а потом воодушевился:

— Так соседка с пятого, из нашего подъезда, Синицына, в роддоме работает.

— И что мне там напишут? — скривилась в ответ. — Бемеренный токсикоз?

— Ну... — замялся Гена, — может у неё знакомые есть, сфера одна. Я бы спросил, других вариантов все равно нет.

— И то верно, — загрустила в ответ. — Пойду, попытаю счастье. Спасибо.

— Ты ж знаешь, я всегда готов помочь, — снова пожал плечами и посмотрел с тоской, а я поторопилась убраться.

Синицына оказалась дома, дверь открыла сразу и сразу же понуро опустила голову, пропуская меня в квартиру.

— Так и знала что ты когда-нибудь зайдёшь, — сказала со вздохом. Я приоткрыла рот от удивления и промямлила:

— Ольга Андреевна, у меня просьба...

— Сказать правду, я сразу поняла, — ответила понуро.

Я перестала понимать, что происходит, но против правды ничего не имела, кивнула в ответ и разулась, раз уж выставлять меня она не собиралась.

— Я... обычно я так не делаю, — сказала она торопливо, приглашая в зал, а я плюхнулась на диван и уставилась на неё во все глаза. — Да что там обычно, никогда. Единственный раз, она так плакала, умоляла, на коленях стояла, я не смогла отказать, столько лет бок о бок, никогда от неё дурного слова не слышала, хоть и была она та ещё штучка, прости Господи... где она теперь, что с ней...

— Расскажи по порядку, пожалуйста, — сказала осторожно, примерно начав понимать суть, но хотелось услышать детали.

— Пришла ко мне как-то, в слезах вся... Светлана, мама твоя, родная, то есть... — посмотрела бегло, не увидела на моем лице шока и молча кивнула, удостоверившись, что все правильно поняла. — Пришла, значит, сразу в ноги и давай умолять. Я не сразу даже поняла, что конкретно она от меня хочет... Оказалось, беременная она, но ребёночка, если родиться

девочка, надо спрятать, а по бумагам написать, что родилась мертвой, точнее, родился, то есть, мальчик. Я такими вещами не промышляю, так ей и сказала, а она своё — убьют ее, заберут и убьют. Кто, почему, так и не призналась, но так убивалась, так страдала, такое не сыграть... и я сдалась. Сидели с ней на этом самом диване, думали-гадали, что делать, если девочка родиться, не в детский же дом отдавать, родная душа, рука не поднимется. Ну я и вспомнила про Карину, она много к нам ходила, зачать пыталась, да все никак. И вот мы уже втроём сидим, думаем, да гадаем. Потом и Алексей подтянулся, все распланировали, мама твоя уехала с глаз долой, на всякий случай. Очень ей ребёночка хотелось, на что угодно готова была пойти... и вот, появилась ты...

— Инга приходила? — спросила тихо, а она кивнула:

— По весне. Тебе говорить не велела, нечего, мол, старые раны беречь, светлую память о родителях мараить. Родная мало того, что отдала, так ещё и сбежала непонятно с кем, оставив всех детей разом. Хотя, Артём он такой... непорядочный, в общем, бездельник, в кого только уродился... в отца наверное, кто бы он ни был, Светочка-то совсем другая была, пока стареть не начала, все молодилась, морщинки да складочки считала, как не зайдёшь, то с огурцами, то в йогурте, другого-то не было... ох, что-то понесло меня, от нервов это, ты уж прости...

— Бывает, — ответила в прострации и поднялась.

— Не держи зла, солнышко, я может и не права была, да всяко лучше получилось, чем могло бы. А тут хоть и не с родной, да в любви и ласке, и она спокойна была, на сколько это возможно, своё дитя под боком...

— Я понимаю, — сказала мягко, глядя на ее раскрасневшиеся от волнения щеки. — Не переживайте. И в любви, и в ласке, и под боком.

Она посмотрела с сомнением, почуяв издевку, а я улыбнулась ободряюще и положила руку ей на плечо, слегка сжав. Она выдохнула, обмякнув всем телом, а я пошла к себе, с трудом переставляя ноги.

«Вот он, сплоченный дружный коллектив. Вот это я понимаю — Соседи. Может, стоит в каждую квартиру постучать?» — подумала, нервно хихикнув и закрыв за собой дверь в квартиру. Дошла до кухни, налила себе стакан воды, но не успела сделать и глотка: перед глазами вновь мелькнула рука с тряпкой, а в голове запоздалая мысль — «надо было остаться у Миронова».

Цель не ясна

— Ты задолжала мне, ты крупно задолжала... — слушала заунывное, пытаюсь ответить, но губы не слушались. — У нас был уговор, ты сама пошла на него, ты хотела этого, ты умоляла меня. Бессовестная лгунья! Я забрал твоё время, но оно ничего не стоит. Ничего!

— Чертов псих... — смогла пробормотать после миллиона тщетных попыток, пытаюсь разлепить веки и дотянуться до него руками.

— Эй-эй, спокойно, — услышала голос Миши и резко открыла глаза, рывкнув:

— Чертов псих!

— Ага, понятно, — вздохнул в ответ и включил свет, а я зажмурилась, недовольно простонав. — Не шевелись, на полу осколки, — буркнул в ответ.

Я приоткрыла глаза, на этот раз довольно быстро сообразив, что лежу на полу собственной кухни.

— Который час? — спросила хмуро, он покосился на запястье и ответил:

— Час ночи.

— Давно тут?

— Часа три, — а потом неожиданно рыкнул: — Выпороть бы тебя!

— Рискни, — проворчала в ответ и поднялась, вцепившись в столешницу.

— Угрожаешь? — округлил он глаза, а я вздохнула:

— Подай целую чашку, пожалуйста, — выпила воды и плюхнулась на стул, сказав тихо: — Сама знаю, что сглупила, но... ты был не прав.

Он молча развернулся и вышел из кухни, а вернулся с конвертом в руках. Пододвинул ко мне стул, сел и отдал его.

— Два месяца ещё не прошли, — скривилась в ответ, а он отозвался язвительно:

— С тобой неделя за год. Открой, — я сунула свой нос в конверт и увидела синюю бумажку больничного, открытого на мое имя вчерашним числом. То есть, уже позавчерашним. — Накосячил, признаю. Но ещё раз так свинтишь...

— Что? — вздохнула устало. — Догонять кинешься? — он поморщился, а я усмехнулась: — То-то. Спасибо за больничный, но ты лучше езжай к себе. Сегодня мне уже мозги промыли, опасаться нечего, хочу побыть одной.

— С какой стати? — спросил зло. — К соседу своему побежишь?

— Просто мне хозяин не нужен, я может и дворняжка беспородная, но гавкать по команде не буду.

— Хорош воспитывать, — поморщился в ответ, отшвырнул конверт и взял мою руку в обе свои, глядя исподлобья. — Давай по-честному? Терпеть не могу все эти бабские выкрутасы.

— Ты ахренел в край, — сказала, глядя ему в глаза, резко перестав быть белой и пушистой. Он слабо хрюкнул, а я продолжила: — Твои хозяйские замашки ужасно обидны. Твоё желание выглядеть круто выходит мне боком. Мне хорошо с тобой, от мысли, что тебя вдруг не станет, у меня стынет кровь, но это не повод вытирать об меня ноги. Я лучше залезу в свою нору, рыдая ночи на пролёт, чем позволю кому-то так с собой обращаться.

Я изрядно преувеличила масштабы проблемы, но чувствовала, что это было лишь вопросом времени.

— Характер, — протянул, прикрыв глаза с ухмылкой. — Я думал, ты нежный цветочек, а ты та ещё...

— Стерва? — подсказала с улыбкой, от которой он скривился, передернув плечами.

— Я хотел сказать чертовка, но стерва тоже подходит, — хмыкнул, а потом сказал серьезно: — Я не уеду. Пока эта херня не закончится, ты будешь жить у меня. Я дам ключи, выходи, куда надо, но помни — за тобой по пятам будет следовать Колян. Этот твою задницу из вида точно не упустит. Собери вещи на несколько дней и сразу поедем.

— Хорошо, — сказала просто, а он поднял бровь:

— Это было слишком просто. В чем подвох?

— Ладно стерва, но не дура же, — удивилась в ответ, а он хохотнул и откинулся на стуле с улыбкой через все лицо.

Через двадцать минут мы уже неслись по ночному городу, я пыталась собрать воедино крупницы информации, все эти разрозненные детали, мелочи, брошенные невпопад разными людьми.

— Она искала мать, — сказала после паузы.

— С чего ты взяла? — удивился Миша и я пересказала последние события. — Она разве не умерла? Инга что-то рассказывала, я не помню точно, вроде утонула.

— Она уехала с каким-то мужчиной, а потом Инге в дверь сунули записку, в которой было написано, что она утонула. Ни где похоронена, ни ещё какие бы то ни было детали, ничего. Мне кажется, она убедилась, что я ее сестра и хотела спросить — почему? Почему она отдала меня, почему мне якобы грозила опасность. Похоже, она была близка к цели... Этот голос, который я слышала в последней отключке... такое ощущение, что он говорил не со мной даже. И он точно больной на всю голову, я сильно сомневаюсь, что это Антиквар. Выглядит он вполне вменяемым. Да, несёт какую-то ахинею, но это скорее для антуража. Напустить тень на плетень и все такое. Что там за байки о нем ходят?

— Да бред всякий, — поморщился Миша. — Типа, чувак управляет временем, все предметы из его магазина принадлежали лично ему, он бессмертен и все такое. Кто-то даже всерьез в это верит.

— С чего бы? — удивилась в ответ, а потом вспомнила о своих часах, до сих пор не работающих, и повела плечами.

— Что? — нахмурился, заметив жест.

— Когда я работала в клубе, у меня часы встали примерно в то время, как он пришёл. Глупость, конечно... и потом показалось, как будто за мной едет машина. Желтая, спортивная. Коля сказал — не было.

Он резко сменил направление, свернув на светофоре и поехал в сторону центра. Выглядел деятельным, я притихла и с удовольствием наблюдала за его плавными, размеренными движениями рук на руле, за сосредоточенным, увлечённым лицом. На его лице вдруг появилась нахальная ухмылка, я расплылась в улыбке, поняв, что видит меня боковым зрением и села боком, чтобы было удобнее разглядывать.

— Буду брать тебя с собой на работу, — хмыкнул со смешком. — Под твоим взглядом хочется горы свернуть, — остановился на парковке за клубом и повернулся, спросив: — Вышла тут?

— Да.

— Пошли твоим маршрутом.

Я показывала, как шла, где увидела машину, куда свернула и где Николай меня поймал.

Он достал телефон и довольно долго слушал гудки, а потом спросил:

— За клубом смотрел у главного входа? — а потом рявкнул: — Идиот!

Повесил трубку в раздражении и взял за руку, потащив обратно к машине и пояснив: — Он увидел тебя только когда ты повернула. От парковки до угла вполне мог ехать хоть грузовик.

Но до машины мы так и не дошли, свернув ко входу для сотрудников. Охранник подобрался, но Миша слегка поморщился:

— Не трудись, — и спокойно прошёл мимо, направившись прямо в кабинет к начальству.

— Может, я тут?.. — сказала нерешительно, но он распахнул дверь и нахально ввалился, продолжая держать меня за руку.

— Какого... — начал хозяин кабинета, поднимая голову, но при виде Миронова стушевался и спросил слегка заискивающе: — Что случилось? Она тут не работает. Если что сперла — претензии не по адресу.

— Не она, а у неё, — усмехнулся Миронов. — Видео с камер в день, когда работала.

— Какие камеры, Мирон, побойся Бога, — поморщился плюгавый, а Миша хмыкнул:

— Во-первых, не заливай. Во-вторых, из зала не нужно, достаточно парковки за зданием.

— Это можно, — расслабился тип и кивнул бугаю, стоящему у входа. Тот вышел, а он полюбопытствовал: — Тачку, что ли, угнали?

— Ага, — отозвался вяло и сел на диван, потянув меня за собой.

— Давно не заходил... наскучили девки мои? — продолжил трепаться, а Миша ухмыльнулся:

— Я себе выбрал. Уверен, ты слышал.

— Само собой, но не поверил, — хохотнул в ответ, придиричиво разглядывая меня. Неожиданно поморщился и констатировал: — Думаю, скоро заглянешь.

Миронов поднял бровь, собираясь ответить что-то в высшей степени едкое, но дверь открылась и вернулся амбал, протянув флешку. Разжал челюсть с трудом и сказал:

— Сутки.

— Пойдёт, — ответил Миша и поднялся, вновь потащив меня за собой, как на буксире, на этот раз уже в машину.

— Смотрю, он неплохо тебя знает, — скривилась, едва мы отъехали, а Миша закатил глаза:

— А я все ждал, когда аукнется. Ну, начинай.

— Да я все, — отмахнулась, насупившись.

— Вот и славно, — пропел, деловито выруливая на главную дорогу и понёсся домой, как угорелый.

Я вцепилась в ручку и зажмурилась, открыв глаза только когда поняла, что он паркуется.

— С чего психуешь? — спросила с удивлением, едва мы прошли в квартиру.

— С того, — ответил язвительно. — Дай часы.

Я сняла их с руки, продолжая таскать по привычке, он сходил в комнату и вернулся с набором крошечных отверток. Раскрутил их на кухонном столе и ухмыльнулся:

— Так и думал. Теперь напрягись. Кто мог быть с тобой рядом примерно в то время, когда они встали?

— Да кто угодно из половины зала, — фыркнула в ответ. — Я крутилась, как белка в колесе, — он поморщился, а я нахмурилась: — Не в том смысле. Напитки разносила. Из тех, кто точно мог — Ленка, мы вдвоём в зале были.

— Которая? — уточнил деловито. — Высокая шатенка или низкая с большими... глазами? — я скривилась, а он прищурился на один глаз и слегка развёл руками.

— Высокая, — буркнула недовольно. — Ноги твоей чтоб там больше не было.

— Как скажешь, — хмыкнул самодовольно.

— Что с часами? — сменила тему.

— Просто примагнитили. Пара секунд и готово: время встало.

— Тогда только она. Никто меня за руки не хватал после одного уroda.

— Что за урод? — нахмурился, а я махнула рукой:

— Не важно, он уже поплатился.

— В стакан плюнула?

— Ага, — промычала невнятно.

— Вот поэтому я никогда не хамлю там, где ем или пью... так, ладно, — достал из кармана телефон и начал листать записную книгу, бормоча: — Ленка... Ленка... ага, — поднял взгляд, вздохнул и нажал кнопку вызова. Я стиснула зубы и скрестила руки под грудью, метая взглядом молнии. — Привет, красавица. Работаешь сегодня? Разбудил? Ну, раз ты уже не спишь... — хохотнул в трубку, послушал ответ и сказал: — Буду через полчаса.

— Ни стыда, ни совести, — опешила, опустив руки.

— Поехали, тигрица, — ответил со вздохом и поднялся.

— Надеюсь, мне не придётся со свечкой стоять... — проворчала, идя следом. — С чего ты взял, что она будет откровенничать?

— С чего ты взяла, что у неё будет выбор?

Я едва заметно нахмурилась от этой непривычной стали в его голосе, вновь задумалась над тем, с кем, собственно, связалась, и в конечном итоге послала все к чертям. Он тот, кем вижу его я.

Приободрилась и в машину села уже в благоприятном расположении духа.

— Что там в твоей хорошенькой головушке творится... — протянул, округлив глаза.

— Там мысли, — хмыкнула в ответ. — Чего стоишь? Скоро светать начнёт, а девушку гораздо легче испугать в ночи.

Он хохотнул и доставил нас по, судя по всему, хорошо знакомому ему адресу минут за пятнадцать, не больше. Код домофона ему так же был известен, как и этаж, и расположение двери. Это здорово нервировало, но я упорно отметала все лишние мысли. У него была жизнь до меня, что теперь, вздернуться?

— Ты слишком спокойна, это напрягает, — пробубнил, нажимая на кнопку звонка, а я отошла в сторону, чтобы не было видно через глазок.

Через минуту дверь открылась и Лена мяукнула:

— Приветик, заходи.

— Я не один, — хмыкнул, водворяясь в квартиру, а Лена тяжело вздохнула, но промолчала. Когда увидела меня, поначалу просто удивилась, но через мгновение занервничала, заматавшись взглядом из стороны в сторону. — Вот оно... — довольно протянул Миша и на несколько секунд прикрыл глаза. — Обойдемся без прелюдий, я сгораю от нетерпения.

Лена скривилась и скрестила руки под грудью, промямлив:

— Мне что сказали, то я и сделала.

— Кто сказал, что сказал, что сделала? — хмыкнул Миша, привалившись плечом к стене. — Давай-давай, девочка, работай лучше. Я не удовлетворён.

Я поморщилась и отвернулась, а Лена отрапортовала:

— Шеф, приложить магнит к ее часам, я приложила.

— Это все?

— Все.

— Уверена?

— Да, — бросила резко, но тут же прикусила язык и заканючила: — Слушай, мое дело маленькое, ты же знаешь... сиськи оголить перед толпой фанатиков, глаза потаращить, паричок нацепить. Ну с часами похимичить, если надо, — посмотрела на меня и сказала язвительно: — Инга твоя, между прочим, тоже впряглась. Все прекрасно знали, что она по карманам любит шариться, сколько раз за руку ловили, да все как с гуся вода. Допрыгалась.

— Смотри сама не оступись, — ответила глухо и вышла из квартиры. Эта девица с ее высокомерием на столько выводила из себя, что я готова была вцепиться ей в волосы.

Вызвала лифт, не дожидаясь Мишу, и вышла на улицу, вдохнув поглубже свежего воздуха. За каких-то десять минут небо из ночного превратилось в предрассветное, я облокотилась на машину и смотрела, как начинается новый день. Новый день без сестры, которая влезла в какое-то дерьмо и даже не удосужилась мне об этом сообщить.

Миронов вышел минут через десять, с довольной ухмылкой крутя на пальце брелок с ключами, открыл машину и я молча села.

— Ты пропустила самое интересное, — хмыкнул, заводя мотор.

— Осчастливила по старой памяти?

— Я не успеваю следить за переменами в твоём настроении, — возмутился, нахмурившись. — Что там у тебя? Критические дни? Хочешь сладенького?

— Хочешь в глаз? — уточнила язвительно, а он слабо хрюкнул. — Она меня раздражала.

— Короче, — начал деловито, — клуб по понедельникам закрыт, сан обработка, все дела, но есть одна интересная комнатка, где собирается группа долбоклюев, искренне верующих в возможность обрести бессмертие. Выглядит, по ее словам, довольно стрёмно: лица скрыты капюшонами, свечи в старинных подсвечниках, полумрак, стены выложены камнем, красный бархат и прочая лабуда. Короче, мракобесие с обрядами и тарабарщиной. Девки из клуба работают, белые полупрозрачные балахоны, искусственная кровь и нож со складным лезвием. Спектакль для повернутых идиотов. Угадай, кто предводитель?

— Часовых дел мастер, — пожала плечами, а он кивнул:

— Господин Антиквар, это было легко. И Инга там работала, как и большая часть девок из клуба. Она ещё и тырила часики, над ними шаманили, пока чувак развлекался на полную катушку, и те волшебным образом начинали ходить в обратном направлении. Потом выступал Антиквар с речью и круг фанатиков рос, как на дрожжах. Кретины... наверняка ещё и клубный взнос имеет место быть. Хотя, может и просто привлекает внимание к своей персоне и, как следствие, бизнесу. Только вот вопрос, что ему надо от тебя? — на это у меня как раз ответ был, но открывать все карты я не спешила, пожав плечами:

— Думаю, предложить работу. Видимо, для начала я должна была проникнуться атмосферой. Только вот Ингу убивать смысла нет никакого.

— Может, заигрались?

— И убили в подворотне? — поморщилась в ответ. — А где же вся эта шушера? Свечи там, бархат. Нет... тут что-то другое...

— Уверен, дело в этом сборище кретинов. Кто знает, чем там они ещё занимаются? Или, скажем, кто-то поймал Ингу на краже часов, или догадался после, что все чистой воды фарс и обвинил ее, просто убив.

— Возможно, — кивнула согласно, — но есть что-то ещё... — я пыталась поймать мысль, но она ускользала от усталости и бессонной ночи. Я поморщилась, так и не связав все воедино, а он похлопал меня по коленке:

— Разберёмся.

— Ты не спросил, как давно Инга там работала?

— Спросил, с весны. Есть разница?

— Думаю, да. В клубе она уже несколько лет и наверняка знала что там творится, но работать пошла только когда начала искать мать.

— И как это связано?

— Не знаю, — выдохнула устало. — Не могу больше думать.

— Сейчас отдохнёшь, — хмыкнул самодовольно.

Едва мы прошли в квартиру, он подхватил меня на руки и отнёс на второй этаж. Уложил на кровать, начал раздеваться, я моргнула и отключилась.

— Так не честно, — заржал, едва я открыла глаза, а я смущенно уткнулась в подушку. Он тут же навис сверху, убрал с шеи мои волосы и начал целовать. — Ты за это ответишь... — прошептал, моментально отбив все желание. Я перекатилась на кровати и села, а он состроил недовольную мину, буркнув: — Не понял.

— Во второй раз, когда я была в отключке, голос вещал что-то о том, что я должна ему. Что был какой-то уговор, а я его нарушила. Было впечатление, что он поехал окончательно и бесповоротно и просто меня с кем-то перепутал, — затараторила, пытаюсь не упустить мысль, но кислый вид Миши не способствовал раздумьям.

— Ты специально издеваешься? — скривился, когда я замолчала.

— Нет, — замотала головой и сказала серьезно: — Случайно получилось.

Он завис на пару секунд, начал улыбаться, не выдержал и рассмеялся, а потом глухо простонал, ухватившись за голову обеими руками:

— Как же я влип... — я посмотрела с недоумением, все мысли разом улетучились, а он резко рванул меня за ноги, возвращая в горизонтальное положение, навалился сверху и не дал мне возможности опомниться.

— Что-то вертится в голове, но не могу собрать воедино, — пожаловалась, лёжа на его плече.

— В три придет Колян с отчётом. Может, что-то натолкнёт.

— А сейчас сколько? — спросила невзначай. Он приподнял руку, вздохнул и потянулся за телефоном на тумбочке.

— Три, — ответил хмуро. — Подъем. И будь добра, встречай гостей в приличном виде.

— Чего злишься? — удивилась, приподнимаясь, а он буркнул, натягивая джинсы:

— Ничего, — пошарил взглядом по комнате и слегка расслабился. Наклонился и поднял часы с пола, прилаживая на запястье.

«Хватит» — сказала самой себе мысленно и начала одеваться.

Когда я спустилась, Николай уже сидел на кухне, а Миша с хмурым видом разглядывал

какие-то фотографии.

— Иди сюда, — буркнул, поманив рукой. Я подошла ближе и склонилась над столом, а потом опомнилась и повернулась, сказав:

— Привет.

— Привет, — подмигнул Николай в ответ, а Миша шумно втянул воздух через нос и так же выдохнул. — Да брось, я только поздоровался.

— Я это терплю только потому что ты гребаный волшебник по части достать информацию. Но терпение не безгранично, а незаменимых нет.

— Уверен? — хмыкнул, посмотрев на меня.

Переизбыток тестостерона в замкнутом пространстве начал отзываться глухим раздражением, я с грохотом отодвинула стул и плюхнулась на него, проскрежетав ножками по кафелю. Миша поморщился, а я взяла фотографии и сразу поняла, почему он позвал меня.

— Тайное вечере, — фыркнула презрительно. — Откуда? Следующее только завтра.

— Завалялось, — хмыкнул Коля самодовольно. — Этим сборищам уже столько лет, мне кажется, там полгорода побывало. Кто-то впечатлился, кто-то просто приходит пялиться на голых баб, а кто-то реально верит во всю эту канитель. Есть аудиозапись, уши вянут, — поморщился брезгливо, а я потыкала ногтем в одну из фотографий.

— Именно, — кивнул Миша. — Запоминающаяся вещица.

— О чем речь? — спросил Николай деловито.

— Кольцо, — сказала я, вновь ткнув пальцем. — С шестеренками.

— Что за мужик? — спросил Миронов, а Николай поморщился:

— Фотографиям лет семь. Мент знакомый передал, за ними давно наблюдают, секта и все такое, но там ничего незаконного, по сути, нет, так что слежку больше не ведут. Лица закрыты, а кто там в тот день заходил-выходил — не понятно.

— Вот тебе и все волшебство, — хмыкнул Миронов.

— Если веришь в магию, тебе там самое место, — скривился в ответ, а он хохотнул:

— А это мысль.

— Заодно за мной присмотришь, — сказала невзначай, а он рявкнул:

— Даже не думай!

— По-моему, как раз это и имелось ввиду, когда говорили, что я приду сама, разве нет?

— И что? Раз позвали, надо сходить?

— Ну так не отстанут же... — заканючила, заглядывая в глаза. — А так одним махом поймём, что им надо. Тем более что вход там, как я понимаю, чуть ли не свободный.

— Членский взнос, — кивнул Николай, — раз плюнуть.

— Нет, — отрезал сурово, а я потыкала в фотографии:

— Смотри, как они стоят. Капюшоны огромные, в несколько рядов, лиц не увидеть, где бы не оказался. А с ракурса алтаря с жертвой видно всех, как на ладони.

— Во-первых, я не желаю видеть тебя в роли жертвы даже на любительской постановке в местном ДК, — начал сурово, а закончил язвительно: — А во-вторых, ты в курсе, что придётся раздеться? Будешь лежать голая, а на тебя таращиться пара десятков больных ублюдков?

— И я, — внёс свои пять копеек Николай, а я густо покраснела, но продолжала стоять на своём:

— И пусть, с меня не убудет.

— Нет и точка, — сказал сурово. — Тему закрыли.

— Ладно, — буркнула недовольно и начала лениво листать фотографии, а затем читать довольно обширную биографию Антиквара.

Было ему пятьдесят три, а звали Петром Николаевичем Демченко. Н-да, Антиквар в самом деле звучит примечательнее. Мать скончалась когда ему было семь, отец до сих пор жив и, если верить бумагам, проживает с ним в одном доме. Открыто вполне легальное ИП, судимостей нет, в общем, ничего особенно примечательного, магического или фантастического. Обычный пройдоха.

— Информацию ещё дополняют, — сказал Коля, заметив мой интерес. — Наблюдение ведётся, но пока ничего примечательного. Торчит в своём магазине, выходит пожрать, напустив тумана во взгляд.

— А в магазине — обычный?

Он достал телефон и развернул ко мне экраном, а я фыркнула, увидев, как загадочный Антиквар вполне обыденно ковыряет в носу, закинув ноги на стол.

— А желтая машина? — спросила, а он поморщился:

— В процессе. Ты же не знаешь модель или номера, нужно время. Значит, позвал на работу? Почему именно ты? Девочек красивых полно, а с отведённой ролью справится даже абсолютная идиотка.

— Я работала в клубе, наверное, поэтому, — пожала плечами равнодушно, а он перевёл взгляд на Мишу.

— Есть ещё один вопрос, который надо сегодня закрыть. Не при дамах.

Оба уставились на меня, я нехотя поднялась и спросила:

— На долго?

— Часов пять-семь, — пожал плечами Коля, а я вытянула руку ладонью вперёд по направлению к Мише.

— Может... — начал с неохотой, а я в нетерпении пошевелила пальцами:

— Уговор есть уговор.

— Уговор был что этот деятель тебя пасёт, — рыкнул, сверкнув глазами, — а он нужен в другом месте.

— И почему это должно стать моей проблемой? — возмутилась, уперев руки в бока.

— Логично, — ответил, подумав, и сходил за ключами. — Выжди полчаса, лады?

— Опиши мне того, кто будет ходить следом, чтобы я опять не упала лицом в грязь.

Буквально.

— Да пусть Кравченко, — предложил Николай, а Миша кивнул:

— Пусть. Ты его видела, он вёл тачку, когда тебя привезли в дом.

Я кивнула, давая понять, что информацию усвоила, забрала ключи и пошла наверх, прихватив сумку. Плюхнулась на кровать животом вниз, вставила наушники и включила себе музыку, согнув ноги, дрыгая ими в такт и пытаюсь собрать мысли в кучу.

Весной Инга начала искать мать. С чего вдруг? Она о ней даже не вспоминала, а я годами была перед ее глазами и разговоров, что мы сестры, не возникало, даже в шутку. Квартира была оформлена только на нее, ее брат получил однокомнатную на окраине, едва ему исполнилось восемнадцать и тут же в нее переехал, Бог знает чем там занимаясь. Кстати, довольно любопытно, откуда у ее матери были деньги на квартиру? Время тяжелое, а работала она не то официанткой, не то продавцом. Или талант Инге передался от родительницы? Не такой уж и талант, вообще-то, если даже Ленка о нем знала. Говорила я ей... ладно, чего теперь. И что? Поймали за руку в очередной раз, выследили и убили? А с

чего вдруг опасаться слов наркоманки? Или все они погибли случайно и один из них Ингу и убил на самом деле? А я себе все просто напридумала. А как же паспорт? Ещё ключи эти... бессмыслица какая-то. Я вновь посмотрела на своё запястье где красовалась татуировка. Если Инга таскала ключ с собой, то он наверняка был на связке с остальными. И что, ее убили из-за старенького ключа, пусть и необычного? Который она нашла в древнем корыте возле туалета... да ну, бред.

Я шумно вздохнула, перевернулась на спину и увидела в дверях Мишу, привалившегося плечом к косяку и наблюдающего за мной. Вытащила наушники, а он медленно прошёл по комнате и сел рядом, начав водить кончиками пальцев по моим ногам с задумчивым видом.

— Я думала, ты уже уехал.

— Надо переодеться, — ответил, не отвлекаясь от процесса.

— Если продолжишь, я разденусь и ты никуда не уйдёшь, — заметила наставительно, а он отмер и резко поднялся.

Быстро переоделся и вышел, не глядя на меня. Я растерянно похлопала глазами и спустилась вслед за ним, успев услышать его суровый голос:

— Глаз с неё не спускать.

Дверь хлопнула, я достигла первого этажа и с удивлением констатировала наличие того самого Кравченко.

— Здравствуйте, — пролепетала, встав, как вкопанная, а он хмыкнул. — Я думала Вы будете... как бы это сказать... следовать за мной негласно.

— Не, я натурально сиделка, — скривился в ответ и протянул руку: — Владислав.

— Нина, — подала свою, а он крепко пожал ее, потрясая в воздухе.

— Ну что, Нина, куда ты там собралась? По магазинам?

— А это мысль, — кивнула задумчиво и начала обуваться.

Машину я узнала сразу, плюхнулась на переднее сиденье и пристегнулась.

— Куда? — усмехнулся Владислав, а я пожала плечами равнодушно:

— В центр.

Он врубил русский рок на полную, я шевелила губами, подпевая и прихлопывая ладонью в такт, а когда песня закончилась, он покосился и сказал задумчиво, убавив громкость:

— Не думал, что ты такое слушаешь.

— А на что ты рассчитывал? — решила я не церемониться. — Что я начну капризничать и дуть губы?

— Вроде того, — хохотнул в ответ.

— Я не завтракала. Заедем перекусить?

— В чем подвох? — тут же насторожился, а я вздохнула:

— У меня денег нет, я работу нещадно прогуливаю.

— Не проблема, — фыркнул надменно, а я мысленно ухмыльнулась: провести этого парня будет раз плюнуть.

Мы неторопливо выпили кофе в симпатичном кафе в центре, сели в машину и начали медленно двигаться по проспекту.

— Погодка — кайф, — протянула мечтательно. — Прогуляемся?

— Надо припарковаться, — проворчал, глядя на заставленные машинами обочины.

— О, туфли! — обрадовалась, ткнув пальцем в магазин за окном.

— Иди, — вздохнул, притормаживая на аварийных сигналах, — сейчас подойду.

Я тут же отстегнулась и вышла, а когда он проехал метров десять, резко изменила направление, перебежала через дорогу и юркнула в антикварный магазин, адрес которого был в бумагах, что принёс Николай. Уверена, мой побег без внимания не остался, но ему нужно было, как минимум, развернуться, так что пара минут в запасе была.

— Чем могу помочь? — впился в меня взглядом продавец: пожилой мужчина в клетчатом жилете и костюмных брюках. Он нервно перебирал пальцами, заметил мой взгляд и сунул руки в карманы, продолжая пожирать меня глазами.

«Странный выбор продавца» — поморщилась мысленно, а вслух спросила:

— Пётр Николаевич здесь?

— Ты рано, — сказал медленно, во взгляде появилась злоба, но тут же исчезла. Он скупно улыбнулся и поправил сам себя: — То есть, поздно. Хотя, понятие времени сильно преувеличено... Он уже уехал, будет только завтра.

Я выбежала из магазина, увидела машину Владислава у входа и его зверское выражение лица, приветливо помахала рукой и улыбнулась. Он слегка опешил, а я воспользовалась моментом и понеслась вдоль здания, радуясь, что обула кроссовки. Юркнула в переулок, оббежала дом и через дворы вернулась к главной дороге, устроившись на остановке в ожидании автобуса. Вряд ли он кинется звонить Миронову сразу, скорее всего, сначала поищет меня, а значит, время ещё есть.

Через минут пятнадцать я выходила недалеко от клуба, прошла через служебный вход, поздоровавшись с охранником, он скупно кивнул в ответ и широко зевнул, а я направилась в гримерку никем не остановленная.

У зеркала вертелась незнакомая мне девушка, я вновь поздоровалась, взяла с вешалки платье и начала переодеваться.

— Я Таня, сегодня первый день, — сообщила она дружелюбно, а я влезла в платье и улыбнулась:

— Инга, — и пошла в общий зал, шлепая по кафелю босыми ногами.

Народу было немного, царил расслабленная атмосфера, я окинула присутствующих взглядом, нашла Антиквара и прямым ходом отправилась с нему, столкнувшись по пути с мужчиной, возвращающимся из уборной.

— Простите, — улыбнулась, жеманничая и делая несколько шагов задним ходом, глядя ему прямо в глаза. Тип самодовольно ухмыльнулся, окинув меня оценивающим взглядом, отвернулся и пошёл за свой столик, а я преодолела оставшиеся пять метров и бесцеремонно села напротив Антиквара.

Он слегка ухмыльнулся, но тут же вернулся к своему образу, неотрывно глядя на меня. Достал из кармана свои часы, открывая и закрывая крышечку нажатием на кнопку, а я поморщилась и откинулась в кресле.

— Ее таланты по сравнению с твоими — пыль в глаза, — сказал, слегка подавшись вперёд.

— Пыль в глаза — это по Вашей части, — не осталась я долгу. Его глаза озорно блеснули в тусклом свете, а он поднялся и подал мне руку.

Я протянула свою и под насмешливыми взглядами мы удалились из общего зала, направившись в кабинет начальника.

— Выйди, — сказал он резко хозяину кабинета, тот посмотрел на меня со злобой, но вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я положила на стол мужские часы, сняв их со своего запястья, он взял их, повертел в

руках и сунул в карман.

— Я правильно поняла — вакансия моя?

— Буду рад, — ответил просто. — Инга была хороша, но ты... выше всяких похвал.

Копия матери. Хотя, твою сестру жалко, мы неплохо сработались.

— С чего Вы взяли, что мы сестры?

— Я довольно долго уговаривал ее сотрудничать, грозил даже, но ей мои угрозы... — хмыкнул и покачал головой, — она быстро догадалась, что это всего лишь маска, как и ты. Нюх у вас на людей, что тут скажешь. Я бизнесмен, Нина, я умею заключать сделки. Наводил о ней справки, выяснил, что живет с женщиной, удивился, покопался в твоей биографии. Твои детские снимки — просто чудо. Странно, что вы обе не догадались раньше. Хотя, ты так выглядела... наверное, для этого нужно было знать вашу мать в молодости. И знать, когда она ходила беременной. Не ясно только, как она подделала документы, но страдала вполне натурально, уволилась и больше тут не показывалась. Отец загремел в больницу, было не до этого. Я перехватил управление, это было не сложно, я с детства участвую в этих... представлениях, про магазин и говорить нечего, я там вырос.

— Не надоело, что люди Вас сторонятся?

— Дело привычки, — пожал плечами, а потом неожиданно хохотнул: — Иногда это даже забавно.

— Не вижу ничего забавного в том, чтобы травить меня какой-то дрянью, — скривилась в ответ, а он сдвинул брови:

— Поясни, — я охотно рассказала о своих квартирных приключениях, а он нахмурился ещё сильнее: — Я бизнесмен. Это не мои методы.

— И от клуба не Вы меня провожали до угла.

— Нет, — ответил скупо и задумался.

— Допустим, — не стала спорить. — И что Инга? Вы рассказали ей о матери и она согласилась?

— Не сразу. Пришла ко мне где-то через неделю, заявила домой, экскурсию потребовала, историю клуба рассказать, пробыла у меня полдня, не меньше.

— Какая-то сопливая девчонка нахально вваливается к Вам домой, устраивает допрос с пристрастием, а Вы все терпите и идёте на поводу? — удивилась, а он ухмыльнулся:

— Ты делаешь ровно то же самое. Повторюсь, я бизнесмен. И бизнес начал затухать, нужно было подогреть интерес, а для этого нужна была она: давно в клубе, постояльцев знает, они — ее, минимум риска.

— Я тут не работала.

— Ты — талант, я сразу понял и сразу начал действовать.

— Мне нужно будет... — замялась, не зная, как спросить.

— Раздеваться? — подсказал охотно, а я кивнула. — Нет, в спектаклях участвуют другие девушки. Таких предостаточно.

— Мне нужно время все обдумать, — сказала, поднимаясь.

— Оплата достойная, не сомневайся, — сказал на прощанье.

Я кивнула, зашла в гримерку, переоделась и вышла на улицу, с удивлением обнаружив, что начало смеркаться. Достала телефон, увидела три пропущенных от Миши и сообщением с текстом «я убью тебя». Вздохнула и поехала к нему.

— Я убью тебя! — рявкнул, едва я открыла дверь.

Челюсть стиснута, кулаки сжаты, в глазах ярость. Я разулась медленно и подошла

вплотную, обняв его и пристроив голову на груди, слушая, как бешено стучит его сердце. Он с силой схватил мои плечи и отодвинул от себя, прошипев: — Мы договаривались.

— Это не Антиквар, Миш, — проигнорировала его замечание. — Мы довольно милс побеседовали, точнее, это было скорее собеседованием на работу. Это не он травил меня. И Ингу убил не он. Он даже не псих.

— Зубы мне не заговаривай, — снова зашипел, но ярость ушла, освободив место глухому раздражению.

— Прости, но я же знаю, что ты меня не тронешь, — ответила со вздохом, — давай лучше подумаем, кому и зачем я могла понадобится...

Зря я это... Он отпихнул меня от себя и начал нервно доставать из брюк ремень. Я попятилась, не веря своим глазам и потеряв драгоценные секунды. Он сделал быстрый выпад в мою сторону, заломил мне руку и оприходовал ремнём по заднице. Было больше обидно, чем больно, но я все равно разревелась, а когда он закончил, отшвырнув орудие пыток, устроилась на полу в позе эмбриона и зарылась лицом в руки, продолжая всхлипывать.

Этого ему показалось мало, руки явно продолжали чесаться, он схватил столик за две ножки и со всей дури опустил его на пол. Развернулся и пошёл в зал, а я подглядывала сквозь пальцы и не шевелилась. Взял бутылку из бара, припал к горлышку и выпил половину, как будто там была вода. Сел на диван, продолжая держать ее в руке, потом швырнул в телевизор, разбив вдребезги и то и другое. Откинулся на спинку и просидел так довольно долго, прежде чем снова открыл рот и прорычал:

— Сюда иди.

— Ни за что, — буркнула в ответ.

Он шумно выдохнул, поднялся и подошёл, поднял с пола, вернулся к дивану и швырнул на него, сев рядом.

— Рассказывай.

— Что-то не хочется... — проворчала, потеряв ушибленное место.

— Не выводи меня! — заорал, багровея.

Я всхлипнула жалобно и снова расплакалась, закрыв лицо руками.

— Ну хватит... — сказал спокойно и положил руку мне на живот. — Уверен, не осталось даже синяка. Дай посмотрю...

— Фигушки, — ответила язвительно, придерживая шорты, которые он пытался снять. — Меня даже родители ремнём не били.

— Ты меня вынудила, — проворчал в ответ.

Я присмотрелась и поняла, что от половины бутылки его начало развозить. Фыркнула и сказала:

— Что толку рассказывать? Ты пьян и ни черта не соображаешь.

— Я даже мёртвый буду соображать лучше тебя, — съехидничал в ответ. — Влад — серьёзный мужик, как ты его провела — ума не приложу, но в морду он получил и больше этот номер не прокатит. Завтра весь день под его надзором, будешь сидеть мышкой, из квартиры — ни шагу.

— Ты же понимаешь, что я не твоя собственность, да? — спросила тихо, а он нахмурился:

— И мысли не было.

— А какая была?

— Рассказывай, Нин, не испытывай мое терпение.

— Я уже все рассказала. Приглашал на работу и только. Разговаривал обычно, как мы с тобой, когда ты не психуешь.

— Детали, — снова начал раздражаться и я быстро пересказала разговор, умолчав некоторые нюансы о самой работе. — Пойдём завтра, — мельком взглянул на часы и поправился: — То есть, уже сегодня, посмотрим на это сборище. Без тебя, разумеется.

— Разумеется, — состроила рожицу в ответ, а он прыснул, но тут же посерьёзnel:

— Нин, это не шутки. Если не Демченко, то один из тех психов, а это хуже, потому как цель не ясна.

— Я говорила это с самого начала, но ты не верил, — буркнула недовольно. — Пришлось проверять самой.

— Я буду прислушиваться к твоим словам, — сказал медленно, — а ты не будешь делать глупостей. Идёт?

— Идёт...

— А теперь я буду тебя жалеть. Где болит?

— Везде, — ухмыльнулась и прикрыла глаза.

На живца

Утром мы на пару убрали осколки, всю ночь проведя на диване, как на островке безопасности. Миша с сожалением смотрел на разбитый телек, бубнил, но выглядел вполне миролюбиво. В обед на дежурство заступил хмурый Владислав с синяком под глазом, я дождалась, когда Миронов уедет и подошла к нему с виноватым видом.

— Как лоха! — сказал с возмущением.

— Прости, — вздохнула, опустив голову. — Съездим пообедать?

— Хрен тебе, — ответил язвительно, — сюда закажу.

Вариант меня вполне устроил, я поднялась наверх и устроилась на кровати в наушниках. В голове засела фраза соседки сверху, что моя биологическая мать в какой-то момент своей жизни помешалась на внешности, всеми доступными методами пытаюсь продлить молодость. Вся эта канитель про время и бессмертие могла серьезно повлиять, подлив масла в огонь.

Я повертела телефон в руках, решаясь, а потом набрала Миронова.

— Чего? — спросил со вздохом.

— А где аудиозапись о которой говорил Коля?

— У Коли, — ответил язвительно.

— Дай мне хоть что-нибудь, — вздохнула в трубку, — у тебя совершенно нечем заняться.

— Пожрать приготовить, — бросил ехидно и отключился.

— Скотина, — констатировала беззлобно и спустилась вниз.

Надобность в готовке отпала — курьер уже все привёз, лишив меня последней надежды скоротать время. Мы сели за стол, а через двадцать минут в дверь позвонили. Кравченко пошёл открывать и через несколько секунд нарисовался Николай с широкой улыбкой и стареньким диктофоном в руке. Я расплылась в довольной улыбке и протянула ручки, а он хмыкнул:

— Что надо сказать?

— Спасибо, — протянула с чувством, поднялась и смачно поцеловала его в щеку.

— Поеду похвастаюсь, — хмыкнул в ответ, а Владислав пробубнил:

— Рискни. Рука у него тяжелая.

— Сам виноват, — пожал он плечами в ответ.

— Неужели? — взвился Кравченко. — Посмотрим, какой ты умник, — резко поднялся и через минуту хлопнул входной дверью.

— Неожиданный поворот, — хохотнул Коля и снял куртку. — Но я не возражаю, — достал телефон и нажал на вызов, подмигнув мне. — Кравченко свинтил. Ага. Либо я, либо Денис, остальные при делах, — послушал ответ и повесил трубку. — Ну что, Нинель, чем займёмся?

Я лукаво улыбнулась и включила диктофон. Минут двадцать мы слушали гнусавую тарбарщину, от которой начала болеть голова, я немного перемотала и включила вновь, услышав вполне членораздельное:

— Во имя силы, во имя жизни! Твоя красота — моя красота, твоя молодость — моя молодость, твоя жизнь — моя жизнь! — и повторение всех слов толпой. Нажала на паузу и поморщилась.

— Я ж говорил, — пожал плечами Николай, — бредятина. И чтобы ты дальше меня не пытала, скажу — вся запись в том же духе, часа на три, я прослушал каждую минуту. Ещё какая-то галиматья про младенцев, невинных и все такое, чьё время они забирают. Если присмотреться к девахе на снимках, у неё небольшой живот. Наверняка накладной, с мешком краски внутри, чтобы хлынула кровь от удара складными ножом. Знакомый там лично присутствовал, говорит — жость. Выглядит натурально и мерзко. К вечеру ещё информация будет, к мероприятию должны успеть ознакомиться.

— А во сколько оно? — полюбопытствовала, а он прищурился:

— Тебе зачем?

— Прикидываю, когда закончится мое заточение, — пожалала плечами, а он хмыкнул:

— Ага, как же. Я не Влад и довольно неплохо тебя изучил. Даже не мечтай меня провести.

— Зачем мне это? — удивилась в ответ. — Пойду наверх.

— Давай. Я телек посмотрю, — я развернулась, скрывая усмешку, и поторопилась наверх, услышав уже на последней ступеньке: — Ну, ахренеть!

Я завалилась на кровать и уставилась в потолок, раздумывая. Антиквар внёс некоторую ясность, хотя бы, стало понятно, с чего Инга занялась поисками матери. Во-первых, проверила поступившую информацию, во-вторых, задалась новыми вопросами. И понятно так же, почему не стала говорить мне. Но настояла на татуировке с этим чертовым ключом, было видно, это важно для неё. Миронов говорил, Антиквар живет чуть ли не в замке, а Инга практически требовала устроить экскурсию. При этом, ключ она уже нашла и не могла не обратить внимания на его довольно необычный вид. Искала, что он открывает? Я бы поискала... Ещё сильно резануло слух, что ее... наша мать сильно переживала на тему своего неминуемого старения. Слова соседки впечатались в сознание, это первое, что пришло ей на ум. И эта ерунда с младенцами на аудио, плюс голос, пока я была в бреду... неужели она в самом деле поверила во всю эту чертовщину с бессмертием и пообещала своего ребёнка в обмен на молодость? В голове не укладывается, но как я буду чувствовать себя, когда годы возьмут своё? Как сильно буду мечтать вернуть молодость и красоту? А она, я думаю, наслушалась этих проповедей, разъедающих сознание. И теперь один из фанатиков охотится на меня, забрав ее жизнь, но не получив никакого эффекта, то есть, как он и сказал, ее время ничего не стоит. А у меня его больше...

Допустим, Инга предположила, что этот ключ от одной из дверей в доме Антиквара. И наверняка его бросила в корыто наша мать. Что она рассчитывала там увидеть? Не пойму, пока сама не найду. Но ключи украли...

— Стоп, — сказала самой себе и зажмурилась, сосредотачиваясь и пытаюсь поймать мелькнувшую догадку, а потом резко распахнула глаза и увидела в дверях Николая, наблюдающего за мной. — Давно тут?

Он пожал плечами и медленно пошёл в сторону кровати. Сел на край и продолжил откровенно разглядывать.

— О чем думала?

— Об Инге, — пожалала плечами и подтянула колени к животу, сев. — А ты не нашел другого занятия, кроме как понаблюдать за мной?

— Телеку хана, — пожал он плечами. — А ты занятная. И красивая. По мне так вполне достойная альтернатива.

— С телевизором меня ещё не сравнивали, — состроила рожицу в ответ. Он хохотнул, а

я сползла с кровати и буркнула:

— Приму ванну, все равно делать нечего.

Он проводил меня взглядом, а я включила воду и осмотрелась. Окно я заприметила ещё в первое своё посещение: квартира была роскошной. А вот дом — старым и имел пожарную лестницу. Но время ещё не пришло. Я разделась и в самом деле залезла в воду, налив под струю воды мужской шампунь и с наслаждением вдыхала запах волос Миронова, прикрыв от удовольствия глаза. Провалилась пока вода не станет холодной, завернулась в его халат и вышла, блаженно улыбаясь, но замерла у двери, глядя на растянувшегося на кровати Николая.

— Ты чего тут? — спросила растерянно, а он слегка пожал плечами и поднялся, медленно двигаясь в мою сторону. — Коля, — сказала строго, — даже не думай.

— Да брось, — слегка поморщился в ответ и схватил меня за руку, второй прижав к себе, а я не придумала ничего лучше, как заплакать, повесив голову. — Да черт... прости, — буркнул, отстраняясь, — твою «приму ванну» звучало, как приглашение присоединиться.

— Дурак, — всхлипнула в ответ и закрыло лицо руками, пряча ухмылку.

— Ну, попутал, бывает. Черт... ну не расстраивайся, а? — протянул ко мне руку, а я дёрнулась всем телом, поскользнулась и грохнулась на кафель, не рассчитав траекторию и больно ударившись локтем. Взвыла от боли, он тут же сел рядом, а я начала отползать. — Да не бойся ты, ну? — сказал разочаровано и поднялся. — Все, я вышел. Нин, слышишь? Все в порядке, я не лезу.

Я зарыдала в голос и через три секунды его как ветром сдуло. Я услышала, как закрылась дверь в комнату, повсхлипывала для порядка, пока одевалась, закрылась в ванной и открыла окно, прикидывая, на сколько хороша моя растяжка. Оказалось, что не слишком, но была компенсирована упорством, а запасные кроссовки из сумки пришлись как нельзя кстати. Заканчивалась лестница довольно далеко от земли, я повисла навтыжку над землей, мысленно перекрестилась и отпустила руки, полетев вниз. Приземлилась на все конечности разом, поморщилась и резко поднялась, заспешив к остановке.

Минут через сорок вышла на остановке неподалёку от дома и пошла проверять свою теорию. Инга хранила ключ при себе и даже на всякий случай запечатлела его на моем теле, таким важным она его считала. Идя от остановки ночью, она наверняка прислушивалась, потому что по-другому у нас никак. И то, что ранения она получила не в спину, а в живот, говорит о том, что либо нападавшего знала, либо в последний момент обернулась, услышав гулкие шаги под аркой. Будь я на ее месте, услышав преследование, избавилась бы от самого ценного, то есть, от пресловутой связки ключей.

Было ещё довольно светло, я начала обследовать все кусты по направлению к дому, представив, как она, нося сумочку на левом плече, правой достала ключи и отшвырнула в сторону. Потребовался час и все мое упорство, но связку я, в итоге, обнаружила. Легла на траву рядом и подняла ее над собой, разглядывая находку. Что ж, надо признать, похожи мы были и в складе ума. Я мысленно поздравила себя, но теперь предстояло самое сложное: пробраться в дом Антиквара, пока он на представлении, и примерить ключ ко всем помещениям, которые удастся найти. Надеюсь, трёх часов мне хватит...

Несколько усложняло задачу то, что я не знала, во сколько все действие начнётся, но почему-то была уверенность, что ровно в двенадцать ночи, а в клубе он, скорее всего, будет ещё раньше, если ещё не там. Как попасть в дом я пока не придумала, но рассчитывала сориентироваться на местности, пока эту самую местность не увидела.

Дом возвышался тёмной громадой за высоченным забором, ночь, как обычно, опустилась внезапно и погрузила меня в темноту, но спасительной она не казалась, скорее наоборот. Стало не по себе от вида возвышающихся башенок, я обошла дом по периметру и пожалела, что не обзавелась ключами. Или порадовалась, если не кривить душой. Не придумав ничего путного, я вернулась к воротам и увидела, что калитка закрыта не плотно. И мне бы стоило бежать без оглядки, но любопытство пересилило и я осторожно толкнула ее, входя на территорию и пытаясь вспомнить, обратила ли я на неё внимание, когда в первый раз приходила мимо. Вспомнить так и не смогла, а вскоре необходимость отпала: не успела я сделать и трёх шагов, как перед глазами мелькнула рука с тряпкой и я отключилась.

«Как же холодно» — билось в голове. Мне казалось, мое тело сотрясается, но я не чувствовала этого. Я хотела обхватить себя руками, но они не слушались, я хотела позвать на помощь, но не смогла даже приоткрыть рот.

— Ты пришла... — услышала протяжный шёпот совсем рядом, — как я и говорил... пришло время отдавать долги, — и оповестил громко: — Да остановится время! Да пойдёт оно вспять! Адамазан аркны канур!

— Да ну серьезно? — усталый голос Миши. — Валите их всех нахер.

Послышались оглушительные выстрелы, мне показалось, я вздрогнула, а вскоре услышала у самого уха:

— Классные сиськи, Нинель. Я же говорил, я неплохо тебя изучил.

Я попыталась улыбнуться, но ничего не вышло и я оставила попытки.

— Вот вроде и выпороть тебя надо, — услышала вздох рядом, едва открыла глаза, — но не охото даже шевелиться. Поэтому спрошу... Нин, ты нормальная?

— Нет, — ответила сипло, а Миша вздохнул:

— Ну, хотя бы честно.

— Что случилось?

— Колян оказался еще более хитрожопый, чем я думал, — хмыкнул Миша. — Прямо даже не жалко потраченных денег. Раскусил все твои уловки на раз-два, поехал следом. Позвонил, когда тебя за воротами встретили, мы рванули с одного мракобесия на другое и успели к самому интересному: как над твоим обнаженным телом занесли вполне реальный кинжал. Мне не понравилось... я очень расстроился и разозлился.

— Я слышала... — сказала тихо.

— Принципы принципами, но это уже ни в какие ворота не лезет, — поморщился в ответ. — Но мои люди знают меня достаточно хорошо, палили по ногам, так что ни одного трупа и целая вереница бригад скорой помощи. Семеро долбоклюев с простреленными конечностями.

— А за главного — папаша Антиквара? — догадалась, вспомнив мужчину из магазина, а он кивнул:

— В точку. И директор клуба. Теперь понятно, с какой стати он решил, что мне скоро нужно будет искать другую. Урод... Кстати, о папаше. Пока ты отмокала в ванной, Колян получил новые сведения — этот хмырь лежал в психушке. И желтая тачка — его.

— Тогда понятно, — ответила брезгливо и закашлялась. Миша подал стакан воды, я осушила его залпом и скривилась: — Маман мою ещё проверить бы не помешало.

— С какого перепуга?

— Думаю, она слегка двинулась на фоне угасающей красоты и вступила в эту секту, когда балом ещё правил Демченко-старший. Пообещала взамен отдать младенца-девочку, если таковая появится на свет. Не думаю, что она планировала беременеть, а когда это случилось — сдрейфила. Отсюда вся эта неразбериха. Документы о смерти новорождённого ей дали реальные, с ними она и пришла и вроде все устаканилось, но судьба распорядилась иначе — Антиквару позарез нужны были таланты Инги, бизнес и статус терять не хотелось, он сложил два плюс два, заинтриговал ее и она согласилась. А потом ее убили по совершенно не относящимся к этому причинам, — закончила хмуро.

— По мне так все складно, — пожал плечами Миронов. — Влезла куда не надо и поплатилась за это.

— Нет, — ответила хмуро. — Она молода, если бы убили те психи, то, как они выражаются, забрали бы ее время, с ритуалами и прочей ерундой, а не пырнули бы в подворотне. А вот мать мою наверняка этот старикан на тот свет отправил.

— Ментам всю информацию передали, у Коляна связи, париться не о чем. Допросят. Но, при любом раскладе, его скорее в психушке закроют. Как и остальных.

— Да без разницы... — отмахнулась в раздражении. — Неужели ее реально убили свои же? Или наркоманы из подвала?

— Как правило, что первое в голову приходит — наиболее вероятный вариант, — пожал он плечами.

Я прикинула, что же это, и вздохнула:

— Давай спать, что ли?

— Сиськи твои половина моей команды видели, — буркнул, ложась рядом. — И все остальное тоже.

— Зато, на меня больше не охотится псих, — пожала плечами, а он вспомнил:

— Кстати, у одного из семерки сломана нога.

— Мой камикадзе? — ахнула, как будто получила подарок, а он довольно улыбнулся:

— Он самый. Похоже, изначально за этим и приходил — вырубить и включить свою шарманку.

— А к Инге в комнату пошёл, потому что в последний месяц я проводила там больше времени, чем у себя.

— Похоже на то, — кивнул согласно.

Я с трудом держала глаза открытыми, он заметил это, притянул к себе, обняв, и тихо засопел мне в волосы. А я наконец-то окончательно согрелась, расслабилась и уснула, чувствуя себя почти счастливой и немного стыдясь этого.

Мы провалялись в постели до обеда, пока не объявился Николай, с озорством поглядывая на меня.

— Засветила свои прелести, не спать мне теперь ночами спокойно, — шепнул, пока Миронов отошел. — Не передумала на его счёт?

— Вот ты все говоришь, что он мразь, так? — спросила невзначай, а он развёл руками в ответ:

— Говорю, как есть.

— Только вот он не позволил мне приманкой для психа стать, а ты мне подыграл, — ответила, похлопав его по плечу. — Вот и думай, кто тут кто.

Он усмехнулся в ответ, кивнул и крикнул вглубь квартиры:

— Жду на улице.

Я проводила подозрительно довольного Миронова, собралась сама и поехала к себе в квартиру. Выгребла кучу макулатуры из почтового ящика, села с ней за кухонный стол, отложила счета с намерением оплатить, вздохнула, увидев фамилию Инги на платежках, выкинула рекламные буклеты и зависла над письмом из банка с красной печатью «срочно», адресованном Инге.

— Любопытно... — протянула вслух, вскрыла конверт и увидела уведомление о просрочке платежа по срочному кредиту, выданному на следующий день после смерти подруги. Вот тебе и вся загадка с паспортом...

Сунув конверт в сумку, я достала из риса ее телефон, поставила на зарядку и минут десять с замиранием сердца просто смотрела на него. Включила, ввела пароль, который отлично знала, и немного покопалась в списках вызовов, лишь укрепившись в своих подозрениях. Оставила его заряжаться, переделась в лёгкое белое платье, выгодно подчеркивающее все, что только можно, и пошла в сервис.

Генка корпел за работой и увидел меня не сразу. Поднял взгляд на цоканье каблучков по бетону, прикрыл ладонью бьющее в глаз солнце и широко улыбнулся.

— Привет, — улыбнулась я в ответ, радуясь встрече с другом. — Я соскучилась.

— Взаимно, Нинель, — прогремел Гена, поднялся и заключил в объятия, сжав так сильно, что у меня затрещали рёбра. Отстранился и заглянул в глаза, спросив: — Какие дела?

— Меня чуть не убили, — пожаловалась тут же и рассказала события последних дней.

— Мощно! — гаркнул Гена. — Искала убийцу Инги, а нашла своего маньяка. Ну, в целом, тоже положительный результат... и чего? Будешь дальше ввязываться в неприятности или поживёшь спокойно?

— Как спокойно-то, Ген... — вздохнула понуро. — Он должен сесть, ее убийца, я не успокоюсь.

— Какие мысли?

— Да есть одна... — поморщилась и рассказала план. — Предупредишь наших всех, кого встретишь, чтоб приглядывали за мной?

— Само собой, но мне эта идея не нравится. Давай лучше подумаем, как найти доказательства.

— Да нет их, — нахмурилась в ответ. — Была наркоманка, она видела его, узнала, но из-за меня...

— Не думаю, что из-за тебя... я слышал, тут одного из них видели на районе, мелкий такой, на Губина похож.

— Надо найти, — оживилась, подсакивая. — Есть телефон Сашки Терентьева?

— Зачем? — удивился в ответ, а я пожала плечами:

— Он всех знает.

— Мужики, Терентьева номер есть?! — проорал на весь сервис и кто-то откликнулся:

— Есть! — подошел через минуту, протирая грязные руки ещё более грязной тряпкой, достал телефон из кармана и буркнул: — Пиши, — я достала сотовый, внесла контакт, а он продолжил серьезно: — Теперь пиши мой...

Гена закатил глаза и пихнул его носком кроссовка, проворчав:

— Иди отсюда, Ромео.

Парень хохотнул, подмигнул мне, деловито перекинул через плечо тряпку и пошёл

работать, насвистывая, а я попрощалась с другом и вышла на улицу, набрав Сашкин номер.

— Чего надо? — бросил грубо, а я пискнула:

— Привет, это Нина...

— А, Нинель, — ответил совсем другим тоном, но через мгновение напрягся: — Погоди, ты ж с этим... мне проблемы не нужны.

— Да я по делу, Саш, помощь нужна.

— Это можно, — сказал с готовностью, — приходи на этажерки, мы тут.

«Могла бы и догадаться» — вздохнула про себя и заспешила на пустырь, который сколько себя помню называли этажерками, наверное из-за старых многоуровневых турников, торчащих из земли прямо по центру площадки. Там и подтягивались, и выпивали, с танцами и музыкой на всю катушку, и устраивали стычки, а иногда все сразу, вместе или по очереди. В общем, ДК отдыхает.

С нарядом я немного перестаралась, каблуки утопали в земле, идти на цыпочках из-за их высоты было невозможно, так что плюнула, сняла их и прошла оставшиеся пятьдесят метров босиком, на радость парней.

— Сразу видно, своя, — довольно крякнул Сашка, обняв за плечи. — Что там у тебя за дело?

— Кто-нибудь знает, где живет брат Инги? Мне надо с ним поговорить...

— На окраине, — пожал плечами Димка, — но адресок не подскажу, в гости не звал.

— И разговора там вряд ли получится, — поморщился Стас. — Он и был-то неадекват... а сейчас, я слышал, совсем без тормозов. А ещё я слышал его Генка с лестницы спустил.

— Было дело, — вздохнула понуро, — но обстоятельства изменились... А есть кто на окраине кто помочь может?

— Знакомый есть, — кивнул Дима, — но чтоб прям помочь...

— А найти другого человека чтоб тот помог? — Дима свёл глаза у переносицы, а я улыбнулась мягко:

— Ну ничего, мои хорошие, найду. Спасибо! — махнула рукой на прощанье и пошла в сторону домов, но была поймана за руку Димкой:

— Нинель, погоди, чего ты умотала-то? Ща наберу... — достал телефон, долго копался в телефонной книге и наконец-то нашел нужный номер, нажав вызов. — Здорово. Слушай, тут надо человечка найти... или двоих, я толком не понял. Да. Да. Ща подвалим, — убрал телефон и махнул парням рукой, чтобы подошли. Окинул нас взглядом и вынес вердикт: — Нормально, влезем.

— Все поедет? — округлила я глаза, а он удивился:

— На окраину? Само собой. Я бы ещё в багажник кого прихватил, но там биты и ещё куча всего.

— Может, не надо тогда, а? — пошла на попятный, а парни заржали.

— Топай давай, — легко подтолкнул меня в спину Димка, качая головой.

Дружной толпой мы дошли до его машины, загрузились и через двадцать минут вышли в точно таком же районе, что и наш. Отличие было лишь в незнакомых хмурых лицах и косых взглядах, хотя, скорее, больше удивленных: выглядела я на их фоне весьма колоритно.

— Глянь как глаза вылупили, — хохотнул Стас.

— Белоснежка и четыре гнома, — ухмыльнулся молчащий до этого Глеб, а когда мы подошли к троице у гаража-ракушки, все мои спутники разом заржали.

— Не понял, — взвился незнакомый парень, а Димка кивнул на меня:

— Белоснежка, — тот посчитал присутствующих и скривился в ухмылке.

— Чья деваха?

— Мирона, — отозвался со спины до боли знакомый голос. Я зажмурилась, понуро опустив голову, открыла глаза, расправила плечи и обернулась с улыбкой:

— Привет, мой хороший.

— Ну, привет, Нинель, — мотнул головой в сторону и я покорна отошла от своих. — Здорово ты меня подставила, — сказал с обидой, а я замотала головой отрицательно и схватила его за руки, затараторив:

— Нет, Русик, ничего такого, это уж потом все случилось, оставили меня, так обидно стало, ну и... а идею вы сами подсказали, а потом уж... закрутилось, сама не поняла как...

— Без порток прямо на районе оставили, мужики до сих пор ржут.

— Да это от зависти, — зашипела, покосившись на остальных. — Где ты и где они, ну, сам посуди.

— Все равно, — буркнул, подобрев. — Не дело.

— А бить меня — дело? — нахмурилась, уперев руки в бока.

— Ладно, забыли, — пробубнил кисло. — Чего приперлись?

— Я ищу брата подруги, парни помогают.

— Как звать?

— Артём Гончаров.

Он поморщился и спросил с сомнением:

— Уверена? Тот, которого я знаю — отбитый на всю голову.

— Точно он, — обрадовалась, а Руслан посмотрел с сомнением:

— Тут неподалёку живет, хотя, тут все неподалёку... короче, домов пять. Проводить?

— Да, — ответила с готовностью, а потом стушевалась: — Только не обижайся, ребята следом пойдут.

— Да понятное дело, — отмахнулся и добавил: — Хотя, немного неприятно.

Я подошла к своим и шепнула Димке на ухо, чтобы проводили. Он подмигнул в ответ и попрощался за руку с местными, деловито направившись вслед за нами и выглядеть мы стали ещё более странно, потому как троица пошла следом, держа дистанцию.

— Значит, Мирон, — завёл шарманку Руслан, а я развела руками в ответ. — В принципе, нормальный мужик. С юмором, как оказалось. А мог бы грохнуть. Я бы грохнул.

— Горяч, — похлопала его по плечу, — это я сразу поняла.

— Ну так, — хмыкнул самодовольно. — Пришли, второй подъезд, этаж тоже, квартира хер знает, от лестницы направо, разберёшься. И твои пусть подежурят, я не шутил, он реально того... все ему должны, да обязаны, а что сам уже триста кусков по району торчит — это ничего.

— Кто ж ему столько дал? — округлила глаза, а он пожал плечами:

— Бизнес хотел замутить, задумка неплохая, но мозгов по итогу не хватило. Так что занят занят, а возвращать нечем. Ну, я погнал. Дела.

— Пока, деловой, — улыбнулась и подтянула его бритую головушку, чмокнув в щеку.

— Лиса, — фыркнул, посмотрев по сторонам, не видел ли кто, сунул руки в карманы и заспешил вдоль дома.

Мы с ребятами зашли в пахнувший кошачьей мочой подъезд, дружно сдерживая рвотный рефлекс, а я сообщила со вздохом:

— Придётся вам тут подождать.

— Должна будешь, — прохрипел Дима, отчаянно пытаясь не дышать, а я поднялась на этаж и позвонила в квартиру.

— Ты?! — взревел Артём, широко распахнув дверь. Ноздри раздулись, в глазах вот-вот начнут лопаться сосуды от давления изнутри, кулаки медленно сжимаются. — Пошла... — я подождала, пока поток красноречия иссякнет и отважно шагнула в квартиру, слегка потеснив его. — Ты... — начал, а я перебила:

— Сестра твоя, — он распахнул глаза ещё шире, а я скривилась: — Не то, чтоб я была в восторге.

— Не гони, — брякнул, захлопнув дверь, а я развела руками:

— По бате вряд ли, а по матери — сто процентов.

— Заливаешь, — заявил уверенно. — Не понятно только — нахера.

— Хочешь — анализ сдадим? ДНК или как там его...

— Да с чего ты взяла-то? — спросил вполне по-человечески. — Ну, похожи вы, сейчас особенно, что с того? Таких, как вы, полгорода.

— Соседка с пятого, в роддоме которая работает, рассказала, — буркнула, разуваясь и проходя в кухню. — Ну, я посидела, прикинула... у меня больше нет никого, а я тебя с лестницы. Нехорошо.

— Башку бы тебе за это проломить, — кивнул согласно. — Я в дерьме по самые помидоры, деньги до зарезу нужны.

— Слышала уже... — ответила тихо, с потом спросила: — Так ты ее из-за квартиры убил?

— Ты поехала, что ли? — опешил, открыв рот. — Я Ингу грохнул? Сестру, ножом в брюхо? Н-да... катись-ка ты, сестрица, пока реально из окна не полетела.

— Да я просто проверила, — сказала мягко, — не ты, так не ты...

— Жалко ее...

— Жалко, — фыркнула, закатив глаза. — Ты даже на похороны не пришёл.

— Ага, а кто мне о них сообщил? — ответил язвительно. — Узнал, что сестру убили по слухам через десятые руки.

— Не рассказывай, я сообщение всем рассылала. Притащился, как стервятник, противно аж.

— Сообщение, — прыснул, поднявшись. — Кто их читает вообще? И как бы ты нормальная такое в сообщении отправлять? Мы может и не общались, но это не соседей на гульбарий пригласить. Выбесила ты меня конкретно, думал прочту, а на деле — ты меня.

— Я думала ты в суд пойдёшь.

— Хотел, а потом подумал: пока тяжба закончится меня все равно грохнут, так что смысла нет последнее на адвокатов спускать, — достал из морозилки бутылку водки и бахнул ее на стол. — Помянем, что ли, сеструху. Как думаешь, кто?

— А кому ты должен и кому бабки нужны не меньше, чем тебе? — задумалась вслух.

— Всем, у кого занял, — поморщился в ответ. — Человек тридцать. Это ты что думаешь, из-за меня, что ли?

— Когда шла, думала — ты, — призналась честно, а он вспылил и замахнулся, а потом опустил руку, глухо порычав.

— Думала, что я и все равно потащилась? Точно сестра, такая же отбитая, как и Инга была. Не пуганые. И одной тепер нет, — хлопнул рюмку, я опрокинула свою из вежливости, а он крякнул: — Звонила мне незадолго, прикинь. Лет пять ее не слышал, а тут

нарисовалась. Я звонок проворонил, потом раз десять набирал, прежде чем дозвониться.

— Чего звонила-то?

— Хотела подбить на какую-то авантюру. Типа, она мать знает где похоронена, надо вырыть убедиться. Совсем кукуха отъехала. Ну, я послал... теперь жалею. Стандартная херня, пока человека не станет все побоку.

— А где — не сказала?

— Не, я сразу в отказ... своих проблем хватает. Начала канючить типа — да там не то, чтобы вырыть, лопатой махать не надо, но через заборчик подсадить придётся.

— Похоже, я знаю, — хмыкнула, поднимаясь.

— Куда? — удивился, а я пожала плечами:

— Мать откапывать.

— Пошли вместе, — вздохнул, опрокинул ещё рюмку и поднялся.

— У тебя другое задание будет, — хмыкнула в ответ, а он съехидничал:

— Ага, разбежался.

— Я с деньгами помогу...

— Откуда у тебя? — фыркнул презрительно. — Если только хата, но ее продать — срок нужен, а мое время почти вышло.

— Ну, часть долга отпадёт, а остальное... Инга наследство припрятала.

— Какое? — тут же наострил уши, а я махнула рукой:

— Потом. Расскажи-ка всем, кто захочет слушать, что я твоя сестра. И что одни мы с тобой на всем белом свете остались, такие дела.

— Нет, — нахмурился в ответ. — Если конечно у тебя в запасе нет для меня ещё сестры. Тогда будет не так обидно, вроде конвейера — одну зарезали, пошла вторая и так далее.

— Почему говорят, что ты отбитый? — удивилась в ответ.

— Потому что когда бабки водились — все друзья-приятели, а как в жопе оказался — всем разом должен. Стандартно. А с пушкой наперевес бегать замахался. Возраст уже, знаешь ли. Как-то все больше тянет на диване родном поваляться, а не по трущобам носиться, да дань выбивать.

— Ты работал... коллектором? — спросила осторожно, а он хмыкнул:

— Типа того.

— Ладно, я пошла. Созвонимся. А просьбу выполни, мой хороший. Падлу эту, что Ингу убил, надо наказать. У тебя ещё есть сестра, а у меня больше нет.

Он посмотрел серьезно, подумал и кивнул, а я вышла и спустилась на этаж, где до сих пор поджидали парни, вполне свыкшиеся с запахом: расселись на ступеньках как попало и лениво переговаривались.

— А мы ставки делаем, — хмыкнул Сашка. — Он тебя уже грохнул или только планирует.

— Брат он мой, — ответила хмуро. — Подбросите до центра?

— Реально? — допытывались всю дорогу, а я лениво отвечала на сыплющие сплошным потоком вопросы и вздохнула с облегчением, выйдя прямо у магазина Антиквара.

— Ждать? — спросил Димка, а я отрицательно мотнула головой, тепло попрощалась и юркнула в магазин.

— Нина, — встретил меня хозяин, распахнув объятия. — Надеюсь, с ответом.

— Вообще, с просьбой, — слегка поморщилась, а он удивленно вскинул бровь. — И ответ — нет.

— Ты не очень хороший бизнесмен, Нина, — хохотнул в ответ.

— Ваш отец меня чуть не убил в Вашем доме, — заметила с укором, а он развёл руками:

— Он болен.

— То есть, это нормально?

— Нет, конечно, — поморщился в ответ. — Но не убил же.

— Меня — нет, — кивнула согласно, а он напрягся:

— Поясни.

— Что открывает этот ключ? — достала Ингину связку и показала ржавый ключ с татуировки.

— Откуда он у тебя? — удивился, приблизившись. — Это от подвала, там раньше продукты хранили, типа погреба. Потом ключ потерялся, лет... черт, около тридцати назад, точно даже не вспомню. Дверь ломать не стали, все равно не используется уже давно.

— А запасного нет?

— У отца был, но он его давно потерял, я узнавал.

— Думаю, комнатку лучше открыть в присутствии правоохранительных органов, — сказала со вздохом. — На всякий случай.

— Я примерно понимаю, к чему ты ведёшь, но верить в это решительно отказываюсь.

— Ну, можете рискнуть, — пожала плечами.

— Я же не могу вызвать полицию чтобы они вместе со мной заглянули в погреб, — посмотрел на меня с укором, а я нервно хихикнула и вышла на улицу позвонить.

— Ты где? — буркнул недовольно вместо ответа.

— У магазина Антиквара, — ответила честно, а Миша тут же взбесился:

— То есть, мои слова тебе вообще до фонаря, да?!

— Не кипятись, — шикнула в ответ, — просьба у меня.

— Излагай, — вздохнул недовольно, а я уложились в несколько предложений. — Без проблем, устроим, но ты поедешь домой. Рассказов с тебя будет достаточно, если там, конечно, не пусто.

— А вот тут возражать не стану, — ответила с готовностью.

— Пусть чешет домой и ждёт. А ты стой, где стоишь, минут через десять буду.

Я передала послание Демченко, вышла и встала по стойке смирно как примерная девочка, в этом своём белом платье и на каблучках, разметав волосы по плечам.

— Ну прямо святая простота, — скривился Миша, когда я села в машину. — А глаза-то какие хитрющие... колись, что задумала?

— Ничего, — ответила, уставившись на него во все глаза.

— Ага... — протянул с такой улыбочкой, что я невольно повела плечами. — А я, представляешь, занимаюсь себе делами, тут у Коляна телефон звонит, а рожа вытягивается. Спрашиваю — в чем дело? Да, говорит, по району клич — посмотреть в оба если Нинель поблизости. Но это только для своих, пришлым — ни-ни. Я так обрадовался, думаю, вот здорово, весь район в теме, а я — нет. Ну, думаю, подожду. Закрутилась моя девочка завертелась, телефон опять сел или ещё какая напасть — объявится. И вот, спустя каких-то пару часов звонит. Ну, думаю, вот оно. А она мне байки из склепа травить. Смотрю на тебя сейчас и размышляю — и нахрена мне все это?

— И что надумал? — буркнула обиженно.

— Пока ничего, — ответил хмуро и повёз меня домой. Остановился у подъезда и сказал тихо: — Если выйдешь сегодня на улицу, никакая шпана дворовая тебя не спасёт. Уяснила?

Я молча вышла и пошла домой. Сегодня и не собиралась... Записалась на завтра к врачу, чтобы закрыть больничный, позвонила менеджеру и сообщила, что готова выйти на работу, убралась, приготовила еды, долго отмокала в ванной, вновь перебрала все вещи Инги и в конце концов легла, таращась в потолок. Позвонить он не удосужился, приехать — тем более. Воспитывает... Я сгорала от любопытства, но сама звонить не рискнула, дабы не попасть под горячую руку, взглянула на часы и поняла: сегодня закончилось. Одела старые джинсы и толстовку и вышла на улицу, озираясь по сторонам.

Было страшно. Вести разносились быстро, медлить было нельзя: уже завтра мой маленький план накроется, дойдя до тех ушей, до которых не должен и я никогда не узнаю, кто убил сестру. Тишина стояла такая, что уши закладывало, вокруг не было ни души, а за каждым кустом мерещилась опасность. Я отчаянно стучала зубами и крепче сжимала в кармане перцовый баллончик, проходя под аркой, но все равно слышала его в последний момент. Резко развернулась и получила удар ножом в живот. Охнула, согнувшись, слышала мат со всех сторон и топот ног, достала баллончик и набрызгала из него нападавшему прямо в лицо, упав на асфальт.

Его в момент скрутили, а надо мной навис Миша, упав рядом на колени и выглядел, мягко говоря, не очень. Руки слегка дрожали, брови сдвинуты, взгляд с беспокойством. Он медленно задрал мою толстовку, увидел сборник стихов Тютчева и прикрыл глаза, выдохнув и обмякнув всем телом.

— Сколько время? — спросила тихо. Он машинально взглянул на запястье, но часов на их законном месте снова не оказалось. Я подняла руку, задрал рукав, показывая его собственность, и посмотрела на него, сказав тихо: — Час ночи.

— То есть, — сказал медленно, — все эти дни... — я кивнула, таращась в его глаза, но его лицо не выражало ровным счетом никаких эмоций. — Ты вообще не такая, какой казалась, — сказал вкрадчиво и поднялся, бросив сверху: — Мне надо подумать.

И просто ушёл, оставив меня лежать с этой книгой за поясом джинс.

— Она сидела на полу и грудю писем разбирала, — декламировал громогласно подошедший Николай и протянул руку. Я проигнорировала его, вытащила сборник и поплелась домой.

Парень, пытавшийся проделать во мне незапланированное природой отверстие был мне абсолютно незнаком. И было даже неинтересно кто он и как его зовут. Главное: его взяли. Потом, правда, все равно пришлось узнать, я довольно много времени провела в участке и суде, но оно того стоило — его-таки посадили. И за убийство Инги, в котором он признался, и за покушение на мою жизнь, которому было семь человек свидетелей. Пытался переложить ответственность на Артема, но быстро пошёл на попятный, потому как его адвокат успел шепнуть ему, что за сговор дадут ещё больше. Я отдала брату коробку с разным хламом из гаража и мы пришли к соглашению, что кровь в нашем случае — вода, так что открытку на день рождения я от него не ждала. И упорно продолжала верить в его непричастность, хоть и было это довольно сложно.

Наркомана-таки нашли, как и деятелей, которые помогли ему оформить кредит по чужому паспорту за скромные семьдесят процентов. Когда я заявила, он сильно сдрейфил и накачал дружков отравой, рассчитывая, что уж кого-кого, а его подозревать точно не станут.

А вот в подвале Антиквара оказалось пусто. Правда, дверь была выбита, так что тут я серьезно промахнулась, но предъявить ему было ровным счетом нечего, он лишь развёл

руками и добавил страшилку в копилку городских баек.

Но это все случилось позже, а сейчас... сейчас я лежала в своей кровати, вновь нацепив пирсинг, и тихо всхлипывала, не в силах перестать плакать. Завтра же пойду в хозяйственный, куплю краску для волос и вернусь в свою нору. Поиграла и хватит. От этого нового образа одни расстройства.

— Да засыпай ты уже, — проворчала недовольно, разозлившись на себя, и с силой потёрла лицо ладонями, тут же ойкнув от резкой боли, задев за пирсинг в брови.

— А я говорил — сними, — сказал Миша наставительно, сидя у кровати и привалившись спиной к тумбочке.

Мое сердце забилося в бешеном темпе, я замерла, испугавшись, что он мне привиделся и протянула к нему руку, но тут же отдернула.

— Подумал? — спросила, сглотнув.

— Подумал, — хмыкнул в ответ и положил одну руку на кровать, постукивая пальцами. — Часики верни, они мне нравятся. А, погоди... — ухмыльнулся и посмотрел на свою руку, — вот же они.

— И что надумал? — спросила вновь, потеряв запястье, на котором они ещё совсем недавно красовались, и почувствовав какую-то пустоту, как будто недоставало существенной части меня.

— Дохрена всего, — хохотнул в ответ. — Этой ночью я дважды чуть не сдох. Первый раз — когда тот плюгавый мудозвон пырнул тебя ножом, а никто из моей команды, включая меня, не оказался достаточно близко, чтобы это предотвратить. Второй — когда ты снова проделала этот фокус с часами. Я догадывался, конечно, что это ты растишь во мне паранойю, но сам себе отказывался верить. Нет, думаю, это не может быть правдой. Не может и все тут.

— А вывод? — спросила кисло, а он пожал плечами:

— Люблю Тютчева. Сними эту хрень со своего лица, пока я ее не вырвал, — сказал строго и поморщился: — Случайно, разумеется, — и зажмурился, чтобы мне не пришлось бежать в ванну.

Я быстро сняла сережки и буркнула:

— Все, — он открыл глаза и улыбнулся, а я потянулась руками к его ямочкам. Была ни была... — Миш, я...

Договорить он мне не дал, подо двинулся ближе и забрал у меня из рук сережки, отшвырнув подальше и продолжая держать мою правую руку в обеих своих.

— Так вот, — продолжил незамысловато, — я влюбился в одну девчонку, а она оказалась совсем другой. И я чуть не спятил от осознания. Решить, по сути, нужно было только одно: ворованное или дожидаться утра. Подождать не получилось... ночь — это так долго, а у тебя тут пол района желающих и эта рожа этажом ниже. Короче, вот, — убрал руки, а я увидела на своём безымянном пальце кольцо. Повисло неловкое молчание, я просто не могла выдавить из себя ни слова, а он явно ждал какой-то ответ, проворчав: — Что скажешь?

— Красивое, — промямлила, пряча взгляд, а он вздохнул:

— Заслужил... — взял мою руку в свои горячие ладони и заговорил с волнением в голосе, покручивая на моем пальце кольцо: — Нин, мне нужно было немного времени поверить в своё счастье. Я думал, что спятил. Что придумал себе все, свою идеальную женщину, что сплю. Я так люблю тебя, черт, так сильно я не люблю даже себя, — я

прыснула, а он тяжело выдохнул: — У меня сейчас сердце встанет, ответь что-нибудь. Выйдешь за меня?

— Сколько время? — спросила вместо ответа. Он мельком взглянул на запястье, где ещё минуту назад были часы, глухо простонал и залез ко мне на кровать, придавив собственным весом.

— Идеальная, — сказал с чувством и шумно поцеловал, тут же отстранившись и заглянув в глаза: — Но это не ответ.

— Да, — ответила просто и лукаво улыбнулась, сверкнув глазами.

— Что задумала? — хмыкнул в ответ.

— Поиграем? Кто проснётся без часов — тот проиграл.

— Я по-любому выиграл, — ответил самодовольно и начал целовать мне шею, прошепав: — Вызов принят.

Больше книг на сайте - Knigoed.net